

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
ТВЕРСКОГО РЕГИОНА**

III

ТВЕРЬ 2017

**Министерство образования и науки РФ
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»
Исторический факультет**

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ТВЕРСКОГО РЕГИОНА**

Выпуск 3

**Материалы Межвузовской
научной конференции молодых ученых
исторического факультета
Тверского государственного университета**

20 апреля 2017 г.

ТВЕРЬ 2017

УДК 94 (470.531)(082)
ББК ТЗ(2Рос-4 Тве)оя43
И90

И90 Исторические исследования в образовательном пространстве Тверского региона. Выпуск 3: Материалы Межвузовской научной конференции молодых ученых исторического факультета Тверского государственного университета, 20 апреля 2017 г. Вып.3 / сост., ред. Т.Г. Леонтьева (отв. ред.), А.В. Винник, Ю.В. Степанова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017.–100 с.

ISBN 978-5-7609-1216-9

В сборник вошли материалы докладов, представленных на Межвузовской научной конференции молодых ученых исторического факультета Тверского государственного университета (20 апреля 2017 г.).

УДК 94 (470.531)(082)
ББК ТЗ(2Рос-4 Тве)оя43

ISBN 978-5-7609-1216-9

© Авторы, 2017
© Тверской государственный
университет, 2017

ИСТОРИЯ РОССИИ

«Карельский след» в документах Государственного архива Тверской области¹

Т. Г. Леонтьева, А. В. Полевая

В статье представлен краткий историографический обзор и анализ материалов Государственного архива Тверской области, характеризующих историю и культуру тверских карел – этнической группы, сформировавшейся на территории Верхневолжья в XVII в. Исследуются документы из фондов государственных учреждений, научно-просветительских организаций и личных коллекций, отражающие процесс формирования карельской диаспоры, землевладение, хозяйство, семейные структуры, взаимоотношения карел с автохтонным населением. Наиболее значимым, но малоисследованным, авторы признают Переписную книгу Бежецкого Верха 1709 г.

Ключевые слова: *тверские карелы, Верхневолжье, Бежецкий верх, переписные книги, расселение, хозяйство.*

Изучение истории малых этносов становится все более востребованной темой в современной гуманитаристике. Для тверского Верхневолжья и его исследователей характерен интерес к истории карел, которые появились на тверских землях в ходе массового переселения около 400 лет назад. Так называемая «Тверская Карелия» (термин Ф.Н. Глинки, 1836) охватывала группу территорий компактного расселения карел: согласно данным Глинки, священника В. Михайловского, подтвержденным исследованием Ю.В. Готье, речь идет о Бежецком, Весьегонском, Вышневолоцком, Новоторжском, частично Тверском, Зубцовском и Кашинском уездах².

Однако «Тверская Карелия» – не только географическое понятие, но и социокультурный феномен, сыгравший существенную роль в формировании этнокультурных особенностей населения тверской провинции. Некий сплав социокультурных характеристик автохтонного (русского) и пришлого (карельского) населения отмечается ещё в первых исследованиях истории тверских карел (например, упомянутого священника В. Михайловского, 80-е гг.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта академии Финляндии "The Integration of the Karelian Periphery in European Society" No.14997.

² См.: Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. Второе изд. М., 1937. В настоящее время представители этого этноса проживают практически во всех районах Тверской области, но компактно сконцентрированы в Бежецком, Весьегонском, Лихославльском, Максатихинском, Осташковском, Рамешковском и Спировском районах.

XIX в.). При этом отмечается, что главным консолидирующим фактором выступала единая вера – православие.

Следует отметить, что история верхневолжских (тверских) карел в современной науке представлена фрагментарно. Комплексные исследования не проводились, и потому практически все выводы, полученные в тот или иной период авторами на разных полях (исторических, этнографических, социологических) циркулируют без дополнительной верификации.

Тем не менее, сведения о карельских переселенцах в Верхневолжье, претендующие на научность, можно найти в работах немецкого исследователя Д. Рихтера. В конце XIX в. исследователь провел экспедицию в районы проживания так называемых тверских карел, установил их примерную численность, указал на отсутствие письменности, но наличие активного устного родного (по мнению автора, финского) языка. При этом он отмечал особенности «карельского характера» (выносливость в работе, настойчивость в достижении цели, упрямство, вспыльчивость и даже свирепость), чем объяснял довольно слабые контакты карел Тверского края с местным русским населением³.

Практически в это же время в рамках изучения «истории экономического быта населения Московской Руси» к выявлению причин и масштабов переселения карельского этноса в XVII в. обратился Ю.В. Готье⁴. Он обозначил причины миграций «малых этносов», установил ареалы их расселения, и, что особенно важно, указал на источники информации. В его исследовании не раз возникает тема тверских карел.

Через полвека «карельской» тематикой начинает заниматься А.С. Жербин. Он продолжил анализировать процесс переселения карел во внутренние районы Российского государства и привлек для анализа значительное количество источников как российских, так и шведских, привел некоторые статистические данные о численности карел, переселявшихся в разное время в район Верхневолжья⁵.

Сведения о социально-экономическом положении карельского населения можно найти в работах А.Н. Вершинского (первая треть XX в.). Основной сюжет его исследования заключается в рассмотрении карельского населения в системе крепостного хозяйства, проблемы социальных волнений среди как реакции на политику властей в процессе реформ⁶.

Затем последовал долгий перерыв в исследованиях и лишь в последней четверти XX в. тему «открывает» А. Н. Головкин, краевед-энтузиаст, который на сегодняшний день лидирует по количеству публикаций на интересующую

³ Рихтер Д. Корелы // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 16. СПб., 1895; ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 455. Л. 5, 8 – 8 об.

⁴ См. подробнее: Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906 (первое издание).

⁵ Жербин А.С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956.

⁶ Наиболее часто цитируется его труд: Вершинский А.Н. Очерки истории верхневолжских карел в XVI–XIX вв. // Исторический сборник. М., 1935. Т. 4.

нас тему. Опираясь на труды своих предшественников, опубликованные источники и некоторые архивные данные, автор создает «оптимистичную» историю карел⁷.

Попытки выявить особенности адаптации карельского населения в Тверском крае к новым условиям в иноязычной среде предприняты Л.Ю. Андреевой. Она указывает, что процесс их формирования не был последовательным и имел противоречивые тенденции. Если во второй половине XVII в. в русле государственной политики карельскому населению Верхневолжья создавались благоприятные условия для развития сельского хозяйства, то на протяжении XVIII в. наблюдается тенденция усиления процесса закрепощения карельских крестьян и их ассимиляцию русским этносом⁸.

В настоящее время углубленные исследования темы проводятся доцентом кафедры отечественной истории исторического факультета Тверского государственного университета Ю. В. Степановой и её ученицей А.И. Савиновой. В их трудах представлены территории расселения, данные о демографии тверских карел в XVIII в., локализации весьегонских карел в XVIII – начале XX в. (выявлена их численность, размеры населенных пунктов, показатели населенности крестьянских дворов). Большое внимание уделяется реконструкции социокультурного облика тверских карел в конце XVIII – начале XX вв.⁹

Интерес к проблеме переселенцев из Северного Приладожья в центральную Россию (и в частности – в тверское Верхневолжье) неоднократно проявляли и финские исследователи, например Вейо Салохеймо¹⁰.

Историографический обзор свидетельствует о недостаточной полноте исследований процесса формирования и исторического развития верхневолжских карел. Нельзя не заметить дефицит комплексных трудов, освещающих все аспекты истории карел-переселенцев в границах Российской империи, что во многом стимулирует интерес к данной проблеме.

В этой связи актуализируется вопрос источниковой базы. Для исследования проблем миграции карельского населения на территорию тверского региона и адаптации их к новым территориально-географическим условиям базовыми являются неопубликованные документы из фондов Государственного

⁷ См.: Головкин А. Н. История Тверской Карелии. Карелы: от язычества к православию. Тверь, 2008.

⁸ Андреева Л.Ю. Верхневолжские карелы: формирование и историческое развитие в условиях Российской империи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

⁹ Савинова А.И., Степанова Ю.В. Тверские карелы в XVIII в.: территориально-демографическая характеристика // Carelica. Научный электронный журнал. № 2/2014 (12) [Электронный ресурс]. URL-адрес: http://carelica.petsu.ru/2014/Savinova_2.pdf; Савинова А.И., Степанова Ю.В. Весьегонские карелы в XVIII – начале XX в.: расселение и демография // Carelica. Научный электронный журнал. № 1/2016 (15) [Электронный ресурс]. URL-адрес: <http://carelica.petsu.ru/CARELICA/Journal.html>; Савинова А.И. Пространственно-демографическое изучение истории тверских карел XVIII–XIX вв. // Конференция «Ломоносов 2016» [Электронный ресурс]. URL-адрес: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/8420/uid112862_report.pdf

¹⁰ Saloheimo Veijo. Entisen esivallan alle, uusilleelosiijoille. Joensuu, 2010.

архива Тверской области (ГАТО). Отсюда цель настоящей статьи – характеристика информационных ресурсов фондов ГАТО и выявление документов, раскрывающих историю Тверской Карелии.

Прежде всего следует отметить наличие блока **документов государственных учреждений**. Они отложились прежде всего в делах Канцелярии Тверского губернатора (ф. 56, 31409 дел), Тверского губернского правления (ф. 466, 89557 дел), Бежецкого уездного полицейского управления (ф. 806, 950 дел) и Бежецкая воеводская канцелярия (ф. 60, 707 дел). Как видно, указанные фонды очень объемны, но их предварительный анализ показывает, что упоминания о тверских карелах встречаются здесь фрагментарно. Например, «Тяжебное дело о захвате пустошей карелами за 1748 г.»; «Дело о волнениях крестьян помещицы Шишковой 1854-1856 гг.» или «Дело о волнениях крестьян в Алешинской волости 1865-1866 гг.» и др. Подобные документы создают представление об общественно-политических настроениях и выступлениях верхневолжских карел, их взаимодействии с местными органами государственной власти. По материалам ряда дел можно проследить географию миграций карел в Тверском регионе. Частично эти документы уже использовались исследователями¹¹.

Фонды научно-просветительских организаций представлены коллекцией Тверской ученой архивной комиссии (ТУАК. Ф. 103, всего 3271 дел). Из всего репертуара документов к истории тверских карел имеют отношение 11 наименований. Они различны по наполнению, тематике, хронологии и степени сохранности. Особо ценными, на наш взгляд, являются два текста из личного архива Ф.Н. Глинки (1786-1880 гг.) известного поэта, публициста, прозаика. После войны 1812 г. он часто останавливался в имении Кузнецово Бежецкого уезда, в 1862 г. переселился в Тверь, где занимался археологией, принимал участие в общественных делах, был избран почетным членом Тверского губернского статистического комитета. Его «Заметки о рунических камнях, находящихся в имении Глинки Бежецкого уезда» (д. 955) и «Мои заметки. О признаках древнего быта и камнях, найденных в Тверской Карелии Бежецкого уезда» (д. 1013), к сожалению, не датированы, однако совершенно очевидно, что они относятся к первой четверти XIX в. В основном, в них представлен быт тверских карел¹². Более детальное изучение архива Глинки, несомненно, позволит выявить массу не известных до сегодняшнего дня характеристик жизнедеятельности и культуры тверских карел.

В «Коллекции рукописей» ф. 103 содержится «Заметка неизвестного лица по истории Финского побережья за 1710-1820 гг.», составленная в 1870 г (д. 2438). Этот трудно читаемый текст до настоящего времени не введен в

¹¹ Андреева Л.Ю. Верхневолжские карелы.

¹² Первый документ использовался в работе А.А. Спицына «Средневековые погребальные памятники Верхней Волги» (Вятка, 1884) и в работе Е.Н. Жуковой «Изучение археологических памятников в Тверской губернии во второй половине XIX – первой трети XX в.» (автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005).

научный оборот и его так же следует рассматривать как ресурс в реконструкции миграций карел и колонизации земель Верхневолжья.

Кроме того, в этом фонде хранятся дела с описанием церквей Зубцовского, Бежецкого, Новоторжского уездов, в приходах которых жили карелы (дд. 296, 313, 315), здесь обнаруживаются сведения о быте, нравах и культуре карел, позволяющие восстановить повседневные практики в поселенческих сообществах, и материалы о карельских крестьянах в XVII-XVIII вв.: документы об освобождении некоторых категорий крестьян от податей, переводе их в дворцовое ведомство (дд. 2073, 1497 2667, 2662), решении земельных споров (дд. 2063, 1970, 2161).

Помимо того, в фонде 103 стоит отметить материалы XVII – XVIII вв., которые позволяют выявить социально-экономические характеристики карельских крестьян: документы об освобождении некоторых категорий крестьян от податей, переводе их в дворцовое ведомство (дд. 2073, 1497, 2667, 2662). Например, *«Дело корелян Бежецкого уезда о выводе их от помещика Тютчева в дворцовое ведомство»* (д. 1497) или *«Грамота из Приказа большого дохода ... воеводе И.Я. Пятову о не взимании никаких доходов с карельских крестьян...»* (д. 2043).

Несколько документов рассказывают о решении земельных споров (дд. 2063, 1970, 2161). Например, *«Судное дело Ф. Урусова, Н. Бухвостова о незаконном владении корелами пустошью в Новгородском уезде, в Бежецкой пятине»* (д. 2063).

В этом же фонде хранится малоизвестный документ *«Карельская исповедь»* (д. 3129, б/д), составленный неизвестным священником в XIX в. Его выявил в 1970 г. краевед А. А. Беляков. Это рукописный текст, написанный чернилами на четырех тетрадных листах. Название *«Карельская исповедь»* – на русском языке, основной текст – на карельском языке с использованием русского алфавита. Текст исповеди представляет собой перечень вопросов духовного (*«Молишься ли богу? Знаешь ли молитвы: верую, отче наш, богородицу? Ходишь ли в церковь?»*) и морально-нравственного характера (*«Не обманул кого? Не ругался ли с кем? Не дрался ли с кем?»*). Исследователям остается обнаружить ответы на поставленные вопросы, а для этого выявить ареал распространения *«Исповеди»*, что возможно в случае привлечения к поиску документов фонда Тверской духовной консистории (ГАТО. Ф. 160).

Источники личного происхождения представлены наиболее полно в коллекции документов Анатолия Николаевича Вершинского – историка, профессора Калининского государственного педагогического института, который занимался изучением истории Тверского края (ГАТО. Ф. Р-2691, 474 дела, 1746-1988 гг.). Вершинский А.Н. (1888-1944 гг.). Здесь хранятся свыше 50 рукописей статей по истории верхневолжских карел, документы экспедиций по изучению карел Лихославльского и Толмачевского районов Калининской области с XII в. по 1937 г., записи песен и поверий карел, составленная им карта Тверской Карелии XIX в. Значительная часть документов привлекалась к исследованию А.Н. Головкиным, Ю.В. Степановой и А.И. Савиновой.

Фонд краеведа Алексея Иосифовича Лебедева, по национальности карела, который в течение всей жизни занимался изучением истории своего народа (ГАТО. Ф. Р-1523, 24 дела, 1920-1989 гг.) содержит рукописи монографий «Тверская Карелия», «К этнической истории Верхневолжья», статьи по истории верхневолжских карел, топонимике и ономастике (1938-1983 гг.), сообщения в периодической печати о тверских карелах.

Документы фонда старшего преподавателя Калининского педагогического института, краеведа, Алексея Антоновича Белякова (ГАТО. Ф. Р-1367, 223 дела, 1908-1995 гг.) свидетельствуют, что он тщательно занимался изучением происхождения карел, вопросами становления карельской письменности. На хранении оказались статьи по истории сел и деревень 5 районов (Лихославльского, Максатихинского, Рамешковского, Спировского, Удомельского), опубликованные тексты, библиография по истории, этнографии, фольклористике, топонимике верхневолжских карел, а также рукопись карело-русского словаря с картотекой.

Фонд краеведа, заслуженного учителя РСФСР Антонина Герасимовича Кирсанова, который занимался историей Бежецкого края (ГАТО. Ф. 625, 229 дел, 1692-1971 г.) содержит материалы о карельской колонизации в пределах Тверской губернии и Бежецкого уезда (д. 54). Документы Лебедева, Белякова, Кирсанова довольно часто цитируются, однако, на наш взгляд, их информационный ресурс не исчерпан.

В стадии формирования находится фонд краеведа, общественного деятеля Анатолия Николаевича Головкина, занимающегося изучением истории тверских карел. (ГАТО. Ф. Р-289, 169 единиц хранения). Он передал в архив материалы по созданию национально-культурной автономии тверских карел (1996 г.), рукописные тексты и опубликованные монографии¹³. В составе фонда сохранилась подборка газет со статьями о создании национально-культурной автономии тверских карел, газеты Тверской региональной автономии тверских карел (на русском и карельском языке) за 1996-1998 г.

Однако наиболее значимым источником для изучения истории тверских карел (применительно к началу XVIII в.) принято считать **Переписную книгу Бежецкого Верха 1709 г.** (ГАТО. Ф. 1409 Д. 232). Полное название документа: «Переписная книга Бежецкого уезда 1709 г. переписи князя Григория Волконского» (далее – «Книга»). В 1708 г. с целью проведения областной реформы царь Петр I издал указ о разделении страны на 8 губерний. Бежецкий уезд был причислен к Санкт-Петербургской губернии. Летом 1709 г. под руководством князя Г.И. Волконского в Бежецком уезде проводилась первая после учреждения губерний подворная перепись – описание тяглых дворов с учетом всего мужского населения вне зависимости от возраста. Перепись охватывала все станы уезда (16): Городецкий, Каменский, Пироговский, Ивановский, Мещерский, Березовский, Антоновский, Верховский, Полянский, Есеницкий,

¹³ Головкин А.Н. История Тверской Карелии. Тверь, 1999; *Он же*. Жернова. Книга памяти тверских карел. Тверь, 2000; *Он же*. Карелы от язычества к православию. Тверь, 2008.

Лошицкий, волости Дорская и Сулежская, Лесоклинская, Еськая и Максимовское приселье. Объективность этого источника условна: книга составлялась путем записи «сказок» крестьян, учувствовавших в переписи, без проверки этих сказок, так и путём «досмотра» сказок на месте. При переписи участвовали старосты вотчин, а также «выборные» и «рядовые крестьяне».

В «Книге» отсутствуют подсчеты, итоговые таблицы и ведомости, которые составлялись переписчиками на последнем этапе работы по переписи. По мнению, одного из первых исследователей текста, А.И. Лебедева, они были составлены, отправлены в Сенат, а копии к «Книге» не приложили. В этом отношении данную перепись А.И. Лебедев признавал незавершенной.

Документ представляет собой более текст из полутора тысяч листов (1581) и начинается без обычного для того времени вступления «По Указу...». В начале первого листа следует как бы продолжение текста: «*За Иваном Федоровым сыном Бутурлиным по переписным книгам 186-го году написано в Бежецком уезде в Городецком стану селцо Крюково...*». По-видимому, начальная часть этой Переписной книги была утеряна. Это подтверждается и записью на последнем листе дела: «*По сей книге 709 (1709) году Бежецкого уезду переписи князя Григорья Волконского 1592 листа*».

Текст написан разными скорописными почерками начала XVIII в. со своей манерой отображения букв и слов каждым писцом. Вероятнее всего, перепись вели разные писцы, имена которых не сохранились. В книге перечислены селения Бежецкого уезда, их владельцы, количество дворов, переписаны жители мужского пола в каждом дворе, с указанием возраста, семейного положения, тяглового (социального) положения, рода занятий.

В описание владения входило: имя землевладельца, количество населения по предыдущей переписи (1678 года)¹⁴, затем подворно и поимённо перечисляются лица мужского пола. С именем нового землевладельца указывается право его владения землёй или крестьянами. Во дворах, где не было мужчин, в порядке исключения переписывались женщины и дети мужского пола. Перепись содержит только перечень тяглового населения, отсутствуют поземельные описания (в отличие от предыдущих переписей)¹⁵. Переписаны все селения уезда, как большие, так и малые насчитывающие одни «помещиковы» дворы или селения с одним крестьянским двором.

Помимо названий административных единиц и селений, фамилий землевладельцев и крестьян, в данной книге имеется ряд других сведений помощью которых можно проследить движение карельских переселенцев в дворцовых волостях уезда, их статусные характеристики, экономическое и семейное положение. Основное внимание уделяется указанию места и года, куда «вышли» (*сошли, бежали*) карелы. Дворы, которые к моменту переписи 1709 г.

¹⁴ Составлена писцом и межевщиком Д.Г. Тютчевым, который в 1668 г. описал карельские волости, а в 1678 г. – Бежецкий уезд. См.: *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII веке. С. 10 (второе издание).

¹⁵ *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII веке. С. 11, 15 (второе издание).

были пусты, именуются как «убылые корельские дворы, что пришли из зарубежа после переписной книги 1678 году» и далее идет подворное перечисление с пояснением «а они вышеописанные корелы из той деревни с женами и детьми в прошлых 1707, 1708 годах и в нынешнем 1709 году бежали», при этом конкретные направления передвижений указывались не всегда.

Стоит отметить, что Переписная книга не раз оказывалась в поле зрения исследователей. Так, еще в начале XX в. её «заметили» члены Тверской ученой архивной комиссии – директор Тверской гимназии Н.Н. Овсянников и священник В.П. Успенский. Свою статью «Переписная книга Бежецкого верха 1709 г.», Овсянников зачитал на заседании комиссии 13 апреля 1888 г., о чем сообщается в «Журнале заседаний ТАУК». Для него основное значение Переписной книги определялось наличием материалов по истории знатных дворянских родов, чему он посвятил большую часть своей работы. В итоге в небольшой брошюре он перечислил основные дворянские роды, но крестьянские дворы практически не вошли в это издание.

В той же работе Н.Н. Овсянников упоминает своего предшественника – священника В.П. Успенского, который переписал книгу в шести тетрадях и при этом провел сравнительный анализ с предшествовавшей переписью 1678 г. В настоящее время в ГАТО хранятся два дела с отрывками из исследования переписи 1709 г. В.П. Успенским. Одно из них называется «Сведения, извлеченные из переписной книги Бежецкого уезда 1709 г.»¹⁶. К сожалению, в описании документа не указаны исходные данные (в том числе – авторство), отсутствует датировка. Рукопись сохранилась без начала и конца. По середине листа № 57 присутствует только одна запись, предваряющая следующую часть документа – «Тетрадь третья». Это наводит на мысль, что здесь находятся части из шести тетрадей В.П. Успенского.

Второе дело называется «Статистические сведения, извлеченные из Бежецкой переписной книги за 1709 г. (Письма священника В. Успенского)». В документе содержится отрывок из необозначенной тетради В.П. Успенского. В обоих случаях материалы систематизированы в таблицы, содержащие статистические данные из переписи Г.И. Волконского.

Таким образом, в Тверском областном архиве отложился массив разнообразных документов по истории Тверской Карелии, которые лишь частично введены в научный оборот и потому требуют дальнейшего изучения.

Литература

Saloheimo Veijo. Entisen esivallan alle, uusilleelosihoille. Joensuu, 2010.

Андреева Л.Ю. Верхневолжские карелы: формирование и историческое развитие в условиях Российской империи: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011.

¹⁶ Овсянников Н.Н. Переписная книга Бежецкого уезда 1709 года. Переписи князя Григория Волконского. Тверь, 1888.

Вершинский А.Н. Очерки истории верхневолжских карел в XVI-XIX вв. // Исторический сборник. М., 1935. Т. 4.

Головкин А.Н. История Тверской Карелии. Карелы: от язычества к православия. Тверь, 2008.

Готье Ю.В. Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937. Второе издание.

Жербин А.С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956.

Жукова Е.Н. Изучение археологических памятников в Тверской губернии во второй половине XIX – первой трети XX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005.

Савинова А.И. Пространственно-демографическое изучение истории тверских карел XVIII-XIX вв. // Конференция «Ломоносов 2016» [Электронный ресурс]. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/8420/uid112862_report.pdf

Савинова А.И., Степанова Ю.В. Весьегонские карелы в XVIII – начале XX в.: расселение и демография // Carelica. Научный электронный журнал. № 1/2016 (15) [Электронный ресурс]. URL-адрес: <http://carelica.petrus.ru/CARELICA/Journal.html>

Савинова А.И., Степанова Ю.В. Тверские карелы в XVIII в.: территориально-демографическая характеристика // Carelica. Научный электронный журнал. № 2/2014 (12) [Электронный ресурс]. URL-адрес: http://carelica.petrus.ru/2014/Savinova_2.pdf

Об авторах:

Леонтьева Татьяна Геннадьевна – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Тверского государственного университета.

Полевая Анна Владимировна – магистрант II курса направления «История», исторический факультет Тверского государственного университета. Научный руководитель – Т.Г. Леонтьева, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета ТвГУ.

Переписная книга Бежецкого Верха 1646 г. как источник для изучения расселения и демографии тверских карел во второй половине XVII в.

А. И. Савинова

Статья посвящена переписной книге Бежецкого Верха 1646 г. – источнику, содержащему ценные сведения о раннем этапе формирования диаспоры верхневолжских карел. Рассматривается характер сведений книги, в том числе варианты названий карельского населения, его происхождения, количественные и качественные характеристики крестьянских дворов, хозяйства, правового положения карел. На основании данных книги делается вывод о 1640-х гг. как времени начала формирования диаспоры верхневолжских карел.

Ключевые слова: тверские карелы, диаспора, переписные книги, расселение, демография, хозяйство, землевладение

Ранний постпереселенческий период размещения карел на территории Тверского региона по-прежнему остается «белым» пятном в истории этого «разделенного» этноса. Материалы историографии показывают, что традиционно последний период массового переселения карел относится к середине XVII в. В. Салохеймо, на основании изучения источников, территориально относящихся к Заонежью, максимальное количество переселенцев относит к периоду 1656–1658 гг., что дает основание для привлечения статистических источников середины и второй половины XVII в. в качестве отправной точки в изучении конфигурации расселения и динамики численности переселившихся карел на территорию Верхневолжья.

Использование источников XVII века в историографии по проблеме переселения и расселения карел на территории Тверского Верхневолжья представлено крайне фрагментарно, без детализации конкретных аспектов, затрагивающих начало процесса расселения и освоения карел запустевших территории Северо-востока и Юга Тверской губернии. В рамках исследовательских работ Ю.В. Готье¹, А. С. Жербина², В. Салохеймо³, А. Н. Вершинского⁴, А. Н. Головкина⁵ представлена численность карел-переселенцев во второй половине XVII в. в самом общем виде.

¹ Готье Ю.В. Замосковный край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.

² Жербин А.С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956.

³ Saloheimo V. Entisen esivallan alle uusille elosijoille. Tampere, 2010.

⁴ Вершинский А.Н. Очерки истории верхневолжских карел в XVI – XIX вв. // Исторический сборник. М., 1935. Т. 4. С. 73–105.

⁵ Головкин А.Н. История Тверской Карелии. Карелы: от язычества к православию. Тверь, 2008.

Тем не менее, статистические источники середины XVII в. при более тщательном анализе и применении современных информационных технологий в исторических исследованиях способны отразить широкий спектр различной проблематики: конфигурация поселений с карельскими выходцами, с указанием конкретного топонима, этничности жителей, их самоназвания, количества человек во дворе, отдельные источники отражают возраст поселенцев, характер земельного пользования.

Подобная работа проведена автором статьи по данным статистических источников XVIII-XIX вв.⁶ Для лингвистов будет актуален вопрос специфики карельской ономастики и этнонимии.

В этой связи вызывает интерес Переписная книга Бежецкого Верха 154-го (1646) г. переписи Ивана Колычева да подьячего Якова Федорова⁷. Этот источник хранится в Российском государственном архиве древних актов, в объединенном фонде 1209 (Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент).

Структура переписной книги Бежецкого Верха 1646 г. типична для переписных книг XVII – начала XVIII в. Описание построено в следующем порядке: стан, статус владения, владелец, населенный пункт, перечисление дворов с населением мужского пола или вдов, в отдельных случаях маркируется этничность отличающегося от русских населения с указанием территории исхода.

С целью полноценного анализа данных о начальном этапе расселения карел на территории Тверского Верхневолжья и последующего их структурирования на основе переписной книги Бежецкого верха 1646 г. была составлена база данных в программе MS Excel. Основная информация в базе отражена в следующих структурных ячейках: стан (географическая локация в рамках Бежецкого Верха), статус владения (поместье или монастырская вотчина), современный и старый владельцы (кому принадлежит (-ала) данная земля), тип объекта (деревня, пустошь, починок и т.д.), топоним (название населенного пункта), этничность населения (русские, карелы, кар./рус.), общее количество карельских дворов, общее количество карельских поселенцев, прямое описание карельских дворов, примечания (о сходе с земель, времени переписи и т.д.). В целях достоверности полученных данных в выборку попали только те населенные пункты, в которых имеются прямые упоминания о карельских поселенцах.

Всего в источнике выявлено 43 населённых пункта, в которых упоминаются карельские жители, как находящиеся в момент переписи на территории

⁶ Савинова А.И., Степанова Ю.В. Тверские карелы в XVIII в.: территориально-демографическая характеристика // Carelica. Научный электронный журнал. № 2/2014 (12) [Электронный ресурс]. URL-адрес: http://carelica.petrus.ru/2014/Savinova_2.pdf; Савинова А.И., Степанова Ю.В. Везьегонские карелы в XVIII – начале XX в.: расселение и демография // Carelica. Научный электронный журнал. № 1/2016 (15) [Электронный ресурс]. URL-адрес: <http://carelica.petrus.ru/CARELICA/Journal.html>

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 25.

конкретного поселения, так и сошедшие в другие деревни. В этих населенных пунктах на территории Бежецкого Верха в 1646 г. насчитывалось 168 карельских и частично с русскими дворов. Число карельских переселенцев, составляющих данную выборку, равняется 368. В эту цифру так же включены карелы, которые к моменту переписи сошли с мест своего пребывания, что говорит о постоянном процессе движения карельского населения на территории Бежецкого Верха в середине XVII в.

В представленную статистику не вошла деревня Корелова. По всей видимости, на основе специфического названия, деревня являлась карельской, но в источнике конкретного указания на этничность населения нет, соответственно, количественные данные по данной деревне учтены в базе данных, но в общую статистику не включены.

На начальном этапе расселения по книге 1646 г. распределение карельских мигрантов между монастырем и помещикам выглядит примерно одинаковым, с небольшим перевесом в пользу монастырей: 25 деревень за монастырем, 18 – за помещиками.

В соотношении с цифрами за XIX и начало XX в. число карельских поселенцев на территории Бежецкого Верха в середине XVII в. выглядит незначительным. Таким образом, можно предположить, что в 1640-е гг. процесс массового заселения карелами Тверского региона только начинается. Также необходимо учитывать, что процесс переселения мог занимать годы. В источниках встречается и 10-летний период житья «переходя» от места к месту. В этом отношении предстоит серьезная работа с **переписной книгой 1677 г.**⁸ Учитывая сроки переселения и предположения В. Салохеймо, основная часть карельских мигрантов должна была оказаться на территории Бежецкого верха к 70-м гг. XVII в.

В ходе изучения книги 1646 г. в фокусе количественных показателей во внимание были приняты самоназвания карельских переселенцев. Понять, как себя позиционировали сами карельские переселенцы на территории центральной России, можно частично из самоопределения карелами себя в переписных «сказках». Из всей совокупности были выделены следующие самоназвания карельских поселенцев:

- кореляне;
- кореляня;
- родом корелянин;
- крестьяне, родом кореляне;
- прихожие кореляне;
- прихожие, родом кореляне;
- прихожие люди кореляне;

⁸ Переписная книга 1677 г. посадских дворов в г. Городецке и поместных и вотчинных селений и дворов в станах Городецком, Каменском, Пироговском, Ивановском, Мещерском, Березовском, Онтоновском, Верховском, Полянском, Есеницком и Лошинском и в волостях Дорской и Сулешской, Лесоклинской, присельях Максимовском и Есьском переписи Д.Г. Тютчева и подьячего В. Яковлева // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 11440.

- прихожие люди, родом кореляня;
- вольные люди, родом кореляне;
- государевы вольные люди, родом заонежане;
- новоприходцы кореляне;
- новоприходцы кореляне и заонежане;
- кореляне и заонежане пришлые крестьяне;
- крестьяне заонежане;
- новоприходцы заонежане;
- вольные люди, родом заонежане;
- прихожие вольные люди заонежане;

В качестве наглядного примера можно привести следующий отрывок из Переписной книги 1646 г.: «...*(л. 803) За Троецким Сергиевым монастырем в вотчине села Молокова поселились внов после прежние переписи на пустоши на Игнатове прихожие люди (в) Ивашко Семенов, а у него приимыи Микитка Кирилов, (в) Микифорко Онтонов, а у него дети Петрунка да Селиванко, (в) Сенка Евтифеев, а у него живет скоморох Дружинка (л. 803 об.) Тимофеев, (в) Еремка Еремеев, а у него дети Гришка да Кирилко, (в) Сенка Перфилов, а у него дети Микитка да Спиридонко, и те крестьяне роспрашиваны сколь давно на той пустоши поселились и откуда пришли и за кем имянем преж сего жили. И в роспросе те крестьяне сказались, что де они государевы вольные люди родом заонежане, и ни за кем де преж сего они не жили, а кормились де в мире работою своею, переходя лет десять (выделено мною – А. И. Савинова), (л. 804) а пришли на тое пустошь в нынешнем во 155 году, а толко на той пустоши поставлены одне избы, а дворы еще не огорожены...»⁹.*

Из приведенного отрывка и выборки прослеживается, что сами карелы после переселения считали себя вольными, т. е. свободными от крепостного права людьми. В этой связи возникает ряд вопросов, связанных с процессом закрепощения карельских крестьян на территории центральной России. В историографии отмечается, что постепенно карелы попадали в крепостную зависимость, что определило их дальнейшее стремление перейти в дворцовые волости.

В фокусе изучения переписной книги Бежецкого Верха 1646 г. с точки зрения выявления карельских мигрантов возникает целый ряд вопросов:

- все ли новопоселенцы обозначали свою этническую принадлежность? Какова вероятность сокрытия карельских крестьян?
- какова степень доверия таким структурным единицам источника как «сказки»?

В этой связи возникает необходимость привлечения дополнительных аналогичных источников XVII в. для проведения сравнительно-сопоставительного анализа данных письменных источников.

⁹ РГАДА. Ф. 1209, Оп. 1, № 25. Л.803, Л. 803 об., Л. 804.

Внимание к источникам XVII в. и наличие новой детальной информации позволяет опровергнуть некоторые существующие утверждения в отношении тверских карел и наметить более детальную разработку таких вопросов как:

- пути и масштабы миграции карел на территорию Бежецкого Верха в XVII – начале XVIII в.;
- характер миграций – индивидуальный, групповой или отдельными семьями;
- численность карельских мигрантов в XVII – начале XVIII вв.;
- распределение свободных переселенцев по категориям зависимого крестьянства;
- правовой статус переселенцев;
- политика государства в области налогообложения, наличие обещанных льгот для карельских переселенцев;
- в рамках микроистории источники XVII – начала XVIII в. позволяют проследить процесс переселения и движения отдельных карел на территории Бежецкого Верха.

Данные писцовой книги Бежецкого Верха 1646 г. свидетельствуют, что переселение происходило небольшими группами, включавшими одну или несколько семей. Перепись зафиксировала момент основания карелами своих дворохозяйств. Первоначально на новых землях ставились избы, затем происходило размежевание дворов. В одном вновь организованном дворохозяйстве могли проживать несколько семей, в том числе не родственников. Могли переселяться и отдельные люди или небольшие семейные коллективы.

Чаще всего карелы при переселении заявляли о своем статусе свободных людей, в том числе поселяясь и на землях помещиков. В ряде случаев они характеризуются в писцовых материалах как 1640-х гг. как свободные арендаторы, которые «наимуют землю» у помещика.

Среди светских землевладельцев, на земли которых переселялись карелы, было большое разнообразие. Здесь были представители как крупной титулованной боярской аристократии (Прозоровские), так и многочисленные мелкие служилые землевладельцы (Неклюдовы, Тютчевы, Морткины и др.).

В некоторых случаях правовое положение карельских крестьян и их взаимные обязательства с помещиками оставалось неопределенными, в том числе и в связи с отношением помещиков. Наиболее показательный случай зафиксирован в книге 1646 г.: отношение помещиков Морткиных, при переписи заявивших о том, что они не имеют отношения к крестьянам-карелам, отработавшим на них повинности.

Крупные землевладения, населенные карелами, принадлежали монастырям. Среди них – крупные московские монастыри: Симонов, Новодевичий, Знаменский. Наиболее крупные монастырские землевладения принадлежали Троице-Сергиеву, Краснохолмскому Антониеву и Кирилло-Белозерскому монастырям.

Проведенное исследование позволяет говорить, что активное перемещение карел на территорию Верхневолжья приходится на 1640-е гг. Более ранние

источники по Бежецкому Верху и Тверскому уезду (переписи 1620-х гг.) не содержат никаких сведений о массовом появлении карел. Таким образом, началом формирования диаспоры тверских карел можно считать 1640-е гг.

Литература

Saloheimo V. Entisen esivallan alle uusille elosijoille. Tampere, 2010.

Вершинский А.Н. Очерки истории верхневолжских карел в XVI – XIX вв. // Исторический сборник. М., 1935. Т. 4. С. 73–105.

Головкин А.Н. История Тверской Карелии. Карелы: от язычества к православияю. Тверь, 2008.

Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.

Жербин А.С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956.

Савинова А.И., Степанова Ю.В. Весъегонские карелы в XVIII – начале XX в.: расселение и демография // Carelica. Научный электронный журнал. № 1/2016 (15) [Электронный ресурс]. URL-адрес: <http://carelica.petrus.ru/CARELICA/Journal.html>

Савинова А.И., Степанова Ю.В. Тверские карелы в XVII в.: территориально-демографическая характеристика // Carelica. Научный электронный журнал. № 2/2014 (12) [Электронный ресурс]. URL-адрес: http://carelica.petrus.ru/2014/Savinova_2.pdf

Об авторе:

Савинова Анна Игоревна – магистрант II курса направления «История», исторический факультет Тверского государственного университета. Научный руководитель – Ю.В. Степанова, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ТвГУ.

Источники по истории феодального землевладения и хозяйства Новоторжского уезда XV-XVII вв.

Е. В. Рысенкова, Ю. В. Степанова

В статье рассматриваются письменные источники по истории землевладения и хозяйства Новоторжского уезда в XV-XVII вв., среди которых – писцовое описание 1625/26-1626/27 гг. и актовый материал, включающий жалованные, данные, ввозные грамоты, купчие, челобитные, а также отдельные выписи. Наиболее полно в документах отражена история монастырского землевладения, в частности, Троице-Сергиева и Новоторжского Воскресенского женского монастыря. Представлены предварительные результаты изучения размещения и особенностей монастырского хозяйства Новоторжского Воскресенского женского монастыря.

Ключевые слова: *землевладение, хозяйство, писцовые книги, грамоты, уезд, волость, Московское государство, Торжок.*

Новоторжский уезд Московского государства образовался после присоединения Новгородской земли к Москве в 1478 г. В XI-XV вв. Новоторжская земля принадлежала к Новгородской земле и занимала пограничное положение с Северо-Восточной Русью, что наложило отпечаток на административное устройство этой территории и характер землевладения. Изучение истории Новоторжского уезда XV-XVII вв. позволит полнее представить своеобразные черты территориально-административного устройства, сельского расселения, землевладения и хозяйства этой территории не только в Московский период, но и ранее, в составе Новгородской земли.

Исследования, посвященные истории Новоторжского уезда XV-XVII вв., немногочисленны, в отличие от исследований самого Торжка. Историко-географической характеристике Новоторжского уезда в составе Московского государства посвящены исследования Ю.В. Готье¹ и Я.Е. Водарского². Новоторжская земля более раннего периода, в частности, ее границы и расположение отдельных волостей, особенности административного устройства и управления, рассматривается в трудах В.С. Борзаковского³, Н.Н. Овсянникова⁴, В.А.

¹ Готье Ю.В. Замосковный край в XVII в. М., 1906.

² Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977.

³ Борзаковский В.С. История Тверского княжества. Тверь, 1994.

⁴ Овсянников Н.Н. О Новгородско-Тверском рубеже в связи с направлением Новгородских путей. Тверь, 1903.

Кучкина⁵, П.Д. Малыгина⁶. Материалы по Новоторжскому уезду привлекались в ряде исследований по истории сельского расселения, аграрной истории и истории монастырского землевладения Московской Руси XVI-XVII вв.⁷

Письменными источниками по истории феодального землевладения и хозяйства Новоторжского уезда являются писцовые описания и актовый материал.

Древнейшее сохранившееся писцовое описание Новоторжского уезда – писцовая книга Новоторжского уезда 1625/26-1626/27 гг., составленная писцом Владимиром Полтиным. Документ сохранился в РГАДА в фонде Поместного приказа (ф. 1209. Оп. 1. № 801. Лл. 1-789) в виде копии XVIII в. Источник не опубликован. Ему посвящена публикация А.А. Фролова⁸. Писцовая книга Новоторжского уезда представляет собой последовательное описание земель по шестнадцати волостям: Горицкой, Дорогоща, Жалинской Упирвицкой, Богатинской, Загородье, Сукромля, Рашкинской, Теробенской, Зашегринской, Прутня, Дорской, Бельской, Ильинской, Дмитриевской, Спасской. Внутри описания каждой волости составитель писцовой книги распределял материал по категориям землевладения: поместные, вотчинные, владычные, монастырские, церковные земли, погосты, внутри каждой категории сначала «живущие», затем «порозжие» земли.

В общей сложности, все описание земель Новоторжского уезда, заключенное в писцовой книге, включает характеристику 3 погостов с населенными дворами причта, 27 сел с третью села, 20 селец населенных, 12 селец пустых, 11 слободок населенных, 1 слободки пустой, 153,5 населенных деревень, 1 с половиной и с третью ненаселенных деревень, 60 с половиной селищ, 2459 пустошей с половиной и третью пустоши⁹.

⁵ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

⁶ Малыгин П.Д. Тверь и Новоторжско-Волоцкие земли в XII-XIII вв. // Становление европейского средневекового города. М., 1989. С. 149-151; *Он же*. Торжок в составе Новгородских земель (конец I тыс. н.э. – конец XV в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992; *Он же*. Новый Торг – Торжок в контексте политической истории Новгородской земли XII-XIII вв. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI-XVIII вв.). М., 1996.

⁷ Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV – XVII веках. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980; Милов Л. В., Булгаков М. Б. Гарскова И. М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. М. 1986; Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI – XVII века (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). Дисс. докт. ист. наук. Вологда, 2001.

⁸ Фролов А.А. Источники по средневековой истории Тверской области: писцовая книга Новоторжского уезда письма 1625/26-1626/27 годов // Труды региональных конкурсов научных проектов в области фундаментальных и гуманитарных исследований. Тверь, 2010. С. 141-145.

⁹ Там же. С. 141.

Более 80 упоминаний топонимов Новоторжского уезда содержится в писцовых и переписных книгах Торжка XVII в.¹⁰

Помимо писцового описания сохранился актовый материал, касающийся как монастырского, так и светского землевладения Новоторжского уезда в исследуемый период. Выявление и публикация актового материала по истории Новоторжского уезда началась во второй половине XIX в.

Ещё в конце XIX – начале XX в. под редакцией Сергея Шумакова вышли сборники актов Московского государства¹¹ и сборники тверских актов XVI – XVIII вв.¹² Среди изданных С.А. Шумаковым актов – грамоты, ограждающие крестьян Троице-Сергиева монастыря в Новоторжском уезде от произвола должностных лиц при раскладке и взимании разных сборов, датирующиеся 1538 и 1541 г.¹³

В Твери в 1903 г. была издана жалованная грамота царя Федора Алексеевича на вотчину в Теребенской волости Новоторжского уезда¹⁴.

В 1910 г. был опубликован сборник актов Новоторжского Воскресенского женского монастыря, включающий документы с 1616 по 1699 гг.¹⁵

Акты землевладения и хозяйства Новоторжского уезда печатались в сборниках, выходящих в свет в середине XX – начале XXI в.: «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI вв.»¹⁶, «Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI в.»¹⁷, «Русский дипломатарий»¹⁸, «Перечень актов Архива Троице-Сергиева монастыря»¹⁹, «Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в.»²⁰.

¹⁰ Писцовые и переписные книги Торжка XVII – начала XVIII в. / сост. И.Ю. Анкудинов, П.Д. Малыгин. М., 2014.

¹¹ Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895; *Он же*. Сотницы, грамоты и записи. М., 1909.

¹² Тверские акты, изданные Тверской ученой архивной комиссией под редакцией Сергея Шумакова. Вып. 1: Акты 1506-1647 гг. Тверь, 1896; Тверские акты, изданные Тверской ученой архивной комиссией под редакцией Сергея Шумакова. Вып. 2: Акты 1649-1761 гг. Тверь, 1897.

¹³ Тверские акты. Вып. 1. С. 13-16, 22-23.

¹⁴ Жалованная грамота государя царя и великого князя Федора Алексеевича, данная 9-го июня 1679-го года стольнику Алексею Ивановичу Сабурову на вотчину в Теребенской волости Новоторжского уезда (пустоши: Заполье, Ошиткова, Гашлина и Голятина). Тверь, 1903.

¹⁵ Архив Новоторжского Воскресенского женского монастыря. Старица, 1910.

¹⁶ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI вв. Ч. 1 / подгот. к печати Л. В. Черепнин; отв. ред. С. В. Бахрушин. М., 1951.

¹⁷ Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 1. М., 1952; Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3. М., 1964.

¹⁸ Русский дипломатарий. Вып. 8: Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века. М., 2002.

¹⁹ Перечень актов Архива Троице-Сергиева монастыря. 1505-1537 / отв. ред. С.М. Каштанов. М., 2007.

²⁰ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Том IV / сост. А.В. Антонов. М., 2008.

Наиболее многочисленными среди выявленных актов являются документы монастырского землевладения, прежде всего, Троице-Сергиева и Новоторжского Воскресенского монастырей.

Среди них комплекс из грамот относится к с. Медна, которое в конце XIV – начале XV в. принадлежало новгородскому посаднику Юрию Онцыфоровичу²¹ и было продано им боярину Михаилу Федоровичу Крюку Фоминскому²². В 1430 г. село Медна стало вкладом в Троице-Сергиев монастырь Ивана Михайловича Крюкова Фоминского²³. Перечисляются деревни, тяготевшие к с. Медна: Дурова, Олексино, Речица, Раменье, Попок, Искосница, Залук, Красилниково, Павловская, Напругово. Д. Речица, вероятно, является рубежной с Тверским уездом²⁴.

Еще одно крупное село, принадлежавшее в XV-XVII вв. Троице-Сергиеву монастырю – Кунганово-Хотунецкое, расположенное на южном рубеже Новоторжской земли в Богатинской волости. Оно перешло во владения монастыря в 1446/47 г. по данной «иноки» Евдокии Кунгановой²⁵. Позднее право на владение селом с деревнями подтверждалось жалованными несудимыми грамотами²⁶.

Есть грамота со сведениями о владениях Троицкого монастыря в Загорской волости Новоторжского уезда²⁷.

Архив Новоторжского Воскресенского монастыря включает в себя документы XVII в. о межевании и земельных спорах, выписи из писцового описания 1626/27 г., челобитные игумены. По материалам архива монастыря была разработана база данных MS Excel (табл. 1). На основании этих источников можно составить представление о характере землевладения этого монастыря в XVII в. Владения Новоторжского Воскресенского монастыря находились в Спасской, Упирвицкой, Ильинской, Дмитриевской, Загорской, Дорогощской волостях уезда. Локализация топонимов, упоминаемых в актах монастыря, позволяет сделать вывод о том, что наиболее крупный участок землевладения располагался в Ильинской и Дмитриевской волостях в бассейне р. Малица (рис. 1). Он включал 14 деревень. Еще один относительно крупный участок находился в Спасской волости в бассейне р. Тверца и Логовежь и включал 3 ½ деревни и 2 пустоши. Размеры деревень на протяжении всего XVII в. оставались невелики. Так, в д. Погорелая Спасской волости, по выписи из писцового описания 1626/27 г., был «1 двор крестьянский (2 чел.), 2 двора бобыльских (4 чел.), пашни паханые 10 четей, перелог и лесом поросло 150

²¹ Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. Учебн. пособие. М., 1977. С. 152.

²² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. 1. С. 26, №2.

²³ Там же. Т. 1. С. 63-64, №№ 70, 71.

²⁴ Кутаков С.С., Степанова Ю.В. Тверской уезд в XVI веке по данным писцовых описаний: опыт создания геоинформационной системы // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2013. № 40. С. 115-120.

²⁵ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. 1. С. 133, № 186.

²⁶ Там же. Т. 1. С. 141, № 197; С. 228, № 319.

²⁷ Там же. Т. 1. С. 273, № 375.

четей в поле, а в дву по тому ж, земля худа, сена 30 копен, лесу непашенного 63 десятины»²⁸. Те же данные фигурируют и в документе за 1676 г.²⁹

Анклав в Загорской волости в 1670-х гг. включал в себя 2 деревни и 7 пустошей³⁰. Некоторые деревни запустели от поветрия в 1670-х гг.³¹

Локализация землевладения Новоторжского Воскресенского монастыря показывает его достаточно большие размеры. Однако, крестьянского населения в нем было относительно немного. Так, в анклаве, расположенном в Спасской волости, в 1683 г. было 35 крестьянских и бобыльских дворов. Размер сошного оклада – $\frac{1}{2}$ сохи³².

Монастырские архив свидетельствует о том, что монастырю приходилось нести различные государственные повинности – денежные («ямские деньги», «полоняничные деньги», на покупку лошадей и др.) и натуральные (рожь и овес в государевы житницы, «стрелецкий хлеб» и др.)³³. Так, в 1683 г. собиралось «3 рубля 16 алтын 4 денги ямских и полоняничных денег»³⁴.

Многочисленные челобитные игуменей монастыря свидетельствуют о том, что хозяйство монастыря на протяжении всего XVII в. оставалось скудным, несмотря на территориальную обширность владений. Размеры монастырского землевладения на протяжении этого периода также оставались неизменными.

Среди актового материала, относящегося к светским землевладельцам – ввозные и жалованные грамоты, купчие и отдельные выписи. В числе землевладельцев Новоторжского уезда XVI-XVII вв. – Беклешевы, Валивенинские, Волынские, Глуховы, Годуновы, Толстые, Дедевшины, Доможировы, Краснопольские, Левашовы, Львовы, Макарские, Перские, Рожновы, Рыкуновы, Свечиные, Темиревы, Урусовы, Хоповы, Цыплятевы, Шишковы.

Среди перечисленных родов можно обратить внимание на представителей тверских детей боярских: Шишковых, Левашовых, Свечиных, которые в XVI в. сохраняли землевладения в Тверском уезде³⁵. Потомки Шишковых и Свечиных продолжали владеть землями в Новоторжском уезде и в XVIII-XIX вв. Среди землевладельцев только Доможировы имеют отношение к новгородскому боярству домосковского периода³⁶.

Волынские, Перские, Сабуровы являлись боярами московских князей еще в первой половине XV в.³⁷ Представители некоторых из перечисленных

²⁸ Архив Новоторжского Воскресенского женского монастыря. С. 7-8.

²⁹ Там же. С. 87.

³⁰ Там же. С. 87.

³¹ Там же. С. 68.

³² Там же. С. 140.

³³ Веригин Е.А. Новоторжский Воскресенский женский монастырь. Тверь, 1910. С. 5.

³⁴ Архив Новоторжского Воскресенского женского монастыря. С. 140.

³⁵ Писцовые материалы Тверского уезда XVI в. / под. ред. А.В. Антонова. М., 2003.

³⁶ Домажиловы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1893. Т. IX. С. 5.

³⁷ Руммель В. Волынские // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1892. Т. VII. С. 125; Перские // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1898. Т.

родов землевладельцев записаны в детях боярских и дворян в начале XVI в. (Годуновы, Цыплятевы) и в конце XVI – начале XVII в. (Беклешевы, Дедевшины, Краснопольские, Львовы, Рожновы).

Известно также, что в 1570-х гг. земельные владения в Новоторжском уезде имел великий тверской князь Симеон Бекбулатович, который обладал ими наряду с полученным Тверским княжеством³⁸.

Таким образом, среди светских землевладельцев Новоторжского уезда XVI-XVII вв. преобладают представители детей боярских и дворян, получивших свой статус уже в XVI-XVII вв.

Из отдельной выписи писцов князя Меркурия Александровича Щербатова и дьяка Алферия Григорьева 1587/ 88 г. известно об имевшихся в волости Прутня запустевших дворцовых землях и их передаче в поместье³⁹.

Исследование С.З. Чернова показало, что сохранившиеся акты неравномерно отражают землевладение отдельных уездов Русского государства⁴⁰, поэтому изучение актового материала Новоторжского уезда должно вестись в совокупности с изучением писцовых описаний.

Дальнейшее изучение письменных источников позволит выявить микрорегиональные особенности территориально-административной и экономической структуры Новоторжской земли.

Литература

Борзаковский В.С. История Тверского княжества. Тверь, 1994.

Веригин Е.А. Новоторжский Воскресенский женский монастырь. Тверь, 1910. С. 5.

Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977.

Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в. М., 1906.

Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV – XVII веках. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980.

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.

Кутаков С.С. Удел великого тверского князя Симеона Бекбулатовича: локализация и происхождение // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2016. № 2. С. 102-112.

XXIII. С. 397; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 191-195.

³⁸ *Кутаков С.С.* Удел великого тверского князя Симеона Бекбулатовича: локализация и происхождение // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2016. № 2. С. 104.

³⁹ Русский дипломатарий. С. 204, № 1600.

⁴⁰ *Чернов С.З.* Волок-Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения. М., 1998. С. 11-13.

Кутаков С.С., Степанова Ю.В. Тверской уезд в XVI веке по данным писцовых описаний: опыт создания геоинформационной системы // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2013. № 40. С. 115-120.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Малыгин П.Д. Торжок в составе Новгородских земель (конец I тыс. н.э. – конец XV в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

Малыгин П.Д. Новый Торг – Торжок в контексте политической истории Новгородской земли XII–XIII вв. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.). М., 1996.

Малыгин П.Д. Тверь и Новоторжско-Волоцкие земли в XII–XIII вв. // Становление европейского средневекового города. М., 1989. С. 149-151.

Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. М., 1986.

Овсянников Н.Н. О Новгородско-Тверском рубеже в связи с направлением Новгородских путей. Тверь, 1903.

Фролов А.А. Источники по средневековой истории Тверской области: писцовая книга Новоторжского уезда письма 1625/26-1626/27 годов // Труды региональных конкурсов научных проектов в области фундаментальных и гуманитарных исследований. Тверь, 2010. С. 141-145.

Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI – XVII века (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). Дисс. докт. ист. наук. Вологда, 2001.

Чернов С.З. Волок-Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения. М., 1998.

Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. Учебн. пособ. М., 1977.

Об авторах:

Рысенкова Елизавета Васильевна – студентка III курса направления «История», исторический факультет Тверского государственного университета. Научный руководитель – Ю.В. Степанова, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ТвГУ.

Степанова Юлия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ТвГУ.

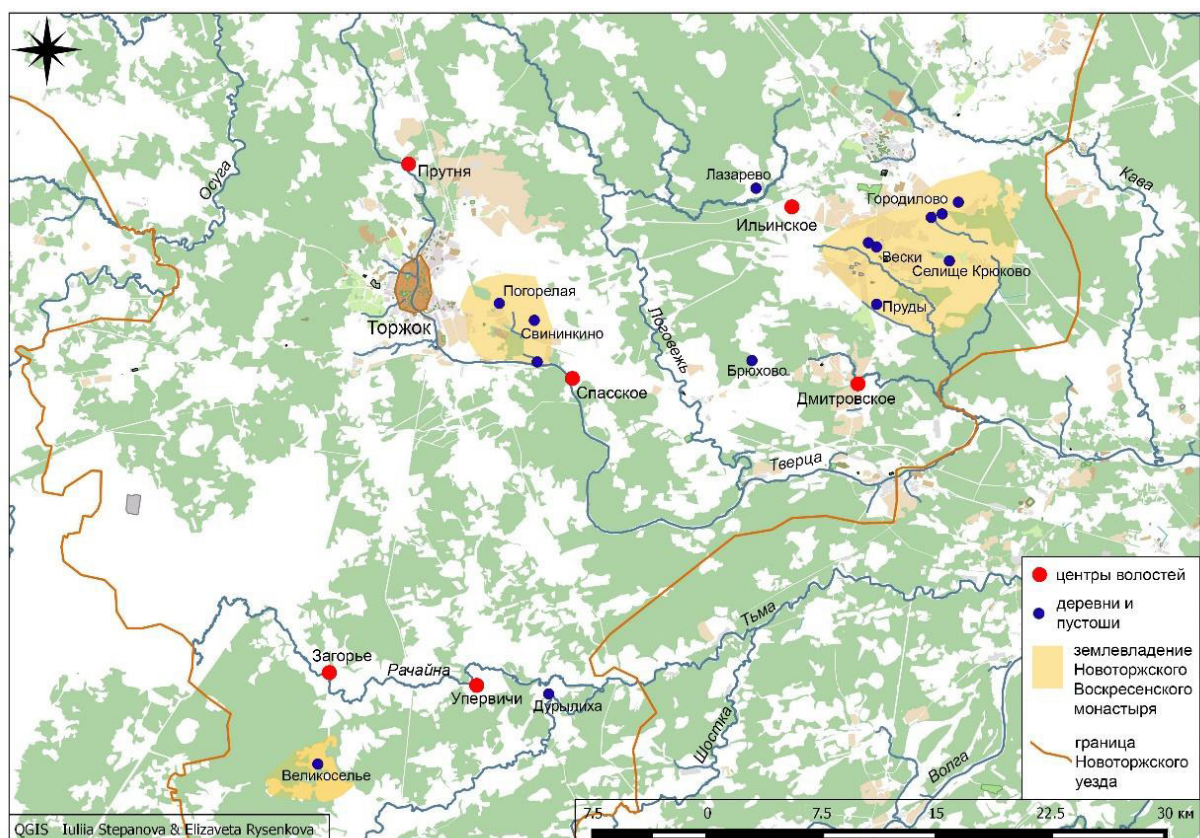

Рис. 1. Землевладение Новоторжского Воскресенского женского монастыря в XVI-XVII вв.

Таблица 1. База данных по актовому материалу Новоторжского Воскресенского женского монастыря XVII в. (фрагмент).

Топоним	Волость	Тип	Кол-во дворов	Кол-во людей	Кол-во пашни, четей	Кол-во сена, коп.	Кол-во леса, дес.	Датировка источника	Источник	Ссылка на публикацию источника
Погорелая	Спасская	Деревня	3	6	10 перелогом, 150 лесом поросло, а в дву потому ж, земля худа	30	63	1626	Выпись из Новоторжских книг письма и меры В.А. Полтинина	Архив Новоторжского Воскресенского женского монастыря. Издание ТУАК. Старица, 1910. С. 7. №6
Попова	Спасская	Деревня	1	2	3 перелогом, 20 лесом поросло, а в дву потому ж	40		1626	- " -	- " -

Историко-географический комментарий к чертежу Старицкого уезда XVII в.

С. С. Кутаков, Ю. В. Степанова

В статье представлены результаты локализации объектов чертежа XVII в., в том числе межи между Старицким и Зубцовским уездами и населенных пунктов Порецкого, Покровского, Верховского, Семеновского, Сукроменского, Синей и Холмской волостей (Старицкий уезд) и Шешемской волости (Зубцовский уезд). Уточнены границы между волостями и уездами. Рассматривается проблема локализации средневекового г. Холм и холмских волостей, известных по письменным источникам. По мнению авторов, данные чертежа представляют новые аргументы в пользу отождествления средневекового Холма с с. Красный Холм, однако по-прежнему недостаточные для однозначного решения этой проблемы.

Ключевые слова: волость, стан, уезд, локализация, актовый материал, чертеж, граница, село, Средневековая Русь.

Проблема локализации и истории формирования Старицкого уезда является актуальной, поскольку возникший в начале XVI в. уезд объединил в себе собственно старицкие земли и земли Холмского удельного княжества, существовавшего в конце XIV-XV вв. Локализация волостей Старицкого уезда важна для изучения истории городов и уделов Тверского княжества.

Настоящая работа посвящена локализации южных границ, станов и волостей Старицкого уезда. Основным источником исследования является чертеж земель Старицкого уезда по рекам Держе, Шешме и Синей XVII в., хранящийся в РГАДА (рис. 1)¹. Чертеж был выявлен и исследован в ходе работы над проектом по созданию веб-ГИС «Чертежи Русского государства XVI-XVII вв.»², который осуществляется под руководством с.н.с., заведующего Лабораторией исторической геоинформатики ИВИ РАН А.А. Фролова³.

На чертеже изображена территория, располагающаяся на пограничье Тверского, Старицкого и Зубцовского уездов XVII в. Показаны реки Шешма и ее приток Язвия, Дёржа и ее притоки Синяя (с притоком Встанишьца), Горянка и Кляка.

На чертеже в общей сложности обозначено 50 топонимов: 2 села, 8 селец, 12 деревень, 6 селищ и 20 пустошей, а также Погорелое Городище и монастырь Раков.

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. № 39220.

² Чертежи Русского государства XVI-XVII вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://rgada.info/geos2/> (номер чертежа 1049).

³ Фролов А.А., Голубинский А.А., Кутаков С.С. Опыт картографирования корпуса географических чертежей Русского государства XVI-XVII вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2015. С. 379-385.

Линией обозначена межа, отделяющая Шешемскую волость Зубцовского уезда и Синюю волость Старицкого уезда.

Локализация объектов, отображенных на чертеже, не представила трудностей. Ряд населенных пунктов имеется на современной карте и карте А.И. Менде 1840-х гг.⁴: это села Погорелое Городище и Красный Холм, деревни Золотилово, Галахово, Ивановское, Новое, Денисово, Долгие Нивы, Покров, Вахново, Покровское, Катково, Шулгино, Бурцево, Казаркино, Козлово, Корганово, Акулининское. Отдельные пункты были локализованы на основании уездных планов Старицкого и Зубцовского уездов, частности, пустошь Синицы, с. Кузмодемьянское, с. Раково⁵.

На основании локализации топонимов были установлены особенности расположения волостей Старицкого и Зубцовского уездов и прохождения границ между ними. Следует отметить, что границы на различных участках локализуются с различной степенью точности. Наиболее детально они устанавливаются на участке течения р. Шешмы и Дёржи и в тех случаях, когда локализованы близко расположенные пункты, относящиеся в разным волостям. В частности, благодаря этому достаточно четко устанавливается расположение волости Синяя, границы которой за западе маркируют дд. Шулгино и Кузмодемьянское и межа на границе с Шешемской волостью, а на востоке – д. Вахново, маркирующая границу с Порецким станом.

Для проверки детальности чертеж и его географические объекты были локализованы с использованием ГИС-технологий, в программе QGIS. Локализация произведена двумя основными способами. Первый способ – это локализация объектов на современной географической основе. Он позволил «перевести» информацию чертежа в соответствии с современными представлениями о земной поверхности. Второй способ – это привязка растрового изображения чертежа в ГИС с использованием проекции Гельмерта, которая искажает изображение в соответствии с заданными точками привязки.

Первое изображение позволило получить карту пограничья Старицкого, Тверского и Зубцовского уездов и местонахождения объектов, указанных на чертеже (рис. 2). Второе показало степень расхождения современной топоосновы с изображением той же местности на чертеже XVII в. Полученные результаты позволяют сделать определенные выводы о технологии составления данного чертежа. Наиболее точно на нем отражены участки течения р. Шешмы и область вокруг Погорелого Городища и Холма, которые, вероятно, и являлись исходными областями работы авторов чертежа.

Среди письменных источников важным источником сведений о пограничье Старицкого и Зубцовского уездов является комплекс актового материала 1532 г., относящийся к данной территории. Он включает купчую грамоту

⁴ Топографический межевой атлас Тверской губернии, составленный в 1848 и 1849 гг. членами межевого корпуса и топографии военного ведомства под наблюдением ген.-майора Менде. М., 1853.

⁵ Уездные планы Старицкого, Зубцовского уездов // Старые карты. [Электронный ресурс]. URL: <http://oldmaps.ru>

архимандрита Чудова монастыря Ионы у Аксиныи Федоровой дочери Пусторослева, вдовы Ивана Шалая Григорьева Новосильцева на сц. Муханово в волости Шешма Зубцовского уезда и очищальную и отводную запись А.Ф. Пусторослевой на то же сельцо⁶. Эти документы подробно описывают межу этого землевладения, которое расположено на старицко-зубцовском рубеже. Сц. Муханово и топонимы, названные в документах, имеются на рассматриваемом чертеже. Межа описана в направлении от северной границы к западу и юго-западу и совпадает с границей между волостями Шешма Зубцовского уезда и Синей Старицкого уезда, обозначенной на плане XVII в. Таким образом, граница между этими волостями оставалась неизменной на протяжении XVI-XVII вв. Интересно, что и в грамоте, и на чертеже фигурируют землевладельцы Пусторослевы – представители рода, переехавшего в Тверское княжество из Волыни после завоевания ее литовцами в начале XIV в.⁷ Рассматриваемые источники показывают, что на протяжении XVI-XVII вв. Пусторослевы сохраняли здесь свои владения. Местонахождение землевладения в XVI в. в пределах Старицкого удельного княжества, упоминание удела «князь Андрея Ивановича» и указание на принадлежность князю волости Синей позволяет предположить, что Пусторослевы получили это землевладение на окраине Старицкого удела от князя Андрея Ивана Старицкого. Пусторослевы имели имевшие общее происхождение с Бороздиными, близкими к старицкому князю, которые в 1530-х гг. также получили земельные пожалования от князя Андрея Ивановича⁸.

На чертеже XVII в. отражены также населенные пункты Сукроменского, Покровского, Семеновского, Верховского, Порецкого станов, волостей Синяя и Холмская Старицкого уезда, а также рубеж между Тверским и Старицком уездами. Локализация поселений позволяет уточнить местоположение этих территориальных единиц. Наиболее точно на чертеже отражено местоположение волости Синяя, границы которой устанавливаются по расположению дд. Кузьмодемьянское, Вахново, Катково, Шулгино. Граница между Покровским станом и волостью Синей проходила по верхнему течению р. Шешма.

Локализуется граница между Старицким и Тверским уездами, которая располагается северо-восточнее Погорелого Городища. Таким образом, чертеж позволяет уточнить местоположение волости Хорвач – самой южной волостью Тверского уезда, локализующейся в бассейне левых притоков р. Шоша – Жидоховка, Ржать, Жабня. Первое упоминание топонима Хорвач относится к 1368 г. Н.Д. Квашнин-Самарин и В.А. Кучкин соотнесли его с Погорелым

⁶ Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9. С. 79-82.

⁷ Пусторослевы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1898. Т. XXVa. С. 810.

⁸ Бенцианов М.М. Двор князя Андрея Старицкого и проблема «Старицкого мятежа» 1537 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 4. С. 70-71.

Городищем⁹. Однако это название могло относиться не к населенному пункту, а к территории волости. Такого мнения придерживается П.Д. Малыгин¹⁰.

Данные чертежа показывают, что локализация южной границы Тверского уезда северо-восточнее Погорелого Городища по данным писцовых описаний XVI в., выполненная авторами настоящей статьи, была верной¹¹, и граница между уездами на данном участке оставалась неизменной в XVI-XVII вв. В целом верным представляется размещение волостей Старицкого уезда, реконструированное Ю.В. Готье¹².

Порецкий стан достаточно точно локализуется по с. Погорелое Городище и д. Ивановское. Он расположен в среднем течении р. Держа. Территория Холмской волости располагается в западу, югу и востоку от с. Холм, которое соотносится с современным с. Красный Холм Зубцовского района Тверской области.

Таким образом, чертеж позволяет вновь обратиться к вопросу о местоположении г. Холм и холмских волостей, упомянутых в духовной грамоте Ивана III, и средневекового г. Холм.

В.С. Борзаковский, а вслед за ним В.А. Кучкин связывали средневековый Холм с селом Красный Холм на территории Зубцовского района Тверской области¹³. Именно там обозначил Холм и В.А. Темушев, основываясь на локализации В.А. Кучкина¹⁴.

По мнению П.Д. Малыгина, средневековому Холму может соответствовать только городище в с. Погорелое Городище¹⁵. Эту точку зрения обосновывает и В.В. Кузнецов на основании анализа «Сказания об Оковецкой иконе Божьей Матери»¹⁶.

Упоминание холмских волостей содержится в духовных грамотах великого князя Ивана III и царя Ивана IV, в меновой грамоте Ивана IV и князя Владимира Андреевича Старицкого. Духовная грамота Ивана III обозначает

⁹ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 176.

¹⁰ Малыгин П.Д. Археологические памятники Тверской области и история их изучения. Тверь, 2007. С. 148.

¹¹ Кутаков С.С., Степанова Ю.В. Границы и административное деление Тверского уезда в XVI веке // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2016. Т. 3. С. 280-317.

¹² Готье Ю.В. Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.

¹³ Борзаковский В.С. История Тверского княжества. Тверь, 1994; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. С. 176.

¹⁴ Темушев В.Н. Литовско-тверская граница (вторая половина XIV – начало XVI в.) // Вестник ТвГУ. Серия: История. Тверь, 2007. Вып. 4. С. 87-97.

¹⁵ Малыгин П.Д. Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. С. 126.

¹⁶ Кузнецов В.В. К вопросу о локализации города Холма Тверского княжества // Новоторжский сборник. Торжок, 2010. Вып. 3.

как вотчину Холмских Новый городок, Холм, волости Синяя и Олешня¹⁷, по писцовому описанию Андрея Карамышева.

В меновой грамоте 1566 г. относящимися к Новому городку названы станы Порецкий, Верховской, Сукроменский и Семеновский. Вместе с ними писцом князем Василием Ростовским Голубого была описана волость Синяя и дворцовые села Вахново и Раково¹⁸. Местонахождение всех этих топонимов позволил уточнить чертеж XVII в. В грамоте также указывается, что Новый городок (Новое городище) было описано писцом Василием Полукарповым Ромейковым. Им же описаны холмские волости Старый и Новый Отъезд, Кривой Холм, Носилов, Держа и Жижнен. Местоположение волостей Старый и новый Отъезд определено В.Н. Темушевым в верховьях р. Руза, южнее Сукромны¹⁹. Волость Жижнен скорее всего располагалась по течению реки Жижмель (Жмель), притока р. Держа в ее верховьях. Логично предположить, что и волость Держа находилась рядом, в верховьях р. Держа. Таким образом, эти холмские волости располагались к востоку и юго-востоку от с. Красный Холм.

В числе старицких земель в грамоте названо дворцовое село Холм с сельцом Кузьмодемьяновским и селом Андреевским, однако его соотношение с г. Холм неясно.

В духовной грамоте царя Ивана IV городище называется уже Погорелым, и упоминается Холм²⁰.

Таким образом, данные чертежа XVII в. скорее свидетельствуют в пользу того, что с. Красный Холм соответствует средневековому Холму, поскольку связанные с ним волости локализуются в пространственной близости от него, тогда как Новое (Погорелое) городище и в письменных источниках, и на чертеже связывается с Порецким, Верховским, Сукроменским и Семеновским станами.

Таким образом, предположение В.С. Борзаковского и В.А. Кучкина о местонахождении средневекового Холма получило новое подтверждение данными чертежа XVII в. Однако этих данных по-прежнему недостаточно для однозначного решения проблемы локализации средневекового Холма. Разрешить вопрос о соотношении городских центров и других топонимов, таких, как Холм, Хорвач, Новое городище, упомянутых в летописных источниках и актовом материале XIV-XVI вв., с данными актового материала XVI-XVII вв. и картографическим источником XVII в. поможет детальное археологическое обследование данной территории.

Литература

Бенцианов М.М. Двор князя Андрея Старицкого и проблема «старицкого мятежа» 1537 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 4. С. 64-76.

¹⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. (ДДГ). М., 150. С. 361. № 89.

¹⁸ ДДГ. С. 421. № 102.

¹⁹ Темушев В.Н. Литовско-тверская граница. С. 92-93.

²⁰ ДДГ. С. 442. № 104.

Борзаковский В.С. История Тверского княжества. Тверь, 1994.

Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М., 1950.

Кузнецов В.В. К вопросу о локализации города Холма Тверского княжества // Новоторжский сборник. Торжок, 2010. Вып. 3.

Кутаков С.С., Степанова Ю.В. Границы и административное деление Тверского уезда в XVI веке // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2016. Т. 3. С. 280-317.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Малыгин П.Д. Археологические памятники Тверской области и история их изучения. Тверь, 2007.

Малыгин П.Д. Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. С. 116-128.

Русский дипломатий. М., 2003. Вып. 9.

Темушев В.Н. Литовско-тверская граница (вторая половина XIV – начало XVI в.) // Вестник ТвГУ. Серия: История. Тверь, 2007. Вып. 4. С. 87-97.

Топографический межевой атлас Тверской губернии, составленный в 1848 и 1849 гг. членами межевого корпуса и топографии военного ведомства под наблюдением ген.-майора Менде. М., 1853.

Фролов А.А., Голубинский А.А., Кутаков С.С. Опыт картографирования корпуса географических чертежей Русского государства XVI-XVII вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2015. С. 379-385.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1898. Т. XXVa.

Сведения об авторах:

Кутаков Сергей Сергеевич – аспирант Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва). Научный руководитель – А.А. Фролов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Степанова Юлия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ТвГУ.

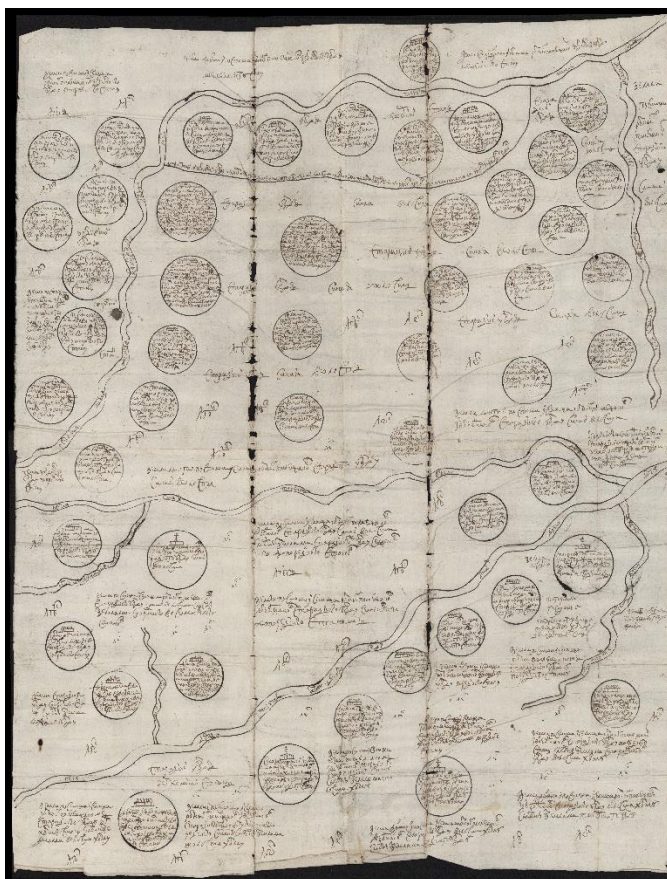

Рис. 1. Чертеж земель Старицкого уезда по рекам Держе, Шешме, Синей. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. № 39220).

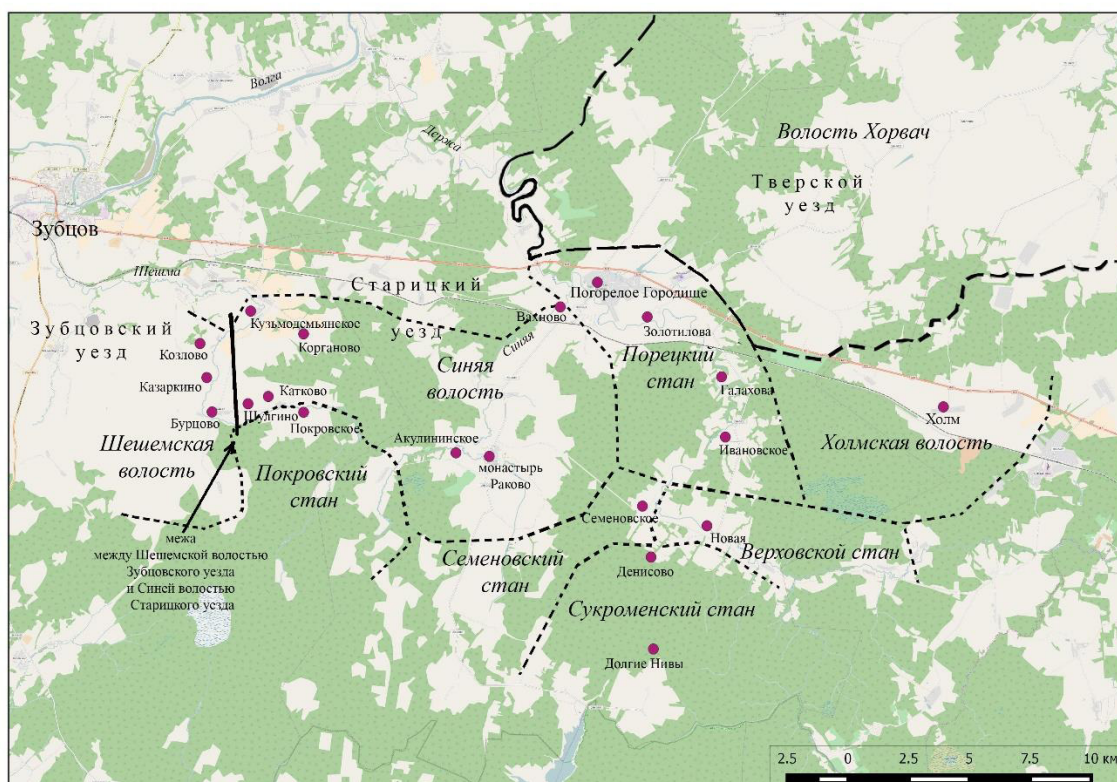

Рис. 2. Локализация границ, волостей, станов и населенных пунктов Старицкого, Zubовского и Тверского уездов по данным чертежа XVII в.

О численности и производительности заводов и фабрик Торжка и Новоторжского уезда во второй половине XIX – начале XX в.

А. В. Иванов

В статье рассматривается промышленность Торжка и Новоторжского уезда Тверской губернии второй половины XIX – начала XX в. и ее динамика в данный период. Изучена отраслевая специализация, численность предприятий и показатели производительности. Отмечается постепенная переориентация предприятий из города в уезд, сокращение численности заводов и фабрик в Торжке с одновременным увеличением их производительности, связанным с их модернизацией. В Новоторжском уезде уменьшается площадь пахотной земли, вследствие чего доля промышленности по переработке сельскохозяйственной продукции в отраслевой структуре Новоторжского уезда становится меньше.

Ключевые слова: *промышленность, отрасль, модернизация, производительность, уезд, город, Тверская губерния.*

Изучение истории промышленности Тверской губернии второй половины XIX – начала XX в. не представляется полноценным без исследования промышленной сферы Торжка и Новоторжского уезда. На примере торжокского региона можно проследить экономическую ситуацию постформенного периода. Тема данной статьи даёт возможность понимания сущности процессов промышленной модернизации в Торжке и Новоторжском уезде во второй половине XIX – начале XX в., и выявления факторов, обуславливавших эти процессы. Настоящая статья рассматривает итоги модернизационных процессов в промышленности на региональном материале.

Л. Б. Кафенгауз, изучая эволюцию промышленного производства в России в последней трети XIX в. – 30-х гг. XX в., выявляет причины падения численности кожевенных заводов и фабрик и проблемы их технологической модернизации¹. Д. И. Рихтер отмечал сокращение пахотных земель в Новоторжском уезде и причины этого явления². Статья Е. В. Орловой даёт возможность

¹ *Кафенгауз Л. Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е гг. XX в.). М., 1994.

² *Рихтер Д. И.* Из энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона // Торжок в путевых заметках и мемуарах. Тверь, 2002.

проследить процесс технологической модернизации бумагокартонного производства Каменской писчебумажной фабрики³. С. В. Богданов провёл статистические подсчёты численности винокуренных заводов в Тверской губернии в период с 1860-х по 1880-е гг., в том числе и в Новоторжском уезде⁴.

Стоит отметить, что до настоящего времени не проводилось комплексных исследований по общей численности и производительности заводов и фабрик торжокского региона в обозначенный период. Настоящая работа является попыткой комплексного изучения этих проблем.

На выявление статистических данных о численности заводов, фабрик, их производительности, количестве рабочих существенное влияние оказала источниковая база. Эти данные содержат «Статистические таблицы» по Тверской губернии за 1861, 1866, 1869 гг., которые создавались Тверским губернским статистическим комитетом для нужд правительства и для выполнения функций правительственных учреждений. Данные материалы хранятся в государственном архиве Тверской области (ГАТО)⁵.

В то же время, «Статистические таблицы» являлись базой для Обзоров Тверской губернии⁶. В обоих типах документов публиковались данные по аналогичным сферам социально-экономической жизни Тверской губернии.

Важным источником является «Список фабрик и заводов Российской империи» под редакцией В. Е. Варзара, составленный для нужд управляющих органов России, по официальным сведениям, отдела промышленности министерства торговли и промышленности⁷. В сборнике отмечены владельцы предприятий, производительность заводов и фабрик, мощность паровых двигателей, численность рабочих, по состоянию на 1912 г.

Производство в Торжке и Новоторжском уезде было представлено сыроваренными, свечными, винокуренными, кирпичными, крахмальными, водочными, пиво и медоваренными, кожевенными, солодовыми, мукомольными, стекольными и другими заводами.

³ Орлова Е. В. Взаимовлияние развития технологии и использования природных ресурсов в писчебумажном производстве второй половины XIX – начала XX века: на примере Каменской писчебумажной фабрики (Тверская губерния) // Границы в пространстве прошлого: социальные, культурные, идейные аспекты. Тверь, 2007. Т. 2.

⁴ Богданов С. В. Сколько было винокуренных заводов в Тверской губернии в XVIII, XIX, начале XX вв. // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2013. Вып. 3.

⁵ ГАТО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 40, 48, 51.

⁶ Обзор Тверской губернии за 1874 г. Тверь, 1875; Обзор Тверской губернии за 1877 г. Тверь, 1878; Обзор Тверской губернии за 1879 г. Тверь, 1880; Обзор Тверской губернии за 1882 г. Тверь, 1883; Обзор Тверской губернии за 1884 г. Тверь, 1885; Обзор Тверской губернии за 1886 г. Тверь, 1887; Обзор Тверской губернии за 1888 г. Тверь, 1889; Обзор Тверской губернии за 1891 г. Тверь, 1892; Обзор Тверской губернии за 1894 г. Тверь, 1895; Обзор Тверской губернии за 1895 г. Тверь, 1896; Обзор Тверской губернии за 1898 г. Тверь, 1899; Обзор Тверской губернии за 1901 г. Тверь, 1902; Обзор Тверской губернии за 1903 г. Тверь, 1904.

⁷ Список фабрик и заводов Российской Империи / под ред. В. Е. Варзара. СПб., 1912.

Ежегодно во второй половине XIX – начале XX в. в Торжке и Новоторжском уезде Тверской губернии работали в среднем 52 предприятия, при этом в уезде в 1861 г. на каждую отрасль производства приходилось в среднем 1,6 завода, в городе – 4,3, в 1903 г. – 1,3 и 1,4 соответственно.

Годовая производительность заводов в торжокском регионе за 1874–1903 гг. в среднем составила 144 986 руб. (табл. 1 и 2):

Таблица 1. Численность заводов и фабрик в Торжке и Новоторжском уезде 1861–1903 гг.

Год	1861	1866	1869	1874	1879	1884	1888	1894	1898	1903
Кол-во заводов и фабрик	48	52	58	45	62	56	69	54	60	21

Источник: ГАТО. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 25; Ед. хр. 48. Л. 20,23; Ед. хр. 51. Л. 23-25. Обзор Тверской губернии за 1874 г. Тверь, 1875. Л. 27-28; Обзор Тверской губернии за 1879 г. Тверь, 1880. Л. 26-27; Обзор Тверской губернии за 1884 г. Тверь, 1885; Обзор Тверской губернии за 1888 г. Тверь, 1889. Л. 65; Обзор Тверской губернии за 1894 г. Тверь, 1895. Л. 38; Обзор Тверской губернии за 1898 г. Тверь, 1899. Л. 35; Обзор Тверской губернии за 1903 г. Тверь, 1904. Л. 36.

Таблица 2. Производительность заводов и фабрик в Торжке и Новоторжском уезде 1874–1903 гг.

Год	1874	1877	1882	1886	1891	1895	1901	1903
Производительность заводов и фабрик (в руб.)	142670	128327	133926	135881	136852	156611	128019	197598

Источник: Обзор Тверской губернии за 1874 г. Тверь, 1875. Л. 28; Обзор Тверской губернии за 1877 г. Тверь, 1878. Л. 7; Обзор Тверской губернии за 1882 г. Тверь, 1883. Л. 71; Обзор Тверской губернии за 1886 г. Тверь, 1887. Л. 33; Обзор Тверской губернии за 1891 г. Тверь, 1892 г. Л. 32; Обзор Тверской губернии за 1895 г. Тверь, 1896. Л. 48; Обзор Тверской губернии за 1901 г. Тверь, 1902. Л. 35; Обзор Тверской губернии за 1903 г. Тверь, 1904. Л. 36.

До 1880-х гг. промышленные заведения концентрировались в городе (в 1861 г. 43 предприятия размещалось в городе, 5 – в уезде, в 1865 г. – соответственно 39 и 9, в 1874 г. – 33 и 15), в 1880-х гг. проявляется тенденция перемещения предприятий в уезд (в 1884 г. в уезде 32 заведения из 56, в 1895 г. – 41 из 57), в начале XX в. число предприятий в уезде резко сократилось (в 1903 г.

в городе действовали 13 заведений, в уезде – 12). Причиной сокращения численности заводов и фабрик в Торжке послужило развитие кустарного ремесла и технологическая модернизация производства.

Наибольшую долю в отраслевой структуре промышленности к 1861 г. составляли кожевенное и солодовое производства (30% и 47%), их преобладающее положение сохранилось до 1903 г. (23% для обоих видов). Несмотря на значительную долю в промышленной структуре численность кожевенных заводов к началу XX в. сократилась, что, по мнению Л. Б. Кафенгауза, объясняется «слабой технической реконструкцией кожевенной промышленности»: фабричное производство развивалось слабо, а мелкое кустарное производство играло значительную, а в некоторых регионах даже преобладающую роль⁸.

Претерпело сокращение винокуренное производство. В 1863 г. функционировало 8 винокурен, в 1876 г. – 2 предприятия. В 1877–1897 гг. работала одна винокурня в уезде⁹. С. В. Богданов указал причину уменьшения винокуренных предприятий в акцизной политике государства и изменения в регламентации условий винокуренного производства. В итоге, незначительные по размерам предприятия оказывались убыточными.

В 1861 г. более 56% в отраслевой структуре занимали предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, в 1903 г. их доля сократилась и составляла около 40%. В 1874 г. средняя производительность в уезде была 341556,6 руб., в 1879 г. – 168872,2 руб., в 1886 г. – 165449,4 руб., в 1891 г. – 245247,2 руб., в 1895 г. – 226562,7 руб., в 1901 г. – 145827 руб. В данной динамике не наблюдается общего роста, так как за вторую половину XIX в. уменьшилась площадь пахотных земель с 33 до 27%¹⁰. Сокращение посевной площади объясняется запущенностью частновладельческих хозяйств и отходом населения в сторону¹¹. Улучшенные приёмы обработки и усовершенствованные орудия распространяются не только у частных владельцев, но и среди крестьян¹².

Важным представляется рассмотрение показателей мощности паровых двигателей и численности рабочих на торжокских предприятиях. Так, например, одной из самых производительных была Каменская писчебумажная фабрика. В 1880 г. фабрика была оборудована 16 роллами, одной бумагоделательной машиной и пятью паровиками на 112 л. с., в 1894 г. на предприятии имелось 20 роллов, 3 бумагоделательных машины, а мощность паровых машин достигала 362 л. с., в 1912 г. мощность парового двигателя на фабрике составила 1950 л. с., а численность рабочих достигла 1321 человек¹³. Эти параметры позволяли иметь объём годового производства в размере 1 817 713 руб. Напро-

⁸ Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России. С. 57.

⁹ Богданов С. В. Сколько было винокуренных заводов в Тверской губернии. С. 157.

¹⁰ Рихтер Д. Из энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. С. 160.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 161.

¹³ Список фабрик и заводов Российской Империи. С. 131.

тив, один из самых минимальных показателей мощности принадлежал предприятию И. Т. Парикова по изготовлению бруса и ржаной муки. В 1912 г. мощность двигателя равнялась 20 л. с. при 11 рабочих. При имеющихся ресурсах предприятие имело выручку по заказам 9251 руб.¹⁴

Подводя итог, следует сказать, что во второй половине XIX в. происходила переориентация предприятий из города в уезд. Сокращается численность заводов и фабрик в Торжке, однако их производительность увеличивается. Эта тенденция основывается на промышленной модернизации. В уезде уменьшается площадь пахотной земли, вследствие чего доля промышленности по переработке сельскохозяйственной продукции в отраслевой структуре торжокского региона становится меньше.

Литература

Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е гг. XX в.). М., 1994.

Рихтер Д. И. Из энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона // Торжок в путевых заметках и мемуарах. Тверь, 2002.

Орлова Е. В. Взаимовлияние развития технологии и использования природных ресурсов в писчебумажном производстве второй половины XIX – начала XX века: на примере Каменской писчебумажной фабрики (Тверская губерния) // Границы в пространстве прошлого: социальные, культурные, идейные аспекты. Тверь, 2007. Т. 2.

Богданов С. В. Сколько было винокуренных заводов в Тверской губернии в XVIII, XIX, начале XX вв. // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2013. Вып. 3.

Список фабрик и заводов Российской Империи / под ред. В. Е. Варзара. СПб., 1912.

Об авторе:

Иванов Андрей Викторович – магистрант I курса направления «История», бакалавр истории, исторический факультет Тверского государственного университета. Научный руководитель – С.В. Богданов, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ТвГУ.

¹⁴ Список фабрик и заводов Российской Империи. С. 113.

Архивные дела карельских беженцев как исторический источник

И. А. Чернякова, П. С. Воронина

В статье предпринят анализ информативности документальных материалов о карельских беженцах, которые покинули Карелию после восстания 1921–1922 гг., а затем получили возможность вернуться обратно в связи с объявленной советским правительством в 1923 г. амнистией. Долгое время данные документы были засекречены и впервые вводятся в научный оборот в ходе подготовки магистерской квалификационной работы «Карбеженцы – коллективный портрет в контексте судеб традиционного общества в Карелии (1920-е гг.)».

Ключевые слова: карбеженцы, карельское восстание, карельская авантюра, просопография, база данных, репатрианты, опросные листы, анкеты, Карельская Трудовая Коммуна, Финляндия, приграничье, амнистия 1923 г.

1 июня 1922 г. в Гельсингфорсе (Хельсинки) было подписано Соглашение между РСФСР и Финляндией, которое подытожило в межгосударственных отношениях события зимы 1921–1922 гг. – крестьянского восстания, начавшегося в северной Тунгудской волости Карельской Трудовой Коммуны (далее – КТК) в октябре 1921 г. из-за экономических тягот, вызванных введением продналога, трудовыми и военными мобилизациями населения. Возмущение охватило карельские волости с центрами в селах Кимасозеро, Маслозеро, Ругозеро, Юшкозеро, захватив и некоторые соседние территории. В советской историографии этот эпизод известен как «белофинская авантюра»¹ или «карельский мятеж»². Хотя до сих пор нет единого мнения: – было это в большей степени протестное движение из-за недостатка продовольствия в северных карельских деревнях, или прежде всего интервенция – факт участия финских добровольцев и карелов, ранее ушедших за рубеж, в прибывшей в Карелию из Финляндии так называемой Карельской Освободительной Армии (КОА) общей численностью около трех тысяч человек, по утверждению изучившего её состав Александра Осипова, никем не оспаривается³.

Следствием драматических событий явился массовый уход жителей из северных областей Карелии в Финляндию. Современный финляндский исследователь Тойво Нюгард утверждает, что число карельских беженцев (далее –

¹ *Седякин А. И.* Ликвидация белофинской авантюры в Карелии // Красный страж. 1937. № 2. С. 4-9; *Гардин Е. С.* Славная страница в летописи побед Советской Армии: Ликвидация белофинской авантюры 1921-1922 гг. в Карелии // На рубеже. 1952. № 2. С. 68-77.

² *Гусев К. В.* К истории карельского мятежа (по материалам комиссии по реабилитации при Президенте РФ) // Отечественная история. 1996. № 6. С. 71-84; *Килин Ю. М.* Карелия в политике советского государства. Петрозаводск, 1999. С. 55.

³ *Осипов А. Ю.* Карельская Освободительная Армия: между Финляндией и советской Россией // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск, 2008. С. 45-52.

карбеженцев) в Финляндии сразу после подавления незаконных вооруженных формирований на севере Карелии прибывшими из центра красноармейцами возросло до 35 тысяч человек. Однако уже к 1935 г., как подчеркивает тот же автор, их оставалось всего около шести тысяч⁴. Отметим, что председатель СНК КАССР Эдвард Гюллинг в очерке, посвященном 10-летнему юбилею установления советской власти в Карелии, подчеркнул: «белые частью насильственно, частью напугиванием [так – авт.] увели с собой» около 10–12 тысяч человек⁵. Известный довоенный исследователь Самуил Хесин также не сомневался, что «белофинны насильно, под угрозой расстрела, уводили с собой население... кроме стариков в возрасте от 70 до 90 лет...» и в частности утверждал: «во всем Ухтинском районе из 17600 человек ... осталось 7358»⁶.

Уже в начале весны 1922 г. Карельский ревком опубликовал воззвание «Ко всем обманутым крестьянам-карелам и уведенным в Финляндию белофинскими бандами» с призывом вернуться на родину. Массовое возвращение карелов стало возможным после того как советское правительство официально объявило амнистию. Согласно декрету от 30 апреля 1923 г. это право было даровано всем «лицам, бежавшим в связи с карельской авантюрой 1921–1922 гг. на территорию Финляндии, за исключением руководителей и тех, кои, находясь за пределами Карельской Трудовой Коммуны, продолжали свою активно враждебную Р.С.Ф.С.Р. деятельность»⁷. Для координированного осуществления мероприятий в рамках объявленной амнистии при Карельском центральном исполнительном комитете была создана специальная комиссия, которая действовала до 1927 г.⁸ Вместе с амнистированными могли вернуться их семьи. Кроме того, репатрианты получили право вывезти в РСФСР нажитое в Финляндии имущество⁹.

В историографии известны мнения и выводы исследователей этих драматических событий по обе стороны границы, имеются издания документов¹⁰ и публикации воспоминаний¹¹. Опубликованы на финском языке мемуары

⁴ *Nygård T.* Itä-Karjalasta Suomeen 1917–1922 tulleet pakolaiset // GENOS 67 (1996). S. 46. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.genealogia.fi/genos-old/67/672.htm>

⁵ *Гюллинг Э.[А].* Десять лет Карельской Автономии // Десять лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1930. С. 67. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=9310&cType=1>

⁶ *Хесин С.С.* Разгром белофинской авантюры в 1921–1922 гг.: Военно-политический очерк. М., 1949. С. 144.

⁷ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 1/6. Л. 51.

⁸ Там же. Д. 29/330. Л. 31.

⁹ Там же. Д. 1/6. Л. 51.

¹⁰ Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918–1922 гг.: Сборник документов / сост. А. М. Федотов; под ред. П. Г. Софинова. Петрозаводск, 1944; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии: Сборник документов и материалов / под ред. В. И. Машезерского, Н. Ф. Славина. Петрозаводск, 1957.

¹¹ В боях за Советскую Карелию: Очерки и воспоминания. Л., 1932; Как мы били белофиннов: Сборник воспоминаний, материалов и документов о разгроме белофинских банд в

непосредственных организаторов походов из Финляндии в Карелию, в том числе двухтомные воспоминания «предводителя лесных партизан»¹² Ялмари Таккинена, взявшего себе псевдонимом имя известнейшего фольклорного персонажа Илмаринена¹³. Исследователи приближаются к рассмотрению повседневности давно минувшего, переполненного драматизмом, времени через анализ записанных в ходе фольклорных экспедиций рассказов, контаминированных переосмыслением пережитого в контексте последовавших событий¹⁴.

Однако никто не задавался до сего времени целью воссоздать социокультурный портрет карбеженцев – бесчисленного множества обитателей северных карельских деревень, на чьих судьбах наиболее разрушающим и трагичным образом сказались известные события поздней осени и зимы 1921–1922 гг. В то же время материалы, связанные с амнистированием карбеженцев, составляющие фонд Р-689 Национального архива Республики Карелия (далее НАРК) позволяют, фигурально выражаясь, погрузиться в давно минувшую реальность, «услышать» тех, кто возвращался и должен был при этом ответить на множество вопросов. Зачастую эти люди даже зримо присутствуют в анализируемых документах, так как требовалось приложить фотографии. До 1990 г. данные архивные дела хранились под грифом «секретно». Затем анкеты и сопутствующие им документы, заполненные в процессе возвращения карбеженцев из Финляндии в Российскую Карелию, были выделены в отдельную коллекцию в составе описи 14 указанного фонда. Анкеты, опросные листы, эвакуационные свидетельства, а также торжественные обязательства являются основными источниками информации для создаваемой в рамках подготовки магистерской квалификационной работы базы данных – метаисточника, без которого не представляется возможным решение поставленной исследовательской задачи.

1918–1922 гг. Л., 1939; В борьбе за власть Советов: Воспоминания участников борьбы за установление Советской власти в Карелии. Петрозаводск, 1957.

¹² Ilmarinen. Metsäsissipäällikön muistelmat. I: Karjalan metsäsissit nousevat. Porvoo: WSOY, 1927; II: Taistelut Karjalan vapauttamiseksi. Porvoo: WSOY, 1931.

¹³ См. подробнее: *Жербин А. С.* Белофинская интервенция 1918–1922 гг. в Карелию в финляндской буржуазной исторической литературе // Труды Карельского филиала АН СССР. 1960. Вып. XXIV. С. 81; Килин Ю. М. Карельский вопрос во взаимоотношениях Советского государства и Финляндии в 1918–1922 гг. Петрозаводск, 2012. С. 136–137; NB Е. Ю. Дубровская со ссылкой на А. Ю. Осипова (*Осипов А. Ю.* Вяйнемейнен и Илмаринен против Красной армии // *LiteraruS = Литературное слово.* 2007. № 3. С. 16–19) считает, что Я. Таккинен называл себя Вяйнемейненом, а его помощник В. Сидоров получил прозвище Илмаринен (см.: *Дубровская Е. Ю.* Повседневность в чрезвычайных обстоятельствах: революция 1917 года, Гражданская война и иностранная интервенция в общей памяти жителей Карелии // Труды Кольского научного центра РАН. Серия «Гуманитарные исследования». Вып. 6. Апатиты, 2014. С. 116.).

¹⁴ *Дубровская Е. Ю.* Карелия и Финляндия: Гражданская война, интервенция и военная повседневность в исторической памяти населения приграничья // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2009. Вып. 3. С. 253–262.

Процесс возвращения состоял из нескольких этапов. Прежде всего все пожелавшие покинуть приютившие их финские имения и домохозяйства должны были зарегистрироваться у местных ленсманов, которые направляли сведения в финляндское Министерство иностранных дел. Оттуда данные поступали в Представительство РСФСР в Финляндии. Затем от беженцев-мужчин требовалось заявление о репатриации, написанное также за супругу и детей до 18 лет. Своеобразным подтверждением об амнистии служило эвакуационное или проходное свидетельство, которое выдавалось репатрианту полномочным представительством РСФСР в Финляндии¹⁵.

Каждый, кто намеревался вернуться в Карелию, был обязан заполнить **анкету**, формуляр которой складывался из четырех информационных блоков вопросов по тематико-хронологическому принципу. Отвечая на «общие вопросы» блока А, требовалось предоставить информацию о себе (фамилия, имя и отчество, год и место рождения), о своей семье, наличии в Карелии крестьянского хозяйства, а также рассказать о причинах и времени выезда в Финляндию. Блок Б: «вопросы, касающиеся вооруженных выступлений в Карелии в 1921 и 1922 гг.» предусматривал получение сведений о степени и характере участия опрашиваемого в карельском восстании. Преимущественно этот блок заполняли мужчины, давая односложные ответы: «нет», «да», «принимал», «не принимал». Женщины ставили прочерк. Третий блок – блок В – был посвящен жизни в Финляндии. Репатрианты должны были сообщить о роде занятий, о конкретном месте проживания, а также о наличии продовольственной поддержки в виде так называемого «пайка». Был включен в анкету и вопрос о документах, имевшихся у карбеженца для легализации пребывания в Финляндии. Наконец, в блоке Г: «вопросы, касающиеся возвращения в Карелию» ожидалась ответы насчет того, где желает проживать репатриант по возвращении, через какой пункт на границе планируется переход, возвращается он один или с семьей. Следовало также перечислить ввозимое в Карелию имущество. Все вопросы в анкете были продублированы на финском языке. Репатриант сам выбирал язык для ответов (рис. 1, 2)¹⁶.

Подробность и содержательность ответов определялась тем, кто заполнял анкету. Если анкета заполнялась карбеженцем собственной рукой, то в записях отчетливо видно личное отношение к нахождению за границей и к происходившим событиям. Особенно ярко это прослеживается в графе про ввозимое в Карелию имущество, где часто можно встретить очень подробные описания. К примеру, Терентий Макеевич Богданов, которому было 19 лет, вывозил из Финляндии «кофе 10 кило, чай 2 кг, сахар 80 кг, табак 6 кг, кожи 6 кг, обуви 2 п[ары], спичек 80 короб[ков], мыло 6 кило, ниток 24 кат[ушки], ткани

¹⁵ Ренухова О. Ю. Возвращение карельских беженцев // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности: материалы VI международной научной конференции, посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Петрозаводск, 1–3 июня 2015 г.). Петрозаводск, 2016. С. 190.

¹⁶ НА РК. Ф. Р-659. Оп. 14. Д. 1/1. Л. 220–220 об, 223–223 об.

35 метров, бумажн[ую] шерсть 15 метров»¹⁷. За неграмотных карбеженцев анкеты заполняли сотрудники спецслужб либо другие репатрианты. Сам опрашиваемый в таком случае ставил вместо подписи какой-либо знак, чаще всего крест или три креста. Так, например, в числе многих прочих поступил Иван Потапович Орехов, уроженец деревни Костомукша¹⁸.

Опросный лист тоже был составлен в форме вопросника, включавшего 13 позиций. При прохождении погранично-карантинного пункта должны были быть внесены следующие сведения: фамилия, имя и отчество карбеженца, дата и место рождения, сословная принадлежность до революции, национальность, образование, семейное положение (следовало назвать поименно не только членов собственной семьи, если она имелась, но также братьев, сестер, отца и мать), род занятий до выезда из России (следовало указать «все положительно от возраста и службы в белой армии»), причины выезда, род занятий во время нахождения за границей, основание для возвращения, желаемое место жительства. Кроме того, предусматривались дополнительные вопросы уполномоченного – официального лица, проводившего опрос. В конце данного документа было обозначено место, озаглавленное «заключение» для резюмирующей записи представителей государственных органов (рис. 3)¹⁹.

Относительно характера и цели составления опросных листов полагаем возможным утверждать, что этот документ заполнялся представителями спецслужб на карантинных пунктах границы. Об этом говорит то, что в формуляре отсутствует дублирование вопросов на финском языке, хотя среди репатриантов были такие, кто не владел русским. Тем не менее, на сегодняшний день не выявлено ни одного опросного листа на финском языке. Более же всего на такое заключение наводят характер вопросов и манера заполнения документа «ответами». Активно использовались канцелярские штампы, встречаются утверждения типа «политически неблагонадежен», равно как заключения типа «требуется установить негласное наблюдение». Также очевидно явное отсутствие личного отношения в исследуемых опросных листах. Безусловно, для их заполнения привлекались специальные сотрудники (рис. 4)²⁰.

Как было отмечено выше, **эвакуационное свидетельство** служило неизменным подтверждением амнистирования карбеженца. В свидетельстве содержалась информация о беженце (имя, место и год рождения) и то, куда он направляется. Важно отметить, что в отличие от анкеты, в свидетельство вписывались члены семьи, возвращавшиеся вместе с беженцем: жена и дети до 18 лет. Кроме того, именно по эвакуационному свидетельству можно проследить путь возвращаемого. На документе ставились визы о прохождении границы. А при прибытии на место жительства репатриант в течение семи дней обязан

¹⁷ НА РК. Ф. Р-659. Оп. 14. Д. 1/1. Л. 126–128 об.

¹⁸ Там же. Л. 337–343 об.

¹⁹ Там же. Л. 222–222 об.

²⁰ НА РК. Ф. Р-689 Оп. 14. Д. 1/1. Л. 221–221 об.

был сдать свидетельство в местный орган власти, ведавший выдачей удостоверений личности. На свидетельстве ставилась отметка о прибытии и регистрации²¹.

На сегодняшний день мы не можем с уверенностью говорить о том, что **торжественное обязательство** было обязательным документом для репатрианта, как анкета или опросный лист. Как правило, выявленные в ходе работы торжественные обязательства представляли собой трафарет, куда вписывалось имя карбеженца и место его рождения. Обязательство носило своего рода декларативный характер: репатриант клялся в верности родине, которая согласилась принять его обратно, и соглашался на справедливое наказание, если условия не будут выполнены (см. Приложение).

В заключение отметим, что анкеты и опросные листы являются неоценимо важными источниками для воссоздания социокультурного облика целой генерации живших в российско-финляндском приграничье карелов. Потенциальная информативность анализируемых архивных дел не только обеспечивает ответы на вопросы о месте и условиях проживания в Карелии и Финляндии (в ходе временного пребывания), о возрасте, семейном положении, уровне образования, сферах профессиональной востребованности и гендерных характеристиках обитателей северных карельских деревень, но также позволяет верифицируемые суждения о национальных чертах и социальных ориентациях репатриантов. Убедительно выявляются особенности поведения больших групп людей в обстоятельствах социальных катаклизмов, провоцирующих миграционные перемещения.

Приложение

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

Я, беженец Карелии, Тимофей Михеевич Артемьев и жена моя Наталья Ивановна Артемьева, возвращающиеся из пределов Финляндии в Карельскую Трудовую Коммуну, даем настоящее обязательство перед Мяндусельгским волостным исполнительным комитетом советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов советским органам законодательства и управления коммуны в том, что с момента возвращения в коммуну сделаем все для блага советской власти и для блага РСФСР, частью которой является КТК, и прекратить всякую борьбу против них. Мы обязуемся осуществлять все права гражданина КТК, даруемые нам по политической амнистии и конституции РСФСР и КТК, законным путем через сельские, волостные, уездные, городские советы коммуны, через областной исполнительный комитет советов коммуны и через Всекарельский съезд советов и через органы этих советов. Мы обязуемся нести все обязанности, налагаемые на нас органами законодательства и управления коммуны наравне с прочими гражданами и настоящее обязательство гарантируем своей честью гражданина.

²¹ НА РК. Ф. Р-689 Оп. 14. Д. 1/1. Л. 489.

Всякое возмездие со стороны органов советской власти за нарушение данного нами торжественного обязательства мы будем считать законной репрессией.

Возвращающиеся из Финляндии беженцы: граждане КТК Петрозаводского уезда Мяндусельской волости села Покровское.

23 июня 1921 г. Торжественное обязательство будем исполнять. *Далее следуют подписи: Тимофей Михеев Артемьев, Наталья Ивановна Артемьева*²².

Литература

Iimarinen. Metsäsissipäällikön muistelmat. I: Karjalan metsäsissit nousevat. Porvoo: WSOY, 1927; II: Taistelut Karjalan vapauttamiseksi. Porvoo: WSOY, 1931.

Nygård T. Itä-Karjalasta Suomeen 1917–1922 tulleet pakolaiset // GENOS 67 (1996). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.genealogia.fi/genos-old/67/672.htm>

Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии: Сборник документов и материалов / под ред. В. И. Машезерского, Н. Ф. Славина. Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1957.

В борьбе за власть Советов: Воспоминания участников борьбы за установление Советской власти в Карелии. Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1957.

В боях за Советскую Карелию: Очерки и воспоминания. Л., 1932.

Гардин Е. С. Славная страница в летописи побед Советской Армии: Ликвидация белофинской авантюры 1921-1922 гг. в Карелии // На рубеже. 1952. № 2. С. 68-77.

Гусев К. В. К истории карельского мятежа (по материалам комиссии по реабилитации при Президенте РФ) // Отечественная история. 1996. № 6. С. 71-84.

Гюллинг Э.[А]. Десять лет Карельской Автономии // Десять лет Советской Карелии. Петрозаводск: ЦИК АК ССР, 1930. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=9310&cType=1>

Дубровская Е. Ю. Карелия и Финляндия: Гражданская война, интервенция и военная повседневность в исторической памяти населения приграничья // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2009. Вып. 3. С. 253–262.

Дубровская Е. Ю. Повседневность в чрезвычайных обстоятельствах: революция 1917 года, Гражданская война и иностранная интервенция в общей памяти жителей Карелии // Труды Кольского научного центра РАН. Серия «Гуманитарные исследования». Вып. 6. Апатиты: КНЦ РАН, 2014.

Жербин А. С. Белофинская интервенция 1918–1922 гг. в Карелию в финляндской буржуазной исторической литературе // Труды Карельского филиала АН СССР. 1960. Вып. XXIV.

²² НА РК. Ф. Р-689. Оп. 14. Д. 1/1. Л. 406–406 об.

Как мы били белофиннов: Сборник воспоминаний, материалов и документов о разгроме белофинских банд в 1918–1922 гг. Л.: Лениздат, 1939.

Килин Ю. М. Карелия в политике советского государства. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999.

Килин Ю. М. Карельский вопрос во взаимоотношениях Советского государства и Финляндии в 1918–1922 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012.

Осипов А. Ю. Вяйнемейнен и Илмаринен против Красной армии // *LiteraruS* = Литературное слово. 2007. № 3. С. 16–19.

Осипов А. Ю. Карельская Освободительная Армия: между Финляндией и советской Россией // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск, 2008. С. 45–52.

Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918–1922 гг.: Сборник документов / сост. А. М. Федотов; под ред. П. Г. Софинова. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1944.

Репухова О. Ю. Возвращение карельских беженцев // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности: материалы VI международной научной конференции, посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Петрозаводск, 1–3 июня 2015 г.). Петрозаводск, 2016.

Седякин А. И. Ликвидация белофинской авантюры в Карелии // *Красный страж*. 1937. № 2. С. 4–9.

Хесин С.С. Разгром белофинской авантюры в 1921–1922 гг.: Военно-политический очерк. М., 1949.

Об авторах:

Чернякова Ирина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, руководитель Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии, Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета; доцент российской истории Института географических и исторических исследований Университета Восточной Финляндии (кампус Йозенсуу).

Воронина Полина Сергеевна – магистрант II курса кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета. Научный руководитель – И.А. Чернякова, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений ПетрГУ.

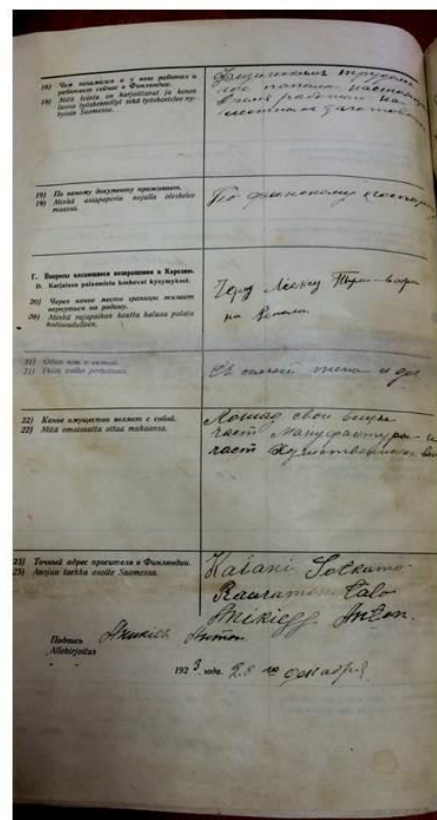
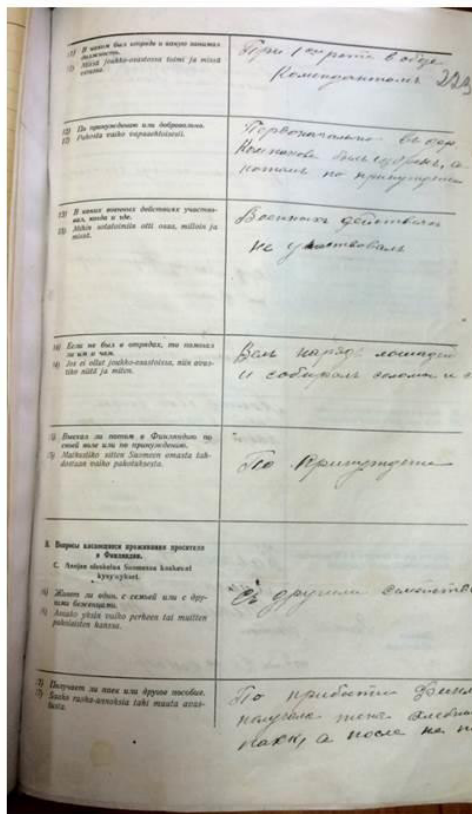
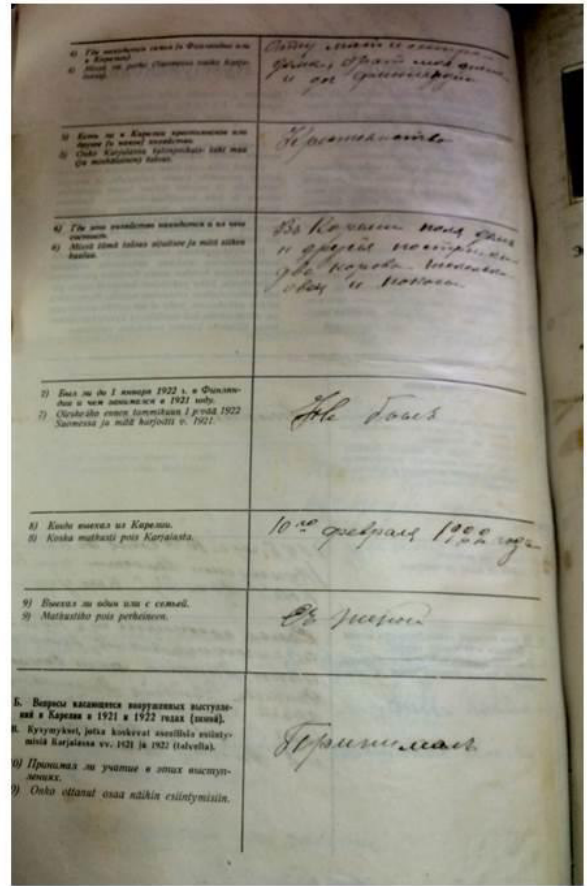

Рис. 1, 2. Анкета карбеженца Антона Филипповича Аникиева (НА РК. Ф. Р-659. Оп. 14. Д. 1/1. Л. 220-220 об, 223-223 об.)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Концепция свараджа М.К. Ганди

А. Е. Сурсина

В статье анализируется концепция свараджа М.К. Ганди, под которым понимается самоуправление в широком смысле. Делается акцент на понимание свараджа не только как политического требования, но и этических представлений. Этический аспект рассматривается как имеющий первостепенное значение. Целью свараджа, по Ганди, являлось преобразование нравственных основ общества. Главным принципом социальной трансформации должно было стать ненасилие. Политическая свобода Индии была условием достижения свараджа. Реформаторские стремления Ганди определили его активное участие в политической жизни страны.

Ключевые слова: *сварадж, самоуправление, независимость, ненасилие, община, традиция, справедливость, М.К. Ганди, Индия.*

«Сварадж» в переводе с хинди означает «самоуправление». Историки единодушно утверждают, что концепции свараджа отводилось существенное место в идеологии индийского мыслителя и общественного деятеля первой половины XX в. М.К. Ганди. Однако вопрос о его понимании сущности свараджа является дискуссионным. Д. Датта считает, что сварадж для Ганди был связан, в первую очередь, с нравственным совершенствованием общества, обретением духовной свободы¹. Ряд других исследователей, в частности Е.М.Ш. Намбудирипад² и О.В. Мартышин³, полагают, что сварадж сводился, прежде всего, к конкретному политическому требованию самоуправления, а его моральный характер проявлялся в средствах достижения цели. В связи с этим проблема соотношения этического и политического в концепции свараджа Ганди представляется актуальной для изучения.

Отношение индийского мыслителя к Британской империи претерпело явную эволюцию. В 1890-е – первой половине 1900-х гг. М.К. Ганди был настроен лояльно. В автобиографии он вспоминал, что на официальных мероприятиях всегда исполнял национальный гимн Великобритании, а также учил своих детей его петь⁴. В расовых предрассудках, господствовавших в Южной Африке, он видел не норму, а исключение из правил. Ганди указывал, что в то

¹ Датта Д. Философия Махатмы Ганди. М., 1959.

² Намбудирипад Е.М.Ш. Махатма Ганди и гандизм. М., 1960.

³ Мартышин О.В. Политические взгляды М.К. Ганди. М., 1970.

⁴ Ганди М.К. Моя жизнь // Ганди М.К. Моя жизнь. М., 1969. С. 171.

время, не смотря на некоторые недостатки британского управления, он в целом считал его «приемлемым и даже благотельным»⁵. В 1907 г. Ганди на личном опыте столкнулся с несправедливостью, став жертвой политической уловки государственных властей в Лондоне. Последние, учитывая право Трансвааля самостоятельно утверждать законы, дали Ганди пустое обещание не санкционировать Черный закон. После этого в работе «Хинд сварадж», написанной в 1908 г., индийский мыслитель подверг британскую систему управления жесткой критике. Ганди уже не стеснялся в выражениях, оценивая английские институты государственной власти. Так, он сравнивал английский парламент с «бесплодной женщиной» и «проституткой», отмечая его неэффективность и безынициативность, подконтрольность министрам и возможность влиять на его решения со стороны⁶. Ганди признавал англичан своими правителями, однако подчеркивал, что они должны превратиться из господ в «слуг народа»⁷. Наконец, в 1942 г. Ганди выдвинул лозунг «Прочь из Индии!», в котором наиболее отчетливо выразилось требование национальной независимости и неготовность мириться с присутствием англичан в стране. Однако, как бы ни трансформировались воззрения Ганди на имперскую систему управления, его отношение к самим англичанам как нации было вполне однозначным. Он находил, что англичане добрые от природы люди⁸.

Пороки британской системы управления мыслитель считал порождением западной цивилизации, главной целью которой является физический комфорт и рост материального благосостояния. Символом западной цивилизации мыслитель считал машины. По его мнению, особая опасность таилась в механизации труда: распространение машин приводит к сокращению спроса на рабочую силу и снижению потребностей в товарах ручного производства, не выдерживающих конкуренцию с фабричными. Ганди называл машинное производство болезнью, которая приведет Запад к неминуемому саморазрушению⁹.

Похожие взгляды высказывал его современник О. Шпенглер в произведении «Закат Европы». Оба мыслителя считали признаками западной цивилизации отрицание религии, власть денег, стремление к материалистическому, бездуховному расширению, противопоставление крупных городов деревням (провинции). Однако для Шпенглера гибель цивилизации не была исключительной участью Западной Европы. Гибель любой цивилизации, выражавшаяся в затухании культуры, по мнению Шпенглера, была неизбежной¹⁰. С точки зрения Ганди, крах западной цивилизации объяснялся именно отсутствием духовности. Западный мир, по его мнению, не был цивилизацией в подлинном смысле слова. Истинной цивилизацией признавалась та, что основана на вере

⁵ Ганди М.К. Моя жизнь. С. 324.

⁶ Ганди М.К. Хинд сварадж // Ганди М.К. Моя жизнь. М., 1969. С. 439.

⁷ Там же. С. 452.

⁸ Ганди М.К. Хинд сварадж. С. 444.

⁹ Там же. С. 443.

¹⁰ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1993.

в бога, ненасилии и нравственном совершенствовании: «Индия в своей основе здорова»¹¹, т.е. подверглась пагубному влиянию Запада лишь в незначительной степени. Мыслитель полагал, что «якорем спасения»¹² для Индии является ее приверженность традициям. Инертность в развитии, которая для европейцев могла служить поводом для критики, у Ганди представлялась как стратегическое преимущество страны. Сохранение привычного уклада жизни позволяло избежать соблазнов, предотвращало потворство страстям. Ганди писал, что «каждый, кто любит Индию, должен прильнуть к древней индийской цивилизации, как дитя к материнской груди»¹³.

«Независимость, о которой я мечтаю, означает Рамараджья, т.е. царство божие на земле», – указывал Ганди¹⁴. Мыслитель отмечал, что «только свободная Индия может поклоняться истинному богу»¹⁵. Независимость для Ганди была сложным, многогранным понятием. Она включала нечто большее, чем национальный суверенитет. «Независимость означает независимость народа Индии, а не тех, кто им правит», – полагал Ганди¹⁶. Независимость народа подразумевала ликвидацию тирании как британского, так и индийского управления (власти индийских князей).

Социальным идеалом Ганди была сарводайя (всеобщее благоденствие). При сарводайе общество должно было представлять собой большую семью. Идея о семейной модели организации социума не нова. Ее можно встретить в конфуцианстве. Ганди был склонен к идеализации сельской патриархальной жизни. Он полагал, что в основе сарводайи должны лежать деревенские общины, принципом существования которых являлась бы экономическая автаркия. Принцип самообеспечения автоматически означал отсутствие необходимости в торговле. Каждый член общества должен был заниматься физическим трудом в меру своих сил. Наилучший вид труда – обработка земли.

Подобные мысли были изложены в программе тайпинов. Тайпины также признавали главным земледельческий труд и стремились к ликвидации товарно-денежных отношений. В программном документе есть упоминание о принципе совместного труда, однако в Тайпин Тяньго существовали и наделы, которые обрабатывались силами отдельной семьи¹⁷. В идеальной общине Ганди работа должна была вестись на кооперативных началах. Кажется, что в этом экономическом равенстве отражено буддистское представление о равных возможностях каждого достичь просветления. Вышеуказанные принципы

¹¹ Ганди М.К. Хинд сварадж. С. 446.

¹² Там же.

¹³ Ганди М.К. Хинд сварадж. С. 448.

¹⁴ Ганди М.К. Независимость // Ганди М.К. Моя жизнь. М., 1969. С. 547.

¹⁵ Tendulkar D.G. Mahatma, vol. 7, p. 427. Цит по: Литман А.Д. Современная индийская философия. М., 1985. С. 184.

¹⁶ Ганди М.К. Независимость // Ганди М.К. Моя жизнь. М., 1969. С. 548.

¹⁷ Земельная система небесной династии // Хрестоматия по новой истории. М., 1965. Т. 2. С. 608–616.

Ганди пытался воплотить в жизнь ещё в Южной Африке, организовав колонию в Фениксе.

Наиболее подходящим для реализации сарвадайи политическим устройством он считал федерацию самоуправляющихся деревенских общин. Ганди был сторонником децентрализации, отмечая, что в этом случае «в центре будет индивид»¹⁸. Органом управления общины должен был стать панчаят. Панчаят – совет из пяти членов, выбранных на один год, обладающий всей полнотой власти и юрисдикцией. Ганди всегда подчеркивал, что правители должны быть «слугами народа, готовыми исполнить его волю»¹⁹. Главным принципом жизни общин являлся бы принцип ненасилия. В идеале в общинах не должно быть армии и полиции. Наличие органов принуждения несовместимо с принципом ненасилия²⁰.

Ганди считал достижение сараджа возможным при соблюдении некоторых обязательных условий. Главным из них было использование ненасильственных методов борьбы. Мыслитель не разделял точки зрения, что цель оправдывает средства. Неслучайно, что акции насилия, совершаемые населением в отношении правительства, например, инцидент в Чаури-Чаура, были причиной прекращения кампании гражданского неповиновения в 1922 г.²¹

Красной линией через всю философию Ганди проходит идея свадеши. Свадеши в широком смысле – «тот дух в нас, который заставляет нас ограничить себя использованием своего ближайшего окружения и отказаться от более отдаленного»²². Свадеши подразумевало приверженность религии предков, общение, в том числе и на официальных мероприятиях, на национальном языке, хинди, а не на английском, обучение детей на основе индийской системы образования. Однако главным в свадеши являлся экономический аспект. Он сводился к бойкоту иностранных товаров, в первую очередь тканей. В связи с этим спасение Индии Ганди видел в распространении ручного прядения, благодаря которому представлялось возможным обеспечить работой население, а значит избавить его от нищеты, и предотвратить выкачивание ресурсов из страны. «В каждом доме должна быть прялка [чаркха]» – писал мыслитель²³. Ганди призывал население носить одежду, изготовленную из домашнего полотна – кхади. Важно подчеркнуть, что его призыву последовали многие члены Конгресса. Для достижения сараджа Ганди считал необходимым установление индо-мусульманского единства. Он, будучи проницательным политиком, понимал, что на межобщинных разногласиях играло британское правительство, действовавшее по принципу «разделяй и властвуй». Странаниями Ганди в 1916 г. в Лакнау было достигнуто соглашение между ИНК и

¹⁸ Ганди М.К. Независимость. С. 548.

¹⁹ Там же. С. 548.

²⁰ Там же.

²¹ Намбудирипад Е.М.Ш. Махатма Ганди и гандизм. С. 48.

²² Ганди М.К. Речь о свадеши на конференции миссионеров в Мадрасе // Ганди М.К. Моя жизнь. М., 1969. С. 465.

²³ Ганди М.К. Условия сараджа. С. 491.

Мусульманской лигой (Лакнауский пакт). Ганди в 1920–1921 гг. выступал в поддержку халифатского движения. Мыслитель болезненно реагировал на проявления индо-мусульманской резни, особенно остро он переживал междоусобицы, происходившие накануне и после обретения Индией независимости.

Наконец, принципиально важным условием установления свараджа была ликвидация неприкасаемости. Наличие этого социального института препятствовало консолидации сил в борьбе за сварадж. Неприкасаемость – это «губительный яд, разъедающий индусское общество изнутри»²⁴.

Таким образом, целью свараджа являлось преобразование нравственных основ общества. Главным принципом социальной трансформации должно было стать ненасилие. Политическая свобода Индии была условием достижения свараджа. Реформаторские стремления Ганди определили его активное участие в политической жизни страны. В концепции свараджа Ганди первоочередное значение имел этический аспект.

Литература

Ганди М.К. Моя жизнь // Ганди М.К. Моя жизнь. М.: Наука, 1969. С. 35–431.

Ганди М.К. Независимость // Ганди М.К. Моя жизнь. М.: Наука, 1969. С. 547.

Ганди М.К. Речь о свадеши на конференции миссионеров в Мадрасе // Ганди М.К. Моя жизнь. М.: Наука, 1969. С. 465–471.

Ганди М.К. Условия свараджа // Ганди М.К. Моя жизнь. М.: Наука, 1969. С. 490–492.

Ганди М.К. Хинд сварадж // Ганди М.К. Моя жизнь. М.: Наука, 1969. С. 435–456.

Датта Д. Философия Махатмы Ганди. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.

Земельная система небесной династии // Хрестоматия по новой истории. М.: Мысль, 1965. Т. 2. С. 608–616.

Литман А.Д. Современная индийская философия. М., 1985.

Мартышин О.В. Политические взгляды М.К. Ганди. М.: Наука, 1970.

Намбудурипад Е.М.Ш. Махатма Ганди и гандизм. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1993.

Об авторе:

Сурсина Алина Евгеньевна – студентка IV курса направления «История», исторический факультет Тверского государственного университета. Научный руководитель – О.Н. Хохлова, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ТвГУ.

²⁴ *Ганди М.К.* Условия свараджа. С. 491.

Ценностные установки индо-буддийского общества XIX в. в творческом наследии И.П. Минаева

А.А. Павлов

Статья посвящена изучению ценностных установок индо-буддийского общества Индии, Непала, Цейлона, Бирмы XIX в. в трудах И.П. Минаева – российского востоковеда, первым из российских ученых совершившего поле-вое научное изучение населения Индостана. И.П. Минаев выявил значительное влияние природно-географических условий на формирование самосозна-ния автохтонного населения, обнаружил ярко выраженную архаичность соци-ального строя Индии. И.П. Минаеву по существу стал родоначальником но-вого направления в рамках российской индологии конца XIX в.

Ключевые слова: мировоззрение, буддизм, индуизм, ценности, обще-ство, российское востоковедение, И.П. Минаев, Индостан, Новое время.

В XIX в. активно развивалось российское востоковедение. Индологи де-лали успехи в изучении культуры, истории, религии Южно-азиатского реги-она. Однако наибольшее внимание уделялось периоду древности. Тем важнее обратиться к творческому наследию востоковеда И.П. Минаева, который пер-вым в России отправился на Индостан с научными целями. Он собрал значи-тельный корпус сведений о современном состоянии Цейлона, Непала, Бирмы. В данной статье проведен анализ мировосприятия и ценностных установок населения индо-буддийского региона во второй половине XIX в. на основе ра-бот И.П. Минаева.

Историография по заявленной проблеме своеобразна. Среди опублико-ванных материалов отсутствуют специальные работы, посвященные изучению индо-буддийской цивилизации XIX в. в трудах И.П. Минаева. В.В. Бартольд¹, А.А. Вигасин² рассматривали востоковеда, только как буддолога и индолога, занимавшегося древними рукописями, фольклором и религией ранних этапов истории Индии. Б.Я. Волчок³ обратил внимание на этнографические сюжеты в работах И.П. Минаева, которые были впоследствии применены для изучения региона.

Современность индо-буддийского региона практически не изучалась в XIX в. Однако И.П. Минаев считал, что «изучение Индии старой, не должно заслонять научную и практическую важность жизненных явлений в современ-ной Индии»⁴. Однако в условиях международной напряженности, сложив-шейся к 1880-м гг. в Центральной Азии, Индия могла стать местом решения

¹ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и в России. СПб., 1911.

² Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008.

³ Волчок Б.Я. И.П. Минаев как этнограф Индии // Иван Павлович Минаев. Русские востоко-веды и путешественники. М. 1967. С. 89–93.

⁴ Минаев И.П. Об изучении Индии в русских университетах. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/m/minaew_i_p/text_1884_ob_izuchenii_indii.shtml (дата обращения 24.01.2016)

англо-русских противоречий. Таким образом, инициатива обеих командировок Минаева в 1880 г. и 1885–1886 гг. исходила от военного ведомства⁵.

Для выявления ценностных установок Индии, Непала, Цейлона, Бирмы (современная Мьянма) И.П. Минаев изучал сущность отношений между властью и обществом, индивидуумом и обществом; обращался к проблеме влияния природно-географического фактора на мировосприятие населения; соотношения традиций и инноваций.

Минаев И.П. обратил внимание на то, что Индия с природно-географической точки зрения представляет собой обособленный регион. Вслед за английским исследователем Альфредом Лейлом, он указывал: «Отделенная от остального азиатского континента широким поясом высоких, часто непреодолимых гор, Гималаев, Индия, вследствие географических своих условий, не может быть отнесена ни к странам Западной Азии, и ни к Восточной»⁶. И.П. Минаев отмечал, что по этноконфессиональным параметрам одни районы Индии близки к странам Западной, другие – к странам Восточной Азии. Используемые в настоящее время классификации⁷ подтверждают данный вывод И.П. Минаева.

Влияние природно-географических условий на ценностные установки коренных жителей региона хорошо заметно в северных, северо-западных районах Индии (Кумаон, Гархвал) и в Непале. По мнению И.П. Минаева, оно находило выражение в почитании горы⁸. И.П. Минаеву удалось зафиксировать проявления феномена островного мышления, не исследованного в XIX в. Проанализировав специфику вопросов, интересовавших жителей Индостана, И.П. Минаев пришел к выводу, что для объяснения им географического положения его родины необходимо было изобразить все географические объекты в виде островов и одному из островов дать наименование России. Вероятно, на формирование такого рода представления помимо природно-географических условий, оказало влияние то, что английская колониальная администрация находилась также на острове.

В ходе изучения социального устройства Индии XIX в., И.П. Минаев пришел к убеждению, что в индо-буддийском регионе сохранились все стадии развития «азиатского политического бытия и роста»⁹, и проявилось это в сосуществовании архаических социальных групп, политических институтов наряду с новыми, привнесенными европейцами. По словам востоковеда, индо-буддийская цивилизация представляет «образец древнего исторического

⁵ Вигасин А.А. И.П. Минаев и русская политика на Востоке в 80-е годы XIX в. // Восток. 1993. № 3. С. 108.

⁶ Минаев И.П. Родовой быт в современной Индии // ЖМНП. 1883. Март. С. 165.

⁷ Максаковский В.П. Географическая картина мира. Кн. II: Региональная характеристика мира. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=127766> (дата обращения 17.04.2016).

⁸ Минаев И.П. Индийские сказки и легенды собранные в Камаоне в 1875 г. И.П. Минаевым // Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. 1877. Ч. 2. С. XI.

⁹ Минаев И. П. Родовой быт в современной Индии. С. 165–166.

мира»¹⁰. Интересно заметить, что представители немецкой школы индологии считали, что традиционность и архаичность индийского общества сохранилась к этому времени в малой степени, и доминировали европейские культурные ценности. С этим не согласовывались описанные И.П. Минаевым формы кастовой организации, отношения между кастами и характер религиозных групп.

В работах российского ученого содержатся материалы о самоидентификации коренных жителей. В XIX в., как и сейчас, жителей Индии называли индусами. Этот термин распространился только после установления на полуострове английского владычества. И.П. Минаев установил, что местные жители называли себя «хинду», вкладывая в него смысл, аналогичный понятиям «православный», «католик»¹¹. Т.е. коренной житель определял себя как человека, исповедующего индуизм, а не как человека, проживающего на территории Индийского государства.

Помимо отождествления себя с религиозной группой, И.П. Минаев замечает вторую черту самоидентификации индийцев – соотнесение себя с кастой. И.П. Минаев пришел к выводу о том, что в Индии, Непале и Цейлоне существовали два первичных института: «кровное и духовное братство, иными словами братство, происходящее от одного общего предка, и братство, для членов которого общий культ и одно и то же религиозное учение безусловно все в жизни»¹².

И.П. Минаев отметил раздробленность Индии: «Индия страна, где политическое гражданство совершенно не известно, территориальное господство и даже феодализм только зарождаются к концу XIX в.»¹³. По его мнению, здесь отсутствовали государственные административные единицы, а выделение регионов по этноконфессиональному принципу не прослеживалось явно. С последним утверждением исследователя можно поспорить, так как в Индии к второй половине XIX в. достаточно четко очерчивались районы расселения индуистского населения, буддистов и мусульман.

Все население распадается на роды различных названий, на кланы, подкланы, на касты и подкасты, различные религиозные братства, и в этом факте, по мнению И.П. Минаева «выражаются те представления и идеи, которые соединяют или разобщают местное население и эти идеи не подчинены главенствующему представлению об отношениях человека к отчизне, к нации, к государству». У индийского населения ученый не обнаруживает идеи гражданственности. Он говорит о том, что «большинство индейцев выросло, не усвоив себе иного, более общего понятия, чем каста. Индеец заучивал свои религиозные обязанности, ему с детства внушали обязанности в отношениях лиц, принадлежащих к одной с ним касте... в священных книгах, к которым обращается при обучении каждый туземец, нет информации об обязанностях

¹⁰ Минаев И.П. Родовой быт в современной Индии. С. 165.

¹¹ Минаев И.П. В Бихаре // ЖМНП. 1876. Ноябрь. С. 9–11.

¹² Минаев И. П. Родовой быт в современной Индии. С. 166.

¹³ Минаев И.П. В Бихаре. С. 21–22.

гражданина в отношении своего отечества»¹⁴. Эти суждения не являются бесспорными. Представление о единоначалии, государственной власти, отчетливо вырисовываются в ценностных установках коренных жителей индо-буддийского региона. В частности С.Ф. Ольденбург в работе об индийской культуре отмечал, что в основе сознания индийцев лежат представления о единой сильной власти¹⁵. Более того это представление закреплено в литературных памятниках как древности так и средневековья.

И.П. Минаев отметил, что в эпоху колониализма представления о власти, характерные для Древней Индии, претерпели изменение – в них соединились понятия «власть» и господство европейцев. В своих дневниках ученый писал: «При обсуждении политических вопросов чаще всего приходилось замечать или сильное раздражение против верховной власти, или недоверие к ней. Я не видел ни одного туземца, который не относился бы враждебно к министерству Биконсфильда (40-й и 42-й премьер-министр Англии – А. П.). Все индийцы, с которыми мне приходилось говорить, прошедшие через английские школы ... осуждали действия ныне павшего министерства»¹⁶. Это преувеличение можно объяснить тем, что автор, сочувствовавший угнетенному индийскому населению, в большей степени фиксировал сведения о неприятии английского присутствия в Индии. Исследователь отмечал, что «устройство индийской жизни в XIX в. осталось неизменным, таким же, каким оно было и в веке XVIII». Образование, завезенное англичанами по сведениям востоковеда «не раскачало ни одного из вековых индийских предрассудков: касты, политеизм также сильны, как и прежде, до английского владычества; европейское образование привилось к отдельным лицам в меньшинстве и не коснулось масс, не проникло в индийскую жизнь»¹⁷. Действительно в 70–80-е гг. XIX в. в городах достаточно широко распространилось образование на английском языке, зарождалась индийская буржуазия и интеллигенция, а сельское население по-прежнему училось у брахманов по древним литературным памятникам. Можно согласиться с И.П. Минаевым, в том, что в массе своей, Индия оставалась все еще архаичной. Уместны и слова С.Ф. Ольденбурга, согласно которым «основные черты народного характера и основы его культуры уже сложились настолько прочно, дали уже нечто настолько самостоятельное и своеобразное, что иноземные влияния на Индию сказывались на внешностях, не проникая в глубину народной души»¹⁸.

Итогом работ И.П. Минаева над проблемами ментальности, ценностных установок общества индо-буддийского региона стал ряд статей, опубликованных в Журнале министерства народного просвещения. В немногих статьях и

¹⁴ Минаев И.П. В Бихаре. С. 21-22.

¹⁵ Ольденбург С.Ф. Культура Индии. М., 1991.

¹⁶ Минаев И.П. Дневники путешествий в Индию и Бирму (1880 г., 1885–1886 гг.). М., 1955. С. 61.

¹⁷ Минаев И.П. В Бихаре. С. 28.

¹⁸ Ольденбург С.Ф. Основы индийской культуры.

дневниковых записях ученым был поднят значительный блок исследовательских вопросов. И.П. Минаев выявил значительное влияние природно-географических условий на формирование самосознания автохтонного населения, обнаружил ярко выраженную архаичность социального строя Индии. И.П. Минаеву по существу стал родоначальником нового направления в рамках российской индологии конца XIX в., хотя в то время это не было официально признано.

Литература

Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и в России. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1911.

Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы). М.: МГУ, ИСАА, 2008.

Волчок Б.Я. И.П. Минаев как этнограф Индии // Иван Павлович Минаев. Русские востоковеды и путешественники. М.: АН СССР, 1967. С. 86–94.

Гольдберг Н.М. Об исторических воззрениях И.П. Минаева // Иван Павлович Минаев. Русские востоковеды и путешественники. М.: АН СССР, 1967. С. 39–55.

Котовский Г.Г. И.П. Минаев – выдающийся русский индолог // Иван Павлович Минаев. Русские востоковеды и путешественники. М.: АН СССР, 1967. С. 5–28.

Куликова А. М. Российское востоковедение XIX в. в лицах. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.

Куликова А. М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. М.: Наука, 1982.

Максаковский В.П. Географическая картина мира. Кн. II: Региональная характеристика мира. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ereading.club/book.php?book=127766> (дата обращения 17.04.2016).

Минаев И.П. В Бихаре. (Из путешествия по Индии) // ЖМНП, 1876, ноябрь. С. 1–29.

Минаев И.П. Непал и его история // ЖМНП, 1878, январь. С. 61–85.

Минаев И.П. Новые факты относительно связей Древней Индии с Западом // ЖМНП. 1870. Август. С. 225–239.

Минаев И.П. Родовой быт в современной Индии // ЖМНП. 1883. Март. С. 164–180.

Минаев И.П. Дневники путешествий в Индию и Бирму (1880 г., 1885–1886 гг.) М.: АН СССР, 1955.

Ольденбург С.Ф. Культура Индии. М., 1991.

Об авторе:

Павлов Андрей Александрович – студент I курса магистратуры направления «История», исторический факультет Тверского государственного университета. Научный руководитель – О.Н. Хохлова, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ТвГУ.

Гендерные различия в репрезентации этнокультурной идентичности в произведениях художественной литературы Тропической Африки

К. А. Петров

В статье анализируются различия в отражении фундаментальных ценностных ориентаций, таких как нормы нравственности, стандарты оценки поведения, стереотипы маскулинности и феминности, в мужских и женских художественных текстах народов Тропической Африки в постколониальный период. Автор обращает внимание на то, как авторы-мужчины и авторы-женщины описывают социально-гендерные роли и стереотипы поведения, систему брачно-семейных отношений.

Ключевые слова: *гендер, этнокультурная идентичность, художественная литература, постколониализм, Тропическая Африка.*

Одной из базисных составляющих этничности и этнокультурной идентичности являются фундаментальные ценностные ориентации, в число которых входят религиозные представления, нормы морали, стандарты оценки поведения. В рамках последних можно выделить отдельную категорию характерных для этнических групп моделей поведения, обуславливающих существование стереотипов маскулинности и феминности, то есть регламентирующих образ жизни, занятия, формы взаимоотношений мужчин и женщин. Будучи одним из элементов фундамента этнического самосознания, гендерные различия непосредственно влияют на специфику репрезентации этнокультурной идентичности в различных её формах. Поэтому интересным представляется изучение влияния гендерного фактора на репрезентацию этнокультурной идентичности в литературе, особенно в художественных произведениях писателей постколониальной Тропической Африки.

Значимость гендерного фактора в репрезентации этнокультурной идентичности африканских народов через литературные произведения обусловлена также тем, что вместе с оформлением к середине XX в. самих традиций литературы женщины в Тропической Африке становятся более заметными и более независимыми. Для большей части субсахарских обществ характерна была проблема социальной, политической и экономической депривированности женского населения. Жизнь женщины была строго регламентирована и ритуализирована, а сама она выступала обычно в роли дочери, жены, матери¹.

¹ См.: *Albert E. M. Women of Burundi: A Study of Social Values // Women of Tropical Africa. L., 1963. P. 182–201; Cheater A. P. The Role and Position of Women in Pre-Colonial and Colonial Zimbabwe // Zambezia. 1986. Vol. 13, № 2. P. 67–76; Dupire M. The Position of Women in a Pastoral Society (The Fulani WoDaaBe, Nomads of the Niger) // Women of Tropical Africa. L., 1963. P. 52–87; Gessain M. Coniagui Women (Guinea) // Women of Tropical Africa. L., 1963. P. 24–47; Laurentin A. Nzakara Women (Central African Republic) // Women of Tropical Africa. L., 1963. P. 140–178.*

Нередко именно женщина являлась ключевым звеном в поддержании родовых и социальных связей², однако при этом она не имела возможности говорить от своего имени. Лишь духовная (культурная и религиозная) сфера оставалась более-менее открытой для самореализации³, поэтому с обретением независимости африканских государств, женщины в них стали говорить именно через культуру, в частности литературу.

Женскую субсахарскую литературу отличает, в первую очередь, индивидуализированность сюжета. Авторы не стремятся к тому, чтобы показать положение всего африканского народа или социально-политические условия жизни этноса. В фабуле акцентируется внимание на конкретных людях, семьях, небольших поселениях. Персонажи женской прозы и поэзии (почти всегда тоже женщины) сталкиваются с бытовыми и острыми социальными проблемами. Именно в женской литературе часто можно увидеть особенные детали, отличающие повседневность народов.

Одним из центральных сюжетов женской африканской литературы являются особенности брачно-семейных отношений в обществах Тропической Африки. О жизни сенегальских женщин пишет в повести «Такое длинное письмо» Мариама Ба. Как и следует из названия, произведение построено в форме письменного обращения героини по имени Раматулай. В тексте автор отражает существующие в местном обществе проблемы: культ материальных благ, дискриминационное отношение к женщинам, многоженство. В связи с последним, Мариама Ба от лица героини передает её настроение и эмоции, которые она испытывает, когда через тридцать лет брака узнает о второй жене, которая заняла всё внимание мужа⁴. Бампа П. пишет о существующих проблемах заключения брака у современной работающей маврикийской девушки. Акцентируется внимание на том, что традиционные нормы выбора жены нарушаются из-за изменения статуса невесты⁵. В рассказе Б. Макхализы «Похитительница» транслируется тенденция к трансформации классической зимбабвийской семьи и внутрисемейных отношений. В частности, допускается возможность бездетного брака либо усыновление чужих детей без общественного порицания⁶.

Стоит отметить, что в женской литературе явно прослеживается осуждение традиционных фундаментальных ценностей в области регулирования брачных отношений, в то время как в мужской наблюдается двойное отношение, но с преобладанием положительных оценок. Так, Ф. А. Эг-Имуххеде пи-

² *Gessain M.* Op. cit. P. 18–23; *Lebeuf A. M. D.* The Role of Women in a Political Organization of African Societies // *Women of Tropical Africa*. L., 1963. P. 101–117.

³ *Laurentin A.* Op. cit. P. 168–178.

⁴ *Ба М.* Такое длинное письмо // *Африка. Литературный альманах*. М., 1981. Вып. 2. С. 21–92.

⁵ *Бампа П.* Ак-600 // *Африка. Литературный альманах*. М., 1984. Вып. 5. С. 26–28.

⁶ *Макхализа Б.* Похитительница // *Африка. Литературный альманах*. М., 1988. Вып. 9. С. 339–350.

шет о недопустимости отмены многоженства, поскольку оно является составной частью менталитета их народа⁷. Н. ва Тхионго и Н. ва Мирии в пьесе «Я женюсь, когда захочу» повествуют о девушке, которая сама решила выбрать себе избранника, тем самым доведя семью до нищеты⁸. Лучшая женщина – это «послушная жена, чтящая бога, мужа и семью»⁹. Автор также осуждает и мужчин, которые не в состоянии сдерживать обычаи, регламентирующие отношения мужчин и женщин. В рассказе «Свидание в темноте» Н. ва Тхионго описывает душевные муки главного героя – сына священника, который «согрешил до свадьбы», после чего его возлюбленная забеременела. Герой пытался придумать оправдание, чтобы не жениться на ней, а в конце рассказа его действия привели к смерти девушки¹⁰.

Разная оценка в женских и мужских произведениях дается смешанным бракам и внеобщинным бракам. В мужской литературе преобладает негативное отношение к данному явлению и поддерживается стремление к брачным отношениям внутри африканского сообщества. Так, в романе О. Бели-Кенума «Африканская история» демонстрируется осуждение обществом как «белых», так и африканцев смешанного брака европейца и местной женщины¹¹. Авторы-женщины более терпимо относятся к смешанным бракам и метисации населения. В частности, в произведении ганской поэтессы Э. Т. Сазерленд «Так случилось» также описывается любовь европейского мужчины и ганской женщины, но при этом автор подчеркивает, что несмотря на общественное осуждение, данные отношения являются вполне нормальными и приемлемыми¹². Также ганская писательница К. А. А. Айдоо в пьесе «Дилемма призрака» осуждает семью героя за то, что она ругает выбор его жены-американки. Несмотря на то, что избранница была афроамериканкой, то есть имела африканские корни, она уже считалась чужой среди местных жителей¹³.

При этом обратная ситуация характерна для системы отношений «родители – дети». В женских произведениях негативизируется свободомыслие и стремление к ранней независимости молодого поколения. В частности, эту проблему поднимает в своих произведениях К. А. А. Айдоо. В рассказе «Всякая работа есть работа...» автор осуждает решение юной дочери покинуть

⁷ Эг-Имукхеде Ф. А. Одна женщина для одного мужчины // Поэзия Африки. М., 1973. С. 429.

⁸ Thiongo N. wa, Mirii N. wa. I Will Marry When I Want. L., 128 p.

⁹ Тхионго Н. ва. Венчание на кресте // Пшеничное зерно. Рассказы. Из книги «Возвращение домой». М., 1977. С. 238.

¹⁰ Тхионго Н. ва. Свидание в темноте // Пшеничное зерно. Рассказы. Из книги «Возвращение домой». М., 1977. С. 280–293.

¹¹ Бели-Кенум О. Африканская история // Избранные произведения писателей Тропической Африки. М., 1979. С. 483.

¹² Сазерленд Э. Т. Так случилось // Поэзия Африки. М., 1973. С. 143–146.

¹³ Айдоо К. А. А. Дилемма призрака // Африка. Литературный альманах. М., 1988. Вып. 9. С. 574–576.

школу и сбежать из семьи в город, после чего она занялась проституцией¹⁴. В пьесе «Дилемма призрака» поднимается вопрос отказа детей от заветов предков и наставлений родителей и других старших родственников. Автор, несмотря на то, что не осуждает отказ от деторождения, указывает на то, что нежелание следовать пути своих прародителей влечет гнев духов¹⁵. Авторы-мужчины, наоборот, поддерживают стремление юношей к независимости. В ряде прозаических произведений рассказывается о детях и молодых людях, которых родственники отправляют в город или в другую страну, либо они сами уходят из дома, чтобы учиться или строить собственную жизнь. В рассказе «Мальчик и река» Ч. Ачебе мать отправляет маленького сына в город к дальней родне¹⁶. Также в город был в детстве отправлен герой новеллы «Женитьба Эдды» Ф. Бебея¹⁷. В романе «Осколки» А. К. Армы все родственники провожают героя на самолет в Великобританию¹⁸. В романе К. Ноаги юный герой отправился из дома в Верхней Вольте (Буркина-Фасо) на территорию Берега Слоновой Кости для заработков¹⁹. При этом, однако, независимость детей не должна подразумевать отказ от традиционных ценностей этнической группы. Как и в женских произведениях, в мужской литературе также табуируется стремление к изменению фундаментальных основ жизненного устройства. О. Нзекву в рассказе «Мать» через образ героини – матери – осуждает ослабевание родовых связей, постепенное отчуждение детей и уход их семьи. Негативизация ранней эмпансипации детей в этом случае вызвана тем, что сын героини стремился к служению в христианской церкви, тем самым отказываясь от необходимости продолжения рода²⁰. Также и «Женитьбе Эдды» позитивно воспринимается факт отдельного проживания героя с юного возраста, но осуждается нарушение им запрета на многоженство²¹.

Весьма интересным является тот факт, что фигура роженицы, сам процесс родов и образ матери с новорожденным характерны как для женских, так и для мужских произведений. Особенно для последних, что связано, как отмечает Ж. Оканза, со стремлением каждого африканца к большому потомству и достижению высокого уровня фертильности женщин²². Значительное внимание уделяется теме родов, различных мероприятий, предшествующих зача-

¹⁴ Айдоо К. А. А. Всякая работа есть работа // Современная африканская новелла. М., 1972. С. 58–64.

¹⁵ Айдоо К. А. А. Дилемма призрака.

¹⁶ Ачебе Ч. Мальчик и река // Современная африканская новелла. М., 1972. С. 177.

¹⁷ Бебей Ф. Женитьба Эдды // Избранные произведения писателей Тропической Африки. М., 1979. С. 473.

¹⁸ Арма А. К. Осколки // Избранные произведения писателей Тропической Африки. М., 1979. С. 9–16.

¹⁹ Ноага К. Возвращение в деревню // Африка. Литературный альманах. М., 1988. Вып. 9. С. 447.

²⁰ Нзекву О. Мать // Современная африканская новелла. М., 1972. С. 202–207.

²¹ Бебей Ф. Женитьба Эдды. С. 482.

²² Оканза Ж. Африканская действительность в африканской литературе. М., 1983. С. 15.

тию, процессу деторождения и послеродовых обрядовых практик в африканской прозе. В произведениях описывается то, в каких условиях происходят роды, кто находится рядом (родственники, соседки, почтенные женщины общины), какие обряды совершаются (немедленное празднование после родов, нагревание листьев банана, танцы, угощение всех помощников пальмовым вином, орехами кола и табаком, вступление в мир на восьмой день, обряд «Выхода в мир»), как отдыхает роженица, как скоро она возвращается к работе (через день, восемь дней, три месяца), как о ней заботятся после родов (период «овуаге», «осушение» роженицы, особая пища, обмывание тела горячей водой, «ипонга», «нгуа», процесс отнятия от груди)²³. Например, в романе «Осколки» А. К. Армы автор рассказывает о том, как выглядят роды с сакральной точки зрения: когда рождается ребенок, то из Великой Обители (мир духов) уходит дух предков и вселяется в новорожденного. При этом само рождение является согласием духа на вхождение в мир. Таким образом, духи предков и живые составляет нераздельное целое²⁴. В этом же романе автор повествует и о послеродовом обычае под названием «Выход в мир», в рамках которого празднуется укрепление духа в ребенке, почитаются предки и родители²⁵.

В отражении такой черты фундаментальных ценностных ориентаций как нормы оценки поведения, в частности стереотипов маскулинности и фемининности мужская и женская литература различается незначительно. Женщине предписывалось почтительное отношение к семье, мужу, богам и духам предков²⁶, высокая фертильность²⁷ (несмотря на то, что бесплодие или бездетность уже не считалось таким пороком, как прежде). Любая взрослая женщина должна была знать и уметь исполнять различные общинные ритуалы и обряды²⁸, уметь готовить традиционную еду и вести хозяйство²⁹, а также работать в поле³⁰.

²³ *Оканза Ж.* Африканская действительность в африканской литературе. С. 17–20.

²⁴ *Арма А. К.* Осколки. С. 91.

²⁵ *Там же.* С. 163–172.

²⁶ *Айдоо К. А. А.* Дилемма призрака. С. 605–607; *Джарида Б. М.* Песнь в честь жены // Поэзия Африки. М., 1979. Т. 1. С. 161–164; *Нагдан Б.* Оковы // Африка. Литературный альманах. М., 1984. Вып. 5. С. 15–20; *Николь А.* Законная жена // Африка. Литературный альманах. М., 1981. Вып. 2. С. 242–251; *Окара Г.* Голос // Избранные произведения писателей Тропической Африки. М., 1979. С. 309–372; *Тхионго Н. ва.* Венчание на кресте. С. 238; *Farah N.* From a Crooked Rib. L., 1970; *His.* Sweet and Sour Milk. L., 1979.

²⁷ *Айдоо К. А. А.* Дилемма призрака. С. 599–600; *Макхализа Б.* Похитительница. С. 341–344; *Эг-Имукхеде Ф. А.* Одна женщина для одного мужчины.

²⁸ *Айдоо К. А. А.* Дилемма призрака; *Арма А. К.* Осколки; *Диоп Б.* Миропомазание // Поэзия Африки. М., 1979. Т. 1. С. 463–464.

²⁹ *Айдоо К. А. А.* Дилемма призрака. С. 588–589; *Джарида Б. М.* Песнь в честь жены; *Кравейринья Ж.* Матушка Сакина // Поэзия Африки. М., 1979. Т. 1. С. 351; *Оканза Ж.* Африканская действительность в африканской литературе. С. 17–20; *Ранаиво Ф.* Советы новобрачным // Поэзия Африки. М., 1979. Т. 1. С. 325; *Эг-Имукхеде Ф. А.* Одна женщина для одного мужчины.

³⁰ *Гаше М.* Селенье // Поэзия Африки. М., 1979. Т. 1. С. 259.

В брачно-семейных отношениях мужчины также должны были уважать семью, жену, богов, предков, родовые обычаи³¹, при этом уважать необходимо было как собственную семью, так и родственников жены³². Главным мужским качеством являлось умение обеспечить жену и родителей, а также помогать остальным родственникам (непосредственно своим, родне жены, а также всем дальним представителям рода)³³. Также мужчина должен был обязательно продолжить свой род³⁴.

С появлением в Тропической Африке женской литературы во второй половине XX в. возникает переосмысление еще одного блока фундаментальных норм оценки поведения – участия женщин в общественной жизни. Как отмечает Н. Ю. Ильина, в романах африканских писательниц одно из центральных мест занимает общественная деятельность и достижение экономической самостоятельности, что отвечает актуальным тенденциям в субсахарских обществах³⁵.

Сенегальская писательница Амината Соу Фалль в повести «Забастовка нищих» описывает конфликт бюрократии и городских низов. Последние поднимаются на борьбу за свои права, в чем им оказывает помощь героиня повести – Салла Нианг³⁶. Автор демонстрирует образ новой африканской женщины, которая способна самостоятельно добиваться справедливости для себя и окружающих людей. Г. Огот, П. Бампа, Б. Нагдан показывают, что женщины теперь заняты не только домашним и сельским хозяйством. Их героини работают на заводах, предприятиях, фирмах. При этом они являются квалифицированными и ценными работниками³⁷. В романах сенегальского писателя Нуруддина Фары, как пишет А. В. Мильто, одно из центральных мест в сюжете занимают не только женщины с традиционными взглядами и занятиями, но и «эмансипированные африканки»³⁸.

Таким образом, гендерные различия в репрезентации этнокультурной идентичности выражаются в отражении фундаментальных ценностных ориентаций. В женских и мужских произведениях различается точка зрения, в первую очередь, на особенности отношений между мужем и женой, а также на специфику поведения детей внутри семьи и рода. В субсахарских литературах

³¹ Арма А. К. Осколки; Айдоо К. А. А. Дилемма призрака; Ба М. Такое длинное письмо; Бейбей Ф. Женитьба Эдды; Николь А. Законная жена; Огот Г. А. Элизабет // Современная африканская новелла. М., 1972. С. 111–118; Окара Г. Голос; Макхализа Б. Похитительница.

³² Николь А. Законная жена.

³³ Арма А. К. Осколки; Мунгоши Ч. Письмо сыну // Африка. Литературный альманах. М., 1984. Вып. 5. С. 235–236; Ранаиво Ф. Советы новобрачным. С. 325.

³⁴ Айдоо К. А. А. Дилемма призрака; Нзекву О. Мать.

³⁵ Ильина Н. Ю. Женские портреты в произведениях англоязычных писателей Тропической Африки // Африка. Гендерное измерение. М., 2010. С. 334.

³⁶ Фалль А. С. Забастовка нищих // Африка. Литературный альманах. М., 1981. Вып. 2. С. 93–166.

³⁷ Бампа П. Ак-600; Нагдан Б. Оковы; Огот Г. А. Элизабет.

³⁸ Мильто А. В. Женщины и Нуруддин Фара (опыт гендерных исследований) // Африка. Гендерное измерение. М., 2010. С. 324.

нет особых отличий в оценке стереотипов фемининности и маскулинности. Как писатели, так и писательницы отмечают вполне схожий набор базовых ценностей: для женщины – уважение семьи и мужа, религиозность, фертильность, умение вести хозяйство и работать; для мужчины – уважение семьи и жены, религиозность, высокий достаток и забота о родственниках, стремление к продолжению рода. Отличительной особенностью женской литературы является новый взгляд на стандарт оценки женского поведения за пределами бытовой сферы. Субсахарские писательницы создают образ новой африканки, которая способна самостоятельно обеспечивать себя и семью, а также участвовать в общественной жизни своего народа. В некоторых мужских текстах также начинает прослеживаться тема «эмансипированной женщины», хотя в основной массе писатели Тропической Африки придерживаются традиционного образа поведения дочери, жены, матери.

Литература

Albert E. M. Women of Burundi: A Study of Social Values // Women of Tropical Africa / Ed. Paulme D. L.: Routledge & Kegan Paul, 1963. P. 179–216.

Cheater A. P. The Role and Position of Women in Pre-Colonial and Colonial Zimbabwe // Zambezia. 1986. Vol. 13, № 2. P. 65–80.

Dupire M. The Position of Women in a Pastoral Society (The Fulani WoDaaBe, Nomads of the Niger) // Women of Tropical Africa / Ed. Paulme D. L.: Routledge & Kegan Paul, 1963. P. 47–92.

Gessain M. Coniagui Women (Guinea) // Women of Tropical Africa / Ed. Paulme D. L.: Routledge & Kegan Paul, 1963. P. 17–46.

Laurentin A. Nzakara Women (Central African Republic) // Women of Tropical Africa / Ed. Paulme D. L.: Routledge & Kegan Paul, 1963. P. 121–178.

Lebeuf A. M. D. The Role of Women in a Political Organization of African Societies // Women of Tropical Africa / Ed. Paulme D. L.: Routledge & Kegan Paul, 1963. P. 93–120.

Ильина Н. Ю. Женские портреты в произведениях англоязычных писателей Тропической Африки // Африка. Гендерное измерение / сост. и отв. ред. Н. Л. Крылова, Н. А. Ксенофонтова. М.: Институт Африки РАН, 2010. С. 331–357.

Мильто А. В. Женщины и Нуруддин Фара (опыт гендерных исследований) // Африка. Гендерное измерение / сост. и отв. ред. Н. Л. Крылова, Н. А. Ксенофонтова. М.: Институт Африки РАН, 2010. С. 322–330.

Оканза Ж. Африканская действительность в африканской литературе. М.: Радуга, 1983.

Об авторе:

Петров Константин Алексеевич – аспирант Тверского государственного университета. Научный руководитель – А.В. Белова, доктор исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории ТвГУ.

«Римский миф» как идейная основа взаимоотношений с «варварами»

А. А. Шишкин

В статье рассматривается комплекс представлений о Риме, его месте в истории и предназначении, получивший в историографии название «римский миф». Определяется значение «римского мифа» во взаимоотношениях Рима с варварами. Рассматриваются Подчеркивается представление римлян о целостности и универсальности своей культуры, что является основой для ее восприятия варварскими народами. В этой связи все народы, включенные в орбиту влияния Рима, могли считаться потенциальными римлянами.

Ключевые слова: Рим, «римский миф», культура, варварство, цивилизация, власть, завоевание.

Общественно-исторические мифы характерны для всех эпох и могут быть обнаружены практически в каждой культуре. Они выстраивают некую идеологическую основу, на котором основывается поведение носителя этого мифа в той или иной ситуации, его представления о себе как части целого и собственном месте в мире. Можно согласиться с Г. С. Кнабе, что именно в античности роль подобных мифов была наиболее велика и пронизывала все сферы жизни¹.

Это касается и Древней Греции и, в особенности, Древнего Рима. Комплекс представлений о Риме, его месте в истории и предназначении получил в историографии название «римский миф». Его суть в сжатом изложении – уверенность во всемирной, цивилизаторской миссии Рима, призванного повелевать покоренными народами ради их же блага. Уже из такой формулировки видно, что основным компонентом этих представлений является взаимодействие Рима и «варваров». Поэтому, без понимания того, что же из себя представлял «римский миф», как и на каких основаниях он формировался и насколько был важен, невозможно понять общую линию взаимодействия Рима и «варваров». Отсюда вытекает цель данной работы – определить значение «римского мифа» для выстраивания взаимоотношений с «варварами».

В историографии нет единого мнения по поводу времени возникновения «римского мифа». Его элементы находят уже в ранней истории. На данный момент, наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой начало формирования представлений о римской исключительности стоит относить к III-II вв. до н.э., т.е. к периоду крупномасштабных завоеваний и становления Рима как мировой державы.

По мнению Е. М. Штаерман, цепь военных побед Рима, требующих от народа постоянного напряжения сил, делала необходимым создание некоего идеологического оформления и даже отчасти оправдания². Его давал миф о Риме как городе, wybranым богами властителем мира и о римском народе,

¹ Кнабе Г. С. Рим Тита Ливия – образ, миф и история // Тит Ливий. История Рима от основания Города. М., 2002. Т. 3. С. 701.

² См.: Штаерман Е.М. Кризис античной культуры. М., 1975. С. 44-45.

наделенном исключительными добродетелями. Эти добродетели и сами обожествлялись. Так, в V в. до н. э. был построен храм Верности. Другими добродетелями были Мужество, Согласие, Справедливость и Свобода³. Их воплощениями были герои древней истории Рима – цари и деятели ранней республики, достоверных сведений о которых не было уже у самих римлян. Это основатель республики и первый консул Юний Брут, осудивший на смерть своих сыновей; Муций Сцевола, сжегший на костре руку в доказательство стойкости римских юношей; Цинциннат, прославленный полководец, после одержанной над врагами блестящей победы вновь вернувшийся к своему плугу; Курций, бросившийся в открывшуюся на форуме пропасть, чтобы, согласно предсказанию оракула, отвлечь от Рима гнев богов и другие⁴.

Окончательное же оформление «римский миф» получил к I в. до н.э., что можно проследить по трудам деятелей того времени: Цицерона, Цезаря, Саллюстия. Так, по мнению Цицерона, римляне созданы для господства, и им само «благоразумие велит умножать свое достояние, увеличивать свои богатства, расширять границы» (Цицерон. О государстве. III, 25), подавляя другие народы «так, как наилучшая часть души, т. е. мудрость, подавляет порочные и слабые части той же души» (III, 37). И даже более того, «Превращение римлян в чьих бы то ни было слуг есть нарушение закона мироздания, ибо по воле богов они созданы, чтобы повелевать всеми другими народами»⁵. Институциональное же оформление, как государственная идеология он обрел при Августе.

Наиболее яркими выразителями этой идеологии стали поэт Вергилий в «Энеиде» и историк Тит Ливий в «Истории Рима от основания города».

В течение многовекового превращения Рима в мировую державу идеологическое обоснование постоянных завоеваний эволюционирует. В начальный период своей истории римляне не видели необходимости ни в каких оправданиях своей внешней политики, естественным объяснением служит право сильного. Постепенно, выходя на общеиталийскую, а затем и средиземноморскую арену всё отчетливее начинает вырисовываться представления о законном праве римского народа на подчинение окрестных народов, и тем самым обеспечение собственной безопасности.

А уже к концу республики, в трудах Тита Ливия мы опять видим отказ от оправданий, через весь труд историка красной нитью проходит мысль о естественности такого порядка, при котором римский народ, как происходящий от Марса, всё шире распространяет свое владычество, а покоренные народы подчиняются римской власти. А у Вергилия в «Энеиде» об этом говорится как об исторической миссии римского народа:

«Твой же, Римлянин, долг – полновластно народами править:

В этом искусства твои; предписывать мира законы,

Всех покоренных щадить и силой смирять непокорных»

³ Штаерман Е.М. Кризис античной культуры. С. 48.

⁴ Там же. С. 45.

⁵ Цит. по: Кнабе Г. С. Историческое пространство Древнего Рима // Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993. С. 256.

(Вергилий. Энеида VI, 848-854).

Таким образом, на заре империи римляне, или, по крайней мере, римская интеллектуальная элита осознают себя в качестве культурного и административного центра мира, и даже шире, обустроивающее и упорядочивающее начало ойкумены. И естественным следствием такой миродержавной роли являются представления о том, что все окружающие Рим территории являются лишёнными мира, закона, а также верности своему слову и заключённым договорам. И чем большая цивилизаторская роль придаётся Риму, тем больше хаоса видится на территориях, еще не попавших под его контроль. И такая ситуация дает римлянам прямое моральное право на расширение своего влияния.

Говоря об общественно-исторических мифах невозможно избежать вопроса об их соотношении с реальной практикой. И здесь, на первый взгляд, «римский миф» с его верой в справедливость и благородство как каждого римлянина, так и государственного строя в целом, приходят в конфликт с объективными фактами: захватническими войнами, многочисленными примерами жестокости и бесчестного поведения римлян. Однако, в данном случае вряд ли возможно говорить о каком-то лицемерии римлян. В их представлениях войны носили превентивный, законный и оборонительный характер.

Другое видимое противоречие в римском мире – это относительность римского «шовинизма» (термин Г. С. Кнабе). С одной стороны, римляне даже к высокоразвитым и культурным грекам относились с нескрываемым презрением. А в случае с «варварами» порой вообще ставился вопрос, считать ли их полноценными людьми. С другой же стороны, римская культура возможно является наиболее космополитичной и открытой к изменениям из культур древности. Римляне постоянно заимствовали что-то у других народов, органично включая это в свою собственную культуру. И невозможно объяснить это только лишь присущим римлянам прагматизмом.

Это противоречие может быть смягчено при рассмотрении взаимосвязи «римского мифа» с другим понятием – «римским миром». Если воображаемая граница самого города, померий, оставалась относительно неизменной, то граница римской культуры и вообще римской этничности постоянно расширялась. В представлениях римлян освоенное ими пространство не было статичным, а мыслилось как постоянно расширяющееся, на основании как завоевания, так и сакрального права.

Глобальной исторической целью Рима было вместить в эти границы все народы ойкумены, сделать римлянами всех. Если греки считали, что «варвары» могут только подчиняться и никогда не смогут стать эллинами, то римляне считали свою культуру настолько целостной и универсальной, что даже «варвары» смогут в итоге её воспринять. Поэтому, все народы, включенные в орбиту своего влияния они считали потенциальными римлянами⁶. Как справедливо отметил Г. С. Кнабе, по мнению римлян, «варварство – не врожденное свойство пе-

⁶ Кнабе Г. С. Историческое пространство Древнего Рима. С. 265–266.

риферийных народов ойкумены, так же как строй жизни, основанный на гражданской общине, отнюдь не присущ римлянам исключительно и монополюно»⁷. Кроме того, противоречие между римским «шовинизмом», представлениями об исключительности и превосходстве Рима над остальным миром и открытостью для инородных влияний сглаживается тем, что расстояние между цивилизацией в лице Рима и варварством не представляло собой непреодолимую пропасть. Между ними лежал обширный спектр переходных состояний, и границы между этими состояниями были подвижны⁸.

Как видно из вышесказанного, «римский миф» выстраивает на первый взгляд противоречивую линию взаимоотношений с «варварами», в которой уживаются «шовинизм» и открытость, высокие идеалы и предельный прагматизм. Однако при детальном рассмотрении видна строгая внутренняя логика, соответствующая римским представлениям о себе, своем месте в мире и предназначении в истории.

Литература

Кнабе Г. С. Историческое пространство Древнего Рима // Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993.

Кнабе Г. С. Рим Тита Ливия – образ, миф и история // Тит Ливий. История Рима от основания Города. М., 2002. Т. 3.

Штаерман Е.М. Кризис античной культуры. М., 1975.

Об авторе:

Шишкин Александр Александрович – магистрант II курса направления «История», исторический факультет Тверского государственного университета. Научный руководитель – А.В. Белова, доктор исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории ТвГУ.

⁷ *Кнабе Г. С.* Историческое пространство Древнего Рима. С. 269.

⁸ *Там же.* С. 268.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ

Проблемы сохранения культуры в теоретическом наследии Д. С. Лихачёва

А.С. Леонова

В статье анализируются направления в области сохранения культурно-исторического наследия и исторической памяти в трудах и общественной деятельности академика Д.С. Лихачева. Рассматриваются научные и популярные работы ученого, посвященные сохранению архитектурных и природных памятников, проблемам реставрации и сохранения целостности архитектурного облика исторических городов России. Подчеркивается значимость памятников истории, как документов эпохи, без которых, по мысли Д.С. Лихачева, невозможно воспитание гражданина. Рассматриваются концепции целостности культуры, понятие «экология культуры», введенные Д.С. Лихачевым в научный и общественный дискурс.

Ключевые слова: Д.С. Лихачев, культурно-историческое наследие, охрана памятников, реставрация, архитектура, популяризация, историческая память.

Анализ наследия Дмитрия Сергеевича Лихачёва имеет целью полного осмысления значимости работ академика для современной России. Весь перечень его научных работ изучался и анализировался на протяжении многих лет как отечественными учёными, так и зарубежными. Литературоведческие работы давно уже стали классическими.

Широкому кругу людей академик Д. С. Лихачёв известен, прежде всего, деятельностью по охране монументальных памятников и памятников архитектуры.

Д. С. Лихачёв старался донести до широкого круга людей и государственных органов, что сохранение памятников культуры и культуры в целом – это основная задача. Первостепенность задачи основывается на его концепции рассматривать историю, как историю развития культуры. Эпицентр его интересов в первой половине научной биографии – это древнерусская культура, древнерусская письменность. В 1980-е гг. он создал некую концепцию, в основе которой были проблемы гуманизации жизни людей, а также пересмотр идеалов в процессе воспитания и всей системы образования как определяющие общественное развитие в современном мире. Д. С. Лихачёв выступал последовательным противником всякого рода культурной исключительности и культурной изоляции, он продолжал придерживаться традиций славянофильства и западни-

чества, восходящую к Ф. М. Достоевскому и Н. А. Бердяеву, поборникам культурного единства человечества при безусловном сохранении всех национальных своеобразий.

Размышляя о России, Дмитрий Сергеевич Лихачёв подчёркивает, что родовыми европейскими признаками её культуры являются: личностное начало, открытость и восприимчивость к другим культурам, свобода творческого самовыражения. Вместе с тем, многонациональность и соборность, а также устремленность в будущее и неудовлетворенность настоящим – отличительные особенности русской культуры, которые определяют её особое место в мировом сообществе.

Следует выделить идеи, они же и проблемы, существующие в обществе, которые поставил перед собой учёный по отношению к роли и месту культурного наследия.

Первая из них – это введение термина «экология культуры». Учёный впервые распространяет это понятие, говоря о сохранении целостности культурной среды. Проблема «культурной экологии», затронутая Д. С. Лихачёвым, чрезвычайно злободневна, поскольку связана с духовным кризисом современного человека, когда бездуховные отношения ко всему живому и неживому становятся нормой.

Концепцию культурной экологии учёный изложил в статье «Экология культуры»¹. В своём труде автор анализирует современную ситуацию, в которой тратятся огромные деньги на поддержание чистоты, на сохранение природы, без которых не возможно здоровое существование человечества. Однако, современники не должны забывать и о духовных ценностях.

Термин «экология культуры» по Д. С. Лихачёву – это всё то, что создано трудом народа: архитектура, произведения искусства, язык. Если разрушить это культурное наследие, то человечество вымрет и физически, и духовно.

Второй проблемой, затронутой учёным, предстают сами памятники. По его мнению, это одно из важных средств патриотического воспитания. «Если человек ровно дышит к памятникам истории своей страны, значит он равнодушен к своей стране»². Первой публикацией Д. С. Лихачёва по сохранению памятников является статья «Архитектурный облик Ленинграда»³, где академик, как истинный петербуржец и знаток архитектурного развития Ленинграда-Петербурга, ставит задачу перед архитекторами и строителями при послевоенном восстановлении города быть достойными продолжателями гениальных архитекторов Растрелли, Баженова, Кваренги, Росси и сохранить классический облик города. Основная мысль учёного Дмитрия Сергеевича: духовная жизнь человечества погибнет, если погибнет культура и ее ценности, воплощенные в памятниках.

¹ Лихачёв Д. С. Экология культуры // Памятники Отечества. М., 1980. № 2. С. 10–16.

² Лихачёв Д. С. Письмо сорок первое. Память культуры // Письма о добром и прекрасном. М., 1985. С. 53.

³ Лихачёв Д. С. Архитектурный облик Ленинграда // Пропаганда и агитация. 1945. № 18. С. 54–61.

В 1961 г. в журнале «История СССР»⁴ Д. С. Лихачёв в отклике на издание советского археолога Н. Н. Воронина, которая называлась «Любите и сохраняйте памятники древнерусского искусства»⁵, впервые выделил не только периоды подъема (первые послереволюционные годы, вплоть до кон. 1920-х; период послевоенной реконструкции), но и спада движения по охране памятников (в конце 1920-х – начале 1930-х гг.) и в современный период (рубеж 1950-х – 1960-х гг.). Выводы Д. С. Лихачёва нашли отклик и развитие темы другими учёными, которые уточнили хронологические рамки периодов, дали им оценку.

В 1963 г. в статье «Бережь памятники прошлого»⁶ академик призывает создать «Общество содействия изучению и охране памятников культуры», которое уже существует в Грузии. Здесь же он поднимает вопрос о порядке перепланировки памятных мест, на примере Сенной площади Ленинграда, а также призывает взять под охрану дома, связанные с жизнью писателей как в Ленинграде, так и в Москве. В этой статье он ищет и предлагает меры воздействия для сохранения памятников, советует придать им юридический статус, на местные органы власти возложить ответственность за их сохранение.

Еще одно место заботило и восторгало Д. С. Лихачёва, способствовало появлению многих его публикаций и в 1940-1960 гг. и последующие периоды – это Новгород. В 1968 г. на научно-методической конференции в Новгороде (29-31 мая) «Тысячелетние корни русской культуры» учёный Дмитрий Сергеевич прочитал доклад «Мировое значение культуры Новгорода»⁷, который определяет значимость его исторического и культурного наследия.

В творческой биографии академика 1970-е гг. отмечены как годы, посвященные сбору литературных памятников. Дмитрий Сергеевич Лихачёв задумал библиотеку «Памятники литературы Древней Руси». Он продолжил то, что было задумано еще в XIX в. Им планировалось собрать и издать более 200 произведений в 12 томах.

Во вступительной статье к первому тому издания «Памятники литературы Древней Руси» Д. С. Лихачёв пишет, что исторические предания были тем «четвертым измерением» в рамках которого Русь становится обозримой. Летописи, жития святых играли ту же роль свидетелей исторического времени.

Одновременно с этой работой с 1974 г. академик Д. С. Лихачёв – председатель редколлегии ежегодника «Памятники культуры. Новые открытия»⁸. В ежегоднике публиковались новые, впервые вводимые в научный оборот памятники или новые материалы, позволяющие переатрибутировать и передатировать памятники уже известные. Д. С. Лихачёв писал, что сады и парки, особенно

⁴ Лихачёв Д. С. Памятники культуры – всенародное достояние // История СССР. 1961. № 3. С. 3–12.

⁵ Воронин Н. Н. Любите и сохраняйте памятники древнерусского искусства. М., 1960.

⁶ Лихачёв Д. С. Бережь памятники прошлого: [По поводу статьи Солоухина «Бережь прошлое – думать о будущем» в журн. «Нева». 1962. №11] // Нева. 1963. № 3. С. 195–196.

⁷ Лихачёв Д. С. Бережь памятники. С. 205.

⁸ Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: ежегод. 1997; редкол.: Д. С. Лихачёв (пред.) [и др.]; сост. Т. Б. Князевская. М., 1998.

сады и парки пригородов Ленинграда и Москвы, пушкинских мест вокруг Пушкинских гор, романтический парк Монрепо в Выборге, Воронцовский парк в Алушке играют важнейшую роль как некое продолжение, дополнение, живой комментарий к русской поэзии XVII – нач. XX вв. и с этими словами нельзя не согласиться.

Еще одна работа – «Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей»⁹: в ней Д. С. Лихачёв снова говорит о значении парка Монрепо как бесспорно связанного с поэзией.

Эта работа сблизила Д. С. Лихачёва с общественностью Выборга, и они вместе выступили с идеями создания музея-заповедника на территории Монрепо. С этой же идеей выходит его статья в газете Советская культура в 1984 г. «Это нужно нам и потомкам»¹⁰. И только в 1988 г. парк становится заповедником. В 1989 г. академик принимает участие в совещании по топонимике городов и предлагает, вместе с группой участников, дополнить утвержденный правительством в 1982 г. список видов памятников по истории и культуре: внести исторические географические названия мест.

Третьей проблемой в обществе, относительно культурного наследия, выступают памятники культуры. Памятники культуры предстают средствами определения и осознания каждым поколением и каждым человеком своего места в истории. Это, своего рода «эстафета» передаваемая из прошлого в будущее. Одновременно памятники – важный фактор психологической адаптации человека к меняющемуся миру, фактор сохранения психологического равновесия, устойчивости. В то же время, памятники – знаки места, например, Москва – это Кремль, Покровский собор, Петербург – Зимний дворец и Медный всадник и другие.

Относительно осознания человеком преемственности поколений, важной задачей для учёного было соединение двух составляющих в человеческом сознании – это духовное и нравственное воспитание.

В статье «Культура – как целостная среда»¹¹, напечатанной в «Новом мире», академик Дмитрий Сергеевич выражает сожаление, что многие люди не понимают, что значит целостность культуры, поэтому проблемы культуры решаются в «изоляции друг от друга». Одной из причин этого Д. С. Лихачёв называет отсутствие в стране концепции культуры и культурного развития.

Четвёртой проблемой является значимость памятников, как документов эпохи, поистине неисчерпаемые источники наших знаний о прошлом, неисчерпаемые потому, что каждая эпоха усвершенствует методику их изучения. Говоря о сохранении памятников, как недвижимых, так и движимых, первейшим критерием при решении всех вопросов, связанных с судьбой памятника, его реставрацией или приспособлением должна быть подлинность, пусть даже фрагментарная.

⁹ Лихачёв Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М., 1998.

¹⁰ Лихачёв Д. С. Это нужно нам и потомкам! // Советская культура. 1984. С. 10–12.

¹¹ Лихачев Д.С. Культура как целостная среда // Новый мир. 1994. № 8. С. 3–8.

Пятая и шестая проблемы заключаются в реставрации и воссоздании погибших памятников. Вопросы реставрации памятников долго занимали внимание Дмитрия Сергеевича Лихачёва. Сознвая разность в подходах специалистов-реставраторов, он искал некую середину. Много позднее вышел сборник статей под его редакцией «Восстановление памятников культуры: Проблемы реставрации»¹².

Проблемы, существовавшие в 1960-х гг. на территории страны, тормозили реставрационную и охранную деятельность. В 1950-1960 гг. в отдельных республиках существовали добровольные общества по охране памятников. В 1965-1966 гг. академик становится членом оргкомитета общества, далее – Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Созвучие понятий «экология природы» и «экология культуры» не позволяет уйти от темы сохранения мемориальных парков и садов, которую пропагандировал Дмитрий Сергеевич Лихачёв. В 1981 г. появились его заметки «Заметки о реставрации мемориальных парков и садов»¹³ в издании «Восстановление памятников культуры: Проблемы реставрации», где в этом же году он стал редактором.

Седьмая идея касается деревянного зодчества. Памятники деревянного зодчества – наиболее самобытная, наиболее оригинальная часть нашего национального архитектурного наследия. По мнению учёного, что если говорить о вкладе России в мировую культуру, то это – литература, музыка и деревянное зодчество.

В восьмой учёным выделяются конкретные памятники, требующие защиты.

В 1982 г. Дмитрий Сергеевич Лихачёв дал интервью журналу Огонек «Память истории священна»¹⁴. Это интервью положило начало признанию академика Д. С. Лихачёва как авторитетного общественного деятеля, к чьему слову прислушиваются и власть имущие и интеллигенция и простые люди, весьма далекие от проблем сохранения памятников и заботы сохранения культурно-исторического наследия. Академик не только определил болевые точки, но и назвал конкретные объекты, требующие неустанного внимания: Захарово и Вяземы, связанные с Пушкиным, блоковское Шахматово, квартира Гоголя в Москве, где он умер, остров Валаам в Карелии, могила героев Куликовской битвы Пересвета и Осляби в Москве, Склеп Деметры в Керчи, усадьба Д. И. Менделеева в Подмосковье, Даниловский монастырь в Москве. Спасительные операции через несколько лет осуществлял сам Лихачёв, когда его избрали председателем Советского фонда культуры.

В интервью 1984 г. напечатанном в книге «Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет»¹⁵ под заголовком «Гомосфера – термин наших

¹² Лихачёв Д. С. Восстановление памятников культуры: Проблемы реставрации. М., 1981.

¹³ Лихачёв Д. С. Заметки о реставрации мемориальных парков и садов // Восстановление памятников культуры. М., 1981.

¹⁴ Лихачёв Д. С. Память истории священна // Огонёк. 1982. № 29. С. 18–20.

¹⁵ Лихачёв Д. С. Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет. Л., 1989.

дней»¹⁶ Д. С. Лихачёв говорит о самом досадном – «нарушении законов и принципов охраны и использования памятников культуры теми самыми людьми, которые приставлены к этому делу страной, народом»¹⁷. Об итогах выступления в Огоньке со статьей «Память истории священна»¹⁸ академик Дмитрий Сергеевич отметил то, что сдвинулось с места: реставрационные работы на острове Валаам, в усадьбе Менделеева; Пушкинские праздники в Захарове – они дают надежду, что эти места приведут в порядок.

Девятой проблемой является урон библиотекам, обеднение лексики. Лихачёв и библиотеки – совершенно особая тема. Дмитрий Сергеевич спас многие библиотеки от разорения и закрытия. В статье «Горькие мысли после пожара»¹⁹ он с горечью и негодованием перечисляет все утраты книжных фондов, сгоревших и залитых водой, отмечает непрофессионализм руководства, не сумевшего дать точных данных о потерях и ущербе (потери составили 400000 книг).

В десятой проблеме Д. С. Лихачёвым приводится мысль о том, что запас памятников ограничен. В 1988 г. выходит книга академика Дмитрия Сергеевича, обращенная к молодому поколению «Письма о добром и прекрасном»²⁰. Сообразно цели воспитания, увеличения знаний молодого поколения в одном из писем он объясняет разницу между экологией природы и экологией культуры. В письме «Еще о памятниках прошлого»²¹ вновь сожалея об утрате памятников, он ищет и предлагает пути сокращения их гибели. Один путь – повышение ответственности лиц, задействованных в охране памятников, вплоть до привлечения их к суду. Второй путь – призыв к молодежным организациям взять шефство над памятниками.

Одиннадцатая посвящена развалу системы охраны памятников. На протяжении всей своей жизни, Д. С. Лихачёв пытался не допустить развала в памятникоохранительной деятельности. Находясь на посту председателя Фонда культуры – это и инициированное им возвращение духовного наследия русской эмиграции. Для осуществления проекта «Возвращение» Д. С. Лихачёв сотрудничал с компанией Де Бирс, которая спонсировала этот проект несколько лет.

В 1986–1993 гг. Д.С. Лихачёв возглавлял Советский фонд культуры. Памятники культуры стали рассматриваться как единичный объект, которому присуща научная или общественная ценность. Появился новый термин «наследие». Необходимость перехода от привычного понятия к новому было зафиксировано в названии журнала фонда культуры «Наше наследие». В первом номере этого журнала помещена статья Д. С. Лихачёва «Память преодолевает время»: «В наше время интерес к истории и культурному наследию широк. Памятники

¹⁶ Лихачёв Д. С. Гомосфера – термин наших дней: [беседа] // Огонек. 1984. № 36. С. 17–19.

¹⁷ Лихачёв Д. С. Заметки и наблюдения. Л., 1989. С. 533.

¹⁸ Лихачёв Д. С. Память истории. 1982. №29. С. 18–20.

¹⁹ Лихачев Д.С. Горькие мысли после пожара // Личное мнение: сб. писат. публицистики. М., 1990. Вып. 2. С. 306–312.

²⁰ Лихачёв Д. С. Письма о добром и прекрасном. М., 1988.

²¹ Лихачёв Д. С. Письмо сорок третье. Еще о памятниках прошлого // Письма о добром и прекрасном. М., 1988.

культуры могут быть самыми разнообразными: это и народная песня и костюм, и творение зодчего, поэта, художника, плотника, камнереза, кузнеца. Показатель культуры – отношение к памятникам»²².

Последней, двенадцатой проблемой, по мнению, Д. С. Лихачёва является отсутствие закона об объектах культурного наследия. Даже деньги в дело сохранения культурного наследия государством не выделяются. До сих пор не урегулированы многие вопросы, связанные с приватизацией памятников федерального значения. До сих пор не разработаны подзаконные акты, хотя после принятия Закона об объектах культурного наследия прошло более четырех лет. Почти исчез контроль за содержанием и реставрацией памятников, за соблюдением режимов зон охраны.

Таков спектр интересов и забот академика, однако, в интервью Урмасу Отту (Таллин) в 1990 г. он весьма скромно оценивает свои заслуги как по гуманитарным направлениям, так и сфере защиты памятников, назвав только защиту Невского проспекта от реконструкции и парков и садов в Пушкине и Павловске. А в другом интервью, приведенном в книге «Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет»²³, на вопрос корреспондента как обстоят дела, после беседы в Огоньке «Память истории священна», по охране памятников он ответил: «проблем в деле сохранения и использования памятников много, их необходимо решать быстро, конструктивно и компетентно. Но мое твердое убеждение: пока охраной памятников истории и культуры будут заниматься различные организации, дублируя друг друга, реально, а не бумажно, в государственном масштабе дело не сдвинется»²⁴.

Книга «Раздумья о России» была последней книгой, выпущенной при жизни академика. Она была отдана в печать за несколько дней до его смерти. Эпоха 1920-1930 гг., война и блокада Ленинграда, отторжение идей сохранения памятников в 1960-е гг., период перестройки не сломили в Д.С. Лихачёве веру в культуру как смысл существования народа.

По словам академика, в современные ему период не было концепции культуры и её развития. В охранной деятельности концепции менялись, но не были теоретически проработаны и складывались с учётом политической и экономической обстановки. Поэтому наиболее значительной, со своей историей побед и поражений, является борьба академика за восстановление и сохранение ценностей культуры.

Литература

Воронин Н. Н. Любите и сохраняйте памятники древнерусского искусства. М., 1960.

²² *Лихачёв Д. С.* Память преодолевает время // Наше наследие. 1988. № 1. С. 1.

²³ *Лихачёв Д. С.* Заметки и наблюдения. Л., 1989. С. 533.

²⁴ *Лихачёв Д. С.* Краеведение как наука и как деятельность // Русская культура. М., 2000. С. 169.

Лихачёв Д. С. Беречь памятники прошлого: [По поводу статьи Солоухина «Беречь прошлое – думать о будущем» в журн. «Нева». 1962. №11] // Нева. 1963. № 3. С. 195–196.

Лихачёв Д. С. Восстановление памятников культуры: Проблемы реставрации. М., 1981.

Лихачёв Д. С. Гомосфера – термин наших дней: [беседа] // Огонек. 1984. № 36. С. 17–19.

Лихачёв Д. С. Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет. Л., 1989.

Лихачёв Д. С. Заметки о реставрации мемориальных парков и садов // Восстановление памятников культуры. М., 1981.

Лихачёв Д. С. Краеведение как наука и как деятельность // Русская культура. М., 2000.

Лихачёв Д. С. Памятники культуры – всенародное достояние // История СССР. 1961. № 3. С. 3–12.

Лихачёв Д. С. Память истории священна // Огонёк. 1982. №29. С. 18–20.

Лихачёв Д. С. Память преодолевает время // Наше наследие. 1988. № 1.

Лихачёв Д. С. Письма о добром и прекрасном. М., 1988.

Лихачёв Д. С. Письмо сорок третье. Еще о памятниках прошлого // Письма о добром и прекрасном. М., 1988.

Лихачёв Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М., 1998.

Лихачёв Д. С. Экология культуры // Памятники Отечества. М., 1980. № 2. С. 10–16.

Лихачёв Д. С. Это нужно нам и потомкам! // Советская культура. 1984. С. 10–12.

Лихачёв Д. С. Архитектурный облик Ленинграда // Пропаганда и агитация. 1945. № 18. С. 54–61.

Лихачёв Д. С. Письмо сорок первое. Память культуры // Письма о добром и прекрасном. М., 1985. С. 53.

Лихачев Д.С. Горькие мысли после пожара // Личное мнение: сб. писат. публицистики. М., 1990. Вып. 2. С. 306–312.

Лихачев Д.С. Культура как целостная среда // Новый мир. 1994. № 8. С. 3–8.

Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: ежегодник 1997; редкол.: Д. С. Лихачёв (пред.); Т. Б. Князевская (сост.). М., 1998.

Об авторе:

Леонова Анастасия Сергеевна – магистрант II курса направления «История», исторический факультет Тверского государственного университета. Научный руководитель – А.В. Сипейкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ТвГУ.

Музеефикация памятников истории и культуры в процессе развития туристического маршрута «Пушкинское кольцо Верхневолжья»

А. С. Морозова

В статье рассматриваются история создания и основные этапы развития туристического маршрута «Пушкинское кольцо Верхневолжья» в Калининской (Тверской) области в 1970-2016 гг. Дается характеристика памятникам культурно-исторического наследия, входящим в «кольцо», рассматривается их связь с жизнью и деятельностью поэта. Изучен процесс музеефикации архитектурно-исторических памятников Тверской области, связанных в А.С. Пушкиным, проблемы и итоги этого процесса, достигнутые к настоящему времени. Подчеркивается, что на современном этапе маршрут включает объекты, не только непосредственно относящиеся к жизни и творчеству поэта, но и не имеющие к нему прямого отношения, но связанные с кругом его друзей, или даже характеризующие эпоху XIX в. в целом.

Ключевые слова: *А.С. Пушкин, Верхневолжье, музеефикация, туризм, маршрут, экскурсия, культурно-историческое наследие, музей, памятник, усадьба.*

Тверская земля обладает бесценным богатством – памятными пушкинскими местами. Теперь эти заповедные места – Берново, Малинники, Павловское, Старица, Торжок – стали широко известны. Те места Тверского края, где бывал поэт, где он жил, с 1971 г. объединяет литературный и туристический маршрут «Пушкинское кольцо Верхневолжья». Своим рождением маршрут обязан сразу двум событиям, которые произошли в Тверской области в первой половине 1970-х гг. С небольшим промежутком в селе Берново и городе Торжок открылись два музея, посвящённые жизни Пушкина в Твери. Оба музея расположились в бывших дворянских усадьбах, где гостил поэт¹. На Пушкинских чтениях учителем Г.Я. Ходаковым была впервые составлена карта мест пребывания А.С. Пушкина в Тверском крае, расположенных кольцеобразно². Понятие «Пушкинское кольцо» было закрепило в публикации материалов Чтений в 1972 г.³

В развитии маршрута можно выделить три основных направления. Первое – это включение в его состав новых памятников, связанных с поэтом и кругом его родственников и знакомых. Второе – это музеефикация объектов культурного наследия, их ремонт и реставрация. Третьим направлением является разработка содержания экскурсионного сопровождения маршрута, популяризация истории пребывания А.С. Пушкина и его творчества на Тверской земле.

¹ Пьянов А.С. Берег милый для меня: пушкинские места Верхневолжья. М., 1974. С. 86.

² Петренко Е. По дороге с Пушкиным // Тверская жизнь. 2007. 5 сентября (№ 26253).

³ Пушкинские чтения на Верхневолжье: сб. 1. Калинин, 1972.

В истории развития маршрута «Пушкинское кольцо Верхневолжья» можно выделить три основных этапа.

Первый этап – 1972-1975 гг. На этом этапе в кольцо входили музеи в Торжке и Берново, а также деревня Малинники и усадьба Курово-Покровское. Малинники и Курово-Покровское объявлялись заповедником. Музей Пушкина в Торжке – дом Олениных, петербургских знакомых А. С. Пушкина – был открыт 3 июня 1972 г., в дни Всесоюзного праздника поэзии. Экспозиция посвящена путешествиям А.С. Пушкина по дороге Москва-Санкт-Петербург, его дорожным впечатлениям и их отражению в творчестве писателя. Центральная тема – пребывание поэта в Торжке и Тверской губернии. Большой раздел в экспозиции посвящён достопримечательностям Торжка и гостинице Пожарских⁴.

Здесь представлены материалы о поездках Пушкина по «государевой дороге», о быте ямщиков и станционных смотрителей. В музее воссоздан интерьер почтовой станции, гостиной дворянского дома XIX в. Собраны редкие материалы, касающиеся известных литераторов, с которыми Пушкин был дружен и встречался в Москве и Петербурге: Н.М. Карамзина, П.А. Плетнева, И.И. Лажечникова, И.А. Крылова, Ф.Н. Глинки. Среди экспонатов портреты тверских друзей и знакомых поэта: А.П. Керн, Д.Е. Пожарской, К.М. Полторацкого⁵.

Идея создания музея А.С. Пушкина в имении Вульфов в Берново появилась еще в первые годы советской эпохи. В 1918 г. был создан бланк квитанции сбора добровольных пожертвований «на создание народного музея Пушкина в селе Берново». Квитанция стала одним из самых интересных экспонатов Берновского государственного музея А.С. Пушкина, открытого в бывшем доме Вульфов⁶. Во время Великой Отечественной войны дом сильно пострадал. С 1951 по 1974 гг. в восстановленном здании размещалась школа. В 1974 г. доме Вульфов, каменном двухэтажном особняке с мезонином и колоннами по фасаду открыт музей А.С. Пушкина. Дом не разрушался и не перестраивался.

Это уникальный памятник русской усадебной культуры эпохи классицизма. Изящный, как и в пушкинское время, дом составляет гармоничный архитектурно-природный ансамбль с обширным парком, который по возрасту превосходит сам особняк. Регулярный парк имеет симметрично расположенные аллеи, круглый пруд в центре, живописные холмы «Парнас», «Зверинец»⁷. В 1970-х гг. парк оставался неухоженным.

Берново с 6 июня 1970 г. стало местом проведения ежегодных Пушкинских дней поэзии, которые привлекают множество учёных-филологов и неравнодушных к творчеству поэта людей.

Малинники – усадьба П.А. Осиповой-Вульф, владелицы псковского Тригорского, в которой трижды (в 1828-1833 гг.) подолгу гостил А.С. Пушкин. Место пребывания Пушкина здесь – усадебный дом – не сохранился (разобран в

⁴ Пушкинские места России: путеводитель. М., 1984. С. 134.

⁵ *Веригин Е.А.* Торжок Пушкинский. Историческое описание. Тверь, 1913. С. 87-92.

⁶ *Шулепова Э.А.* Памятники истории и культуры Калининской области. М., 1988. С. 42-44.

⁷ *Пьянов А.С.* Поездка в Берново. М., 1988. С. 8-10.

1920-х гг.). Застройка деревни относится к рубежу XIX-XX вв. Однако, Малинки – вероятно, более значимое место в ряду «тверских пушкинских адресов», в сравнении с Берново.

Сохранился сильно заросший и вырубленный парк. В нем в 1972 г. установлена стела, в память о пребывании здесь Пушкина. Тогда же была отреставрирована деревянная надкладная часовня.

Еще один исторический памятник – усадьба Курово-Покровское. Она располагается в 62 км к северо-западу от Старицы, недалеко от села Берново, на берегу р. Нашиги. Это бывшее имение А.И. Панафидиной. Сам дом представлял собой большое каменное двухэтажное здание с колоннами по фасаду и крыльцом. К дому примыкал небольшой сосновый парк, террасами спускавшийся к берегу р. Нашиги. Рядом с основным зданием стояли два флигеля из красного кирпича. Они соединялись с домом открытым переходом. Барский дом, один из флигелей и часть парка сохранились до наших дней. В усадьбе были конный и скотный дворы, каретный сарай, погреб, водяная мельница⁸. Пушкин останавливался в Курово-Покровском в 1829 г. Ему отвели комнату, выходящую окнами в сад. Здесь поэт работал над VII главой романа в стихах «Евгений Онегин».

Панафидины чрезвычайно бережно относились к своей истории, поэтому воспоминания о приездах в усадьбу Пушкина были семейной гордостью. Здесь сохранялось все, что имело какое-либо отношение к поэту. Многие семейные реликвии были переданы потомками в дар музею Пушкина в селе Берново. Сейчас имение разрушено, а в деревне живет пара человек.

Таким образом, первоначально «Пушкинское кольцо Верхневолжья» включало в себя всего четыре пункта, в двух из которых находились два небольших музея, и еще два пункта, в которых реставрация была проведена только частично, а подъездные пути практически отсутствовали. Тем не менее, созданные в 1970-х гг. музеи заложили основу для формирования содержательной части маршрута, стала активно развиваться «пушкинская» краеведческая тематика. Памятники культурно-исторического наследия, расположенные на маршруте, стали предметом внимания историков, краеведов, филологов, искусствоведов и реставраторов.

Второй этап развития маршрута – 1976-1990 гг. – стал временем расширения маршрута, включения в него новых объектов и оформления «Пушкинского кольца Верхневолжья» как сложившегося туристического направления, реставрации памятников истории и культуры «кольца». Появилась и соответствующая сувенирная продукция (рис. 1).

Прежде всего, оформилось собственно географическое «кольцо», включив в себя Тверь (Калинин), как исходный пункт экскурсий, Старицу, а также памятники истории и культуры, расположенные в округе основных пунктов маршрута.

⁸Литературная карта Тверского края. [Электронный ресурс]. URL: http://litmap.tvercult.ru/litmapver_k_04_kurovo-pokrovskoe.htm (дата обращения 15.11.2016).

По подсчетам исследователей, А.С. Пушкин 28 раз проезжал по Московско-Петербургскому почтовому тракту. Соответственно, в 1811, 1826, 1830 и 1836 гг. он останавливался в Твери, в гостинице Гальяни; встречался с тверскими знакомыми и друзьями (поэтами И.Д. Козловским, Ф.Н. Глинкой и др.)⁹. Таким образом, важным пунктом осмотра пушкинских мест в Твери является здание гостиницы Гальяни, о котором поэт даже написал несколько строчек в шуточной эпиграмме. К сожалению, осмотреть его можно только снаружи, поскольку все помещения теперь занимает один из частных тверских банков¹⁰. Гостиница Гальяни расположена на ул. Володарского, 34 (бывшая ул. Скорбященская). Главное здание гостиницы – двухэтажный дом с четырёхколонным кортиком, сохранилось до наших дней. Гостиница была построена обрусевшим итальянцем Павлом Дементьевичем Гальяни в конце XVIII в. вместе с трактиром, рестораном и «залом для увеселений» и долгое время считалась лучшей в городе.

Еще один объект, несомненно, имеющий тесную связь с пушкинской тематикой – погост Прутня, находящийся в пяти километрах от Торжка. Здесь на погосте у Воскресенской церкви расположен исторический некрополь, включающий захоронения представителей рода Олениных-Львовых. Среди них находится могила Анны Петровны Керн – близкой знакомой А.С. Пушкина, к которой было обращено знаменитое стихотворение «Я помню чудное мгновенье». А.П. Керн Пережитые и воссозданные в неповторимых художественных образах «чудные мгновения» жизни поэта сделали имя А.П. Керн поистине знаменитым. Кроме того, известен и карандашный портрет А.П. Керн, выполненный Пушкиным и ставший своего рода символом всего пушкинского изобразительного творчества¹¹. Захоронение А.П. Керн затерялось на кладбище погоста, но в 1980 г. там была установлен символический надгробный памятник¹².

В маршрут «Пушкинского кольца» постепенно включились объекты, входящие в состав округа усадьбы Митино – бывшего имения рода Львовых. В пушкинские времена владельцем имения был уездный предводитель новоторжского дворянства С.Д. Львов. В 1824-1833 гг. Пушкин проезжал и в этих местах. В усадьбе Митино, где с 1922 г. расположился санаторий, сохранились интересные архитектурные памятники: усадебный дом, погреб-пирамида, построенный по проекту Н.А. Львова в форме египетской пирамиды.

Еще одна усадьба – Василёво – архитектурно-художественный ансамбль конца XVIII – начала XIX вв. – тоже принадлежала тверскому дворянину Д. Львову, для которого в конце XVIII в. его дальним родственником, знаменитым архитектором Н. А. Львовым был построен главный дом. В настоящее время главный дом усадьбы не сохранился (сгорел), но на местности можно определить контуры бывшего строения по сохранившимся остаткам фундамента дома.

⁹ *Благой Д.Д.* Творческий путь Пушкина. М., 2005. С. 34-37.

¹⁰ *Там же.* С. 37.

¹¹ *Керцелли Л.Ф.* Тверской край в рисунках Пушкина. М., 1976. С. 177.

¹² Пушкинские места. Виртуальная экскурсия по Пушкинским местам России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pushkinmesta.ru/tag/prutnya/index.htm> (дата обращения 15.11.2016).

До нашего времени сохранился двухэтажный флигель этой усадьбы, перестроенный из оранжереи. На территории усадьбы сохранилась липовая аллея, шедшая к главному дому усадьбы. Недалеко расположен знаменитый валунный мост, построенный Н.А. Львовым.

На базе усадьбы Василёво в 1976 г. был создан Государственный этнографический музей под открытым небом. Из разных районов Тверской области сюда были перевезены шедевры деревянного зодчества XVIII – начала XIX вв. Музеефикация памятников деревянного зодчества на данной территории способствовала росту туристического потока и повлияла на рост популярности в том числе и «пушкинских» памятников ближайшей округи.

Следующим объектом культурного наследия, включенным в «Пушкинское кольцо Верхневолжья», является усадьба Грузины, принадлежавшая семье Полторацких. Это дворянское гнездо было родительским домом Анны Петровны Керн. В настоящее время от бывшего имения Полторацких сохранились главный усадебный дом, сильно перестроенный южный флигель хозяйственного двора, валунный мост, парк и крестьянские дома вдоль Старицкой дороги¹³.

Наряду в усадьбой Грузины в состав «пушкинских» памятников вошла усадьба Глинково. В усадьбе сохранился уникальный по своим архитектурным особенностям дом – деревянный, одноэтажный, с деревянными колоннами, основанием и крыльцом из старицкого известняка.

И Грузины, и Глинкино вошли в состав «Пушкинского кольца» главным образом благодаря близости к Берново и Курово-Покровское, на основании предположения, что Пушкин вместе с Вульфами посещал окрестные усадьбы¹⁴.

Наконец, «кольцо» замкнулось с включением в маршрут Старицы. В январе 1829 г. А.С. Пушкин провел в Старице три дня. Включению в маршрут способствовало открытие в Введенской церкви Старицкого Успенского монастыря краеведческой экспозиции.

Третий этап развития «Пушкинского кольца Верхневолжья» – 1990-е гг. – настоящее время. На данном этапе тоже состоялось включение ряда объектов культурного наследия в число «пушкинских», однако развитие происходило в основном по пути дальнейшей музеефикации и реставрации памятников и создания туристической инфраструктуры, включая ремонт дорог, создание брендов, сувенирной продукции, модернизацию экспозиций, а также научные исследования и популяризацию.

Так, обновленные экспозиции появились в Берново (1990 г.) и Старице (2008 г.). Была проведена уборка парков в Берново и Малинниках (1999 г.). Проведена реставрация часовни в Малинниках (1999 г.). Сейчас в Твери проводятся международные пушкинские конференции и пушкинские праздники поэзии.

¹³ Усадьба Грузины. [Электронный ресурс]. URL: <http://welcometver.ru/sights/10> (дата обращения 15.11.2016).

¹⁴ Анискина В. Ушедшая в небытие (Из истории деревни Старо-Глинкино) // Торжокская неделя. 2002. 3 июля (№27).

В 1991 г. состоялась передача РПЦ Воскресенской церкви погоста Прутня. Церковь была отреставрирована. Приведено в порядок историческое кладбище погоста, а на условной могиле А.П. Керн появился новый памятник¹⁵.

С 1990-х гг. пушкинский праздник в Берново получил международный формат. Большая часть мероприятий проходит под открытым небом, если это позволяют погодные условия. Проводятся пушкинские праздники и в Твери.

Среди новых памятников, включенных в состав пушкинского наследия, следует отметить здание гостиницы Пожарского в Торжке, прославленное строчками пушкинского стихотворения. Это здание было построено новоторжской купеческой дочерью Дарьей Евдокимовной Пожарской около 1800-1854 гг. (точной даты нет). По пути из Петербурга в Москву и обратно здесь останавливались многие деятели русской культуры (в 1840-х – В.Г. Белинский, И.С. Тургенев, в 1856 – А.Н. Островский, в 1881 – Л.Н. Толстой и др.)¹⁶.

Пушкин останавливался здесь всего на пару дней, но даже этот срок послужил поводом для других иронических стихов из личной переписки поэта. В 1992 г. началась реставрация здания. Историческое здание дотла сгорело 8 июля в 2002 г., но спустя 11 лет было полностью реконструировано.

Включено в число достопримечательностей и село Красное Старицкого района, где находится церковь Преображения – уникальный памятник русского зодчества. Храм возведен как реплика Чесменской церкви (1777-1780) в Петербурге по проекту архитектора Ю.М. Фельтена. В начале ноября 1826 г. Алексея Павловича Полторацкого в его имении Красное посетил Александр Сергеевич Пушкин и, конечно, видел этот храм.

В 2011 г. на церкви были проведены кровельные работы. В 2015 г. завершены основные работы в интерьере (при этом все случайно сохранившиеся остатки прежней декорации были сбиты), в 2016 г. установлен новый иконостас.

К названным памятникам добавилась усадьбы Павловское, Чукавино, Коплино, Знаменское-Раёк, не имеющие прямого отношения к поэту, но связанные с его друзьями или представителями известных дворянских родов. Таким образом, в последние десятилетия «Пушкинское кольцо Верхневолжья» расширилось за счет различных объектов, но основное внимание уделялось все же реставрации и дальнейшей музеефикации пушкинского наследия.

В то же время, значительное число памятников в настоящее время пребывают в плачевном состоянии. Полностью благополучным не может быть признана ни одна усадьба. Большие проблемы имеются в сфере транспортного сообщения между отдельными объектами «кольца». Так, к парку в Малинниках нет автобусного подъезда с разворотом, поэтому основной туристический по-

¹⁵ Погост Прутня. [Электронный ресурс]. URL: <http://welcometver.ru/sights/17> (дата обращения 15.11.2016).

¹⁶ Гостиница Пожарского // Тверские своды. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tversvod.ru/page16/?full=1> (дата обращения 15.11.2016).

ток здесь не останавливается, направляясь в расположенное в нескольких километрах от Малинников Берново¹⁷. В очень плохом состоянии находятся дороги в Грузины, Курово-Покровское, Павловское и Красное.

Есть и утраты. Так, 19-25 июня 2016 г. было снесено деревянное здание почтовой станции – единственная постройка комплекса учреждений Старицкой почты. Это редкий образец хорошо сохранившегося, хотя и перестроенного после войны, здания первой половины XIX в., сооруженного, очевидно, по образцовому проекту. Огромная мемориальная ценность дома, а также тот факт, что подобных почтовых станций сохранилось очень мало, однозначно говорили за необходимость его сохранения. В здании почтовой станции бывали Пушкин, Лажечников, Островский, Белинский и другие классики русской литературы, совершавшие поездки через город¹⁸. Однако, здание пустовало и так и не дождалось так необходимой музеефикации¹⁹.

Таким образом, в процессе формирования «Пушкинского кольца Верхневолжья» происходило включение в него различных объектов, как связанных с Пушкиным, так и не имеющих прямого отношения к жизни и деятельности поэта, но относящихся преимущественно к периоду XIX в. Складывание туристического маршрута было обусловлено музеефикацией двух объектов в Берново и Торжке, однако в дальнейшем уже развитие маршрута стало фактором, стимулировавшим процесс изучения, реставрации и музеефикации объектов культурного наследия Торжокского и Старицкого районов Тверской области.

Расширение маршрута способствует поддержанию общественного интереса к культурному наследию региона и косвенно влияет и на заинтересованность в его сохранности как власти, так и общества. В то же время, ряд общих проблем, таких, как состояние дорожной сети, отсутствие точек питания и недостаточность средств, выделяемых на реставрацию, замедляют процесс музеефикации.

Литература

Анискина В. Ушедшая в небытие (Из истории деревни Старо-Глинкино) // Торжокская неделя. 2002. 3 июля (№27).

Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина. М., 2005.

Веригин Е.А. Торжок Пушкинский. Историческое описание. Тверь, 1913.

Керцелли Л.Ф. Тверской край в рисунках Пушкина. М., 1976.

Петренко Е. По дороге с Пушкиным // Тверская жизнь. 2007. 5 сентября (№ 26253).

Пушкинские места России: путеводитель. М., 1984.

Пушкинские чтения на Верхневолжье: сб. 1. Калинин, 1972.

¹⁷ Малинники // Тверские своды. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tversvod.ru/page297/> (дата обращения 25.12.2016).

¹⁸ Старицкий район. Энциклопедия / ред. А.В. Шитков. Старица, 2003. С. 45.

¹⁹ Двойной снос в Старице // Хранители наследия [Электронный ресурс]. URL: <http://hraniteli-nasledia.com/articles/utraty/dvoynoy-snos-v-staritse/> (дата обращения 20.12.2016).

Пьянов А.С. Берег милый для меня: пушкинские места Верхневолжья. М., 1974.

Пьянов А.С. Поездка в Берново. М., 1988.

Старицкий район. Энциклопедия / ред. А.В. Шитков. Старица, 2003.

Шуленова Э.А. Памятники истории и культуры Калининской области. М., 1988.

Интернет-ресурсы

Тверские своды. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tversvod.ru/> (дата обращения 15.11.2016).

Хранители наследия [Электронный ресурс]. URL: <http://hraniteli-nasledia.com> (дата обращения 20.12.2016).

Литературная карта Тверского края. [Электронный ресурс]. URL: http://litmap.tvercult.ru/litmaptver_k_04_kurovo-pokrovskoe.htm (дата обращения 15.11.2016).

Погост Прутня. [Электронный ресурс]. URL: <http://welcometver.ru/sights/17> (дата обращения 15.11.2016).

Пушкинские места. Виртуальная экскурсия по Пушкинским местам России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pushkinmesta.ru/tag/prutnya/index.htm> (дата обращения 15.11.2016).

Усадьба Грузины. [Электронный ресурс]. URL: <http://welcometver.ru/sights/10> (дата обращения 15.11.2016).

Об авторе:

Морозова Алена Сергеевна – магистрант II курса направления «История» исторический факультет Тверского государственного университета. Научный руководитель – Ю.В. Степанова, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории.

Рис. 1. «Пушкинское кольцо Верхневолжья». Форзац сувенирного блокнота. Калинин, 1980.

Музейный праздник как форма культурно-образовательной деятельности

М. А. Леонов

В статье представлен опыт изучения одной из интерактивных форм культурно-образовательной работы музеев, а именно, музейного праздника. Раскрываются этапы становления, особенности музейного праздника, проводится анализ и систематизация различных по содержанию и технологиям музейных праздников для определения их роли в совершенствовании деятельности современных музеев.

Ключевые слова: культурно-образовательная деятельность музеев, музей, музейный праздник, особенности, разновидности, музейная практика.

Музеи в современном мире активно развиваются, превращаясь из простого хранилища культурного достояния народа в научные и культурно-образовательные центры. Одной из главных задач музея становится воспитание музейных посетителей, поэтому все чаще музеи используют в своей культурно-образовательной деятельности нетрадиционные формы.

На смену устоявшимся в музейной среде экскурсиям, урокам, лекциям приходят совершенно новые формы – игра, бал, театрализованное занятие, реконструкция, музейный праздник. Появление и развитие новых форм работы с музейной аудиторией требует специального исследования. Изучением технологий культурно-образовательной деятельности музеев занимаются как российские, так и зарубежные историки и музеологи. Это работы Ю.К. Бабанского¹, Е.В. Мавшенко², А.С. Кабанова³, Т.Ю. Юрeneuveй⁴ и других исследователей.

Данная статья посвящена анализу одной из наиболее перспективных, как показывает практика, форм культурно-образовательной деятельности – музейному празднику, его становлению, видам и особенностям.

Появление и закрепление музейного праздника в качестве формы культурно-образовательной деятельности можно отнести к 1980-м годам. Именно в это время большое количество музеев начинают внедрять эту форму в свою работу с посетителями. Данное появление исследователи связывают с двумя основными явлениями того периода.

Во-первых, в советское время активно развивалось молодежное фольклорное движение. На волне этого движения в начале 1980-х гг. возникла идея

¹ Бабанский Ю.К. Музей как феномен культурного пространства российской провинции. М., 1985.

² Мавшенко Е.В. Музейный праздник в исторической перспективе и научной рефлексии // Вестник Томского госуниверситета. Культурология и искусствоведение. 2012. №2 (6).

³ Кабанов А.С. Молодежное фольклорное движение в городах // Молодежь и культура: Проблемы досуга, художественного творчества, становления личности : сб. науч. тр. НИИ культуры. М., 1985. № 137. С. 71–90.

⁴ Юрeneuveва Т.Ю. Музееведение. М., 2003.

праздновать традиционные календарные праздники в городах с участием молодежных ансамблей. Первым опытом послужило проведение праздника Масленицы в музее-заповеднике «Коломенское» в 1983 г.⁵

Во-вторых, влияние на укрепление позиций музейного праздника в культурно-образовательной деятельности оказало появление совершенно новой коммуникативной модели музея. В данной модели упор делался на создание «особой психологической атмосферы, которая не оставляет посетителя сторонним наблюдателем народной культуры, а способствует ее активному познанию, сопереживанию»⁶. Именно музейный праздник стал формой культурно-образовательной деятельности, в которой воплотились данные требования.

Активное участие посетителей, массовость, театрализованность, видео и аудио эффекты, включение музейных реликвий – это особые характеристики, которые стали выделять музейный праздник среди других форм музейной работы. Эта форма работы с посетителем в 1980-90-х гг. практиковалась в Эрмитаже, в Ростовском историко-культурном музее-заповеднике, в Лермонтовском музее-заповеднике «Тарханы» и других музеях Советского Союза и России.

Начало 2000-х гг. ознаменовалось закреплением музейного праздника в практике музеев. Появляется и терминология – «праздник музейный – комплексная форма культурно-образовательной деятельности музеев, основанная на различных приемах активации музейной аудитории, усиливающих эмоциональное воздействие: театрализации, игре, применении особой атрибутики, ритуалов и др.»⁷. Данное определение выделяет такие характеристики музейного праздника как: присутствие сценария, использование недвижимых памятников истории и культуры, массовость, активизация аудитории, эмоциональное воздействие. Следует отметить такие черты как «музейность» и «праздничность». Праздничность заключается в наличии развлекательной стороны и присутствии обрядности. Музейность подразумевает задействованность в мероприятиях музейной атрибутики и наличие доступного сопроводительного рассказа экскурсовода. Именно с помощью музейного праздника традиции, которые выражены в основном в обрядовой сфере, приобрели в этот период музейное значение.

Таким образом, в 1980–2000-х гг. музейный праздник стал самостоятельной частью культурно-образовательной деятельности музеев. Включение музейного праздника в категорию интерактивных форм работы с музейной аудиторией существенно осложняется применением других «конкурирующих» форм. Это связано с тем, что музейный праздник становится в один ряд с различными интерактивными формами культурно-образовательной деятельности, в числе которых: реконструкции, мастер-классы, интерактивные занятия и экскурсии и т.д. И всё же стоит отметить, что популярность музейного праздника в настоящее время только возрастает, и он остаётся одной из самых востребованных форм работы с посетителем.

⁵ Кабанов А.С. Молодежное фольклорное движение в городах. С. 76.

⁶ Давыдов А.А. Эффект сопереживания // Советский музей. 1984. № 4. С. 29.

⁷ Праздник музейный // Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 109–110.

Проводится работа по теоретическому осмыслению этой формы, ее совершенствованию с целью более широкого распространения музейного праздника в практике российских музеев. Так, Е.В. Мавшенко⁸ считает, что в основе любого музейного праздника лежит определённая специфика, основанная на его содержании и способах презентации. По данным критериям выделяют разные виды музейных праздников. Систематизация имеющихся разработок позволила обоснованно сформировать из всего многообразия музейных праздников несколько групп.

Первая группа – реконструированные музейные праздники. Особое распространение они получили в краеведческих музеях и музеях-заповедниках, и, как правило, они обычно включаются в циклы календарных праздников, таких как Рождество, Крещение, Масленица, Пасха, Троица, Иван-Купала. Инсценировка обрядов, традиционные угощения, игры, танцы, сопровождение народной музыкой – основные компоненты таких праздников.

Примером такого праздника может служить программа «Поморская масленица» в музее «Малые Корелы»⁹. Именно на данном мероприятии проводится целый ряд масленичных обрядов таких, как «Хозяйские блины», «Медвежья забава», «К тёще на блины», «Столбы», «Целовальник. Молодых величать», в которых участники могут поучаствовать в играх, в танцах, попробовать праздничную выпечку. Важно отметить, что данные праздники отличаются регулярностью проведения и рассчитаны они на разные категории посетителей – от самых маленьких до взрослых. Функциями таких музейных праздников являются поддержка существующих традиций и обычаев, а также продолжение работы с нематериальным культурным наследием.

Вторая группа музейных праздников – это стилизованные личные праздники, которые во многих музеях реализуется как услуга индивидуальная, заключающаяся в проведении тех или иных торжеств, например, дня рождения или свадьбы. Данный вид праздника мы можем увидеть в музее-заповеднике «Александровская Слобода»¹⁰. Там молодоженам предлагают совершить очень необычное «романтическое путешествие» по территории музея-заповедника. В программу мероприятий входит: «сватовство» по-деревенски, «гостевание» по-царски, «смотрины приданого» по-мещански. В Александровской Слободе проходит программа под названием «Выбор царской невесты», в которой принимают участие непосредственно сами молодожены, переодетые в стилизованные костюмы. В результате такого синтеза создаётся обобщенный собирательный

⁸ Мавшенко Е.В. Музейный праздник в исторической перспективе.

⁹ В музее «Малые Корелы» прошла «Поморская масленица» // Малые Корелы, музей деревянного зодчества. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.korely.ru/museum/news/5012> (дата обращения 15.04.2016).

¹⁰ Интерактивные программы // Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Александровская слобода». [Электронный ресурс]. URL: <http://kreml-alexandrov.ru/visitors/proposal-for-tourist-groups/interactive-programs/> (дата обращения 15.04.2016).

образ на основе традиционного праздника. Назначением такой группы праздников является – адаптация традиций к условиям современности.

Третья группа праздников – это оригинальные профильные музейные праздники. В основе таких праздников лежит идея новизны и уникальности самого музея, отсутствие связи с традиционными обрядами. Тематика таких праздников, как правило, связана с профилем музея и региональной спецификой. Например, в музее-заповеднике «Спасское-Лутовиново», посвященном И.С. Тургеневу, практикуются литературные праздники, такие как «Дворянских гнезд заветные аллеи», «На Бежином лугу», «Тургеневская осень»¹¹. Другим примером может служить музей-заповедник «Изборск», в котором с 2000-х гг. широко распространён музейный праздник «Пирожковые забавы», посвященный изборским мастерам выпечки¹². К данной группе относятся и многочисленные «ночи в музее». Наиболее удачные варианты музейных праздников могут стать не только визитной карточкой музея, но и городскими объектами культурного туризма.

И наконец, четвертая группа праздников – это массовые музейные праздники, которые вписаны в общегородские (районные, областные и др.) мероприятия. В данном случае Музей становится одной из многочисленных в городе площадок, и основной его функцией становится расширение музейной аудитории в процессе участия в таком мероприятии. Примером в данном случае может служить Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей, в котором с начала 2000-х гг. проводится праздник «Заснеженный город». В рамках Дня города в музее проходит праздник «Город и его музей»¹³.

Подводя итог, необходимо отметить, что исследование музейных праздников только начинается. Однако уже сейчас можно выделить общие черты и особенности музейных праздников. Главным назначением праздника является расширение музейной аудитории, повышение общего культурно-образовательного уровня посетителей, выполнение рекреационной функции. От момента своего появления и по сей день музейный праздник является инструментом отражения, в первую очередь, традиционных обрядов и степени их культурного сохранения в исторической памяти и повседневной жизни. В противовес традиционным праздникам появились новые праздники со своими особенностями, представляющие собой самостоятельные явления в культуре. Реконструированные музейные праздники отождествляют перспективы будущего развития в рамках работы музея с нематериальным наследием и поддержкой традиций.

¹¹ Музейные праздники, памятные даты // Государственный мемориальный и природный музей-заповедник И.С. Тургенева «Спасское-Лутовиново». [Электронный ресурс]. URL: <http://spasskoye-lutovinovo.ru/category/muzejnye-prazdniki/> (дата обращения 15.04.2016).

¹² «Пирожковые забавы» в Изборске // Государственный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник «Изборск». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museum-izborsk.ru/ru/news/129/%C2%ABpirojkovyie-zabavyi%C2%BB-v-izborske> (дата обращения 15.04.2016).

¹³ Вестник Кирилло-Белозерского музея. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kirmuseum.ru/issue/guide/detail.php?ID=3062> (дата обращения 15.04.2016).

Стилизованные музейные праздники служат элементом адаптации традиций к современным условиям. Профильные и массовые музейные праздники, как правило, выполняют роль «генератора» идей для внедрения в музейный праздник новых форм мероприятий. В современном мире музейный праздник является одной из самых динамичных форм культурно-образовательной деятельности.

Литература

Бабанский Ю.К. Музей как феномен культурного пространства российской провинции. М.: Просвещение, 1985.

Давыдов А.А. Эффект сопереживания // Советский музей. 1984. № 4.

Кабанов А.С. Молодежное фольклорное движение в городах // Молодежь и культура: Проблемы досуга, художественного творчества, становления личности: сб. науч. тр. НИИ культуры. М., 1985. № 137. С. 71–90.

Мавшенко Е.В. Музейный праздник в исторической перспективе и научной рефлексии // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2012. №2 (6).

Праздник музейный // Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 109–110.

Юренева Т.Ю. Музееведение. М.: Академический Проект, 2003.

Интернет-ресурсы

Вестник Кирилло-Белозерского музея. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kirmuseum.ru/issue/guide/detail.php?ID=3062> (дата обращения 15.04.2016).

Малые Корелы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.korely.ru/museum/news/5012/> (дата обращения 15.04.2016).

Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Александровская слобода». [Электронный ресурс]. URL: <http://kreml-alexandrov.ru/visitors/proposal-for-tourist-groups/interactive-programs/> (дата обращения 15.04.2016).

Государственный мемориальный и природный музей-заповедник И.С. Тургенева «Спасское-Лутовиново». [Электронный ресурс]. URL: <http://spasskoye-lutovinovo.ru/category/muzejnye-prazdniki/> (дата обращения 15.04.2016).

Государственный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник «Изборск». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museum-izborsk.ru/ru/news/129/%C2%ABpirojkovyie-zabavyi%C2%BB-v-izborske> (дата обращения 15.04.2016).

Об авторе:

Леонов Максим Александрович – магистрант II курса направления «История», исторический факультет Тверского государственного университета. Научный руководитель – Е.В. Лагуткина, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ТвГУ.

Трехмерная реконструкция исторических объектов на примере акведука в окрестностях Велико Тырново

М. Н. Бабайцев

В статье представлены методы и результаты трехмерной реконструкции акведука эпохи средневековья, остатки которого обнаружены автором исследования в окрестностях г. Велико Тырново (Болгария). Рассматриваются основные сохранившиеся элементы системы водоснабжения, выявлена их взаимосвязь. Характеризуются методы и приемы 3D-реконструкции акведука, представлена итоговая модель.

Ключевые слова: 3D-моделирование, виртуальная реконструкция, архитектура, памятник, модель, программное обеспечение.

На сегодняшний день 3D-моделирование исторических объектов является востребованным видом исторической реконструкции и методом исследования. Нет четкой и устоявшейся концепции относительно того, как реконструировать объекты посредством трехмерного моделирования. Однако можно наметить определенный порядок действий в 3D-реконструкциях.

Сначала необходимо определить, что можно реконструировать с помощью 3D технологий. В силу того, что программное обеспечение (далее ПО) не налагает на пользователя каких-либо критических ограничений, наоборот, даёт моделисту большую свободу, можно сказать, что смоделировать в виртуальной реальности можно практически все. Если говорить конкретно, то это могут быть следующие объекты или комплексы объектов: культурные и природные ландшафты, архитектура, артефакты (музейные экспонаты)¹.

Степень исторической достоверности – также важная составляющая работы. Здесь имеется в виду то соответствие объекта реконструированного, объекту, который был или есть в реальности. Количество информации, которая имеется об объекте и есть критерий, определяющий степень достоверности. Чем больше информации имеется в наличии, тем лучше.

Под детализацией подразумевается количество элементов, применяемых в модели. Чем больше элементов, тем реалистичнее будет она смотреться. Исходя из цели, первоначально поставленной перед исследованием, готовый продукт может иметь очень хорошую детализацию. Например, в модели природного ландшафта деревья паркового комплекса будут иметь не только общие очертания, но и содержать в себе такие мелкие и второстепенные элементы как листья, ветки и т. п.

В реконструкции, например, фракийской гробницы, включенной в список всемирного наследия ЮНЕСКО, (Казанлык, Болгария) с целью предоставить

¹ *Бородкин Л.И., Жеребятьев Д.И.* Современные тенденции в разработке виртуальных реконструкций объектов историко-культурного наследия: международный опыт // Виртуальная реконструкция историко-культурного наследия в форматах научного исследования и образовательного процесса. Красноярск, 2012. С. 16.

модель для изучения мировому учёному сообществу, для тех, у кого нет возможности самому прибыть на место изучать объект, важны все детали без исключения. Если же цель – воссоздать городскую застройку на примере города Твери после большого пожара, случившегося 12 мая 1763 г., то в данном случае нет необходимости детально прорабатывать каждый дом – достаточно будет общих очертаний построек.

Немаловажным в трехмерной реконструкции является вопрос качества модели. Под качеством подразумеваются две составляющие. Во-первых, это качество текстур, детализация, правильность геометрических форм и т. п. Во-вторых, это степень соответствия воссоздаваемого объекта тем данным, на основе которых его воссоздавали².

У трехмерной реконструкции есть неоспоримый плюс – это минимальные капиталовложения. Реконструировать объекты можно несколькими способами. Во-первых, производить полномасштабную материальную реконструкцию. Яркий пример – Спаса-Преображенский³ и Невский⁴ храмы в Твери. Такой тип работ требует больших усилий и ресурсов, и вряд ли подойдет для музеев, за исключением музеев зодчества под открытым небом.

Во-вторых, создание макет объекта из древесины, гипса, папье-маше, пластика и прочих материалов – также ресурсозатратный вариант. Наконец, с помощью трехмерного моделирования. Помимо того, что, оно требует минимум денежных вложений, имеет еще одно хорошее свойство: если необходимо что-то изменить в модели в связи с появлением новых научных данных, то сделать это не составит труда.

В первых двух случаях исправить неточности будет сложнее. Кроме того, трехмерная модель с легкостью может превратиться в материальную с использованием 3D принтера, и так же легко может быть растиражирована. Для создания модели потребуется один специалист, имеющий знания в области трехмерной графики. Контролировать процесс создания должен ученый, руководитель исследования, при том, что моделисту вовсе не обязательно обладать историческим образованием.

Наличие правильно воссозданного объекта в трехмерном пространстве позволит облегчить и оптимизировать работу реставраторов, поскольку специализированное программное обеспечение дает дополнительный инструментарий. Хороший пример – процесс реставрации церкви Фрауэнкирхе⁵ (Дрезден, Германия). Церковь была полностью уничтожена в годы Второй мировой

² Жеребятнев Д.И. Методы исторической реконструкции памятников истории и культуры России средствами трехмерного компьютерного моделирования. М., 2013. С 25.

³ Спаса-Преображенский кафедральный собор в Твери. [Электронный ресурс]. URL: tver-sobor.rf (дата обращения: 25.04.2016).

⁴ Бокарев А. Церковь Александра Невского на Привокзальной площади. [Электронный ресурс]. URL: <http://temples.ru/card.php?ID=17563> (дата обращения: 25.04.2016).

⁵ Старооскольский В. Церковь Фрауэнкирхе (Frauenkirche). [Электронный ресурс]. URL: <http://masterok.livejournal.com/582017.html> (дата обращения: 25.04.2016).

войны, но воссоздана по сохранившимся довоенным фотографиям с применением оригинального материала и трехмерной модели, благодаря которой удалось с высокой точностью поставить сохранившиеся элементы церкви на первоначальные места.

Моделирование – процесс сложный и требует поэтапной разработки. Первый и самый важный этап – это сбор и изучение информации об объекте, научная работа. Поскольку цель изучения объекта – его последующая визуализация, необходимо собрать все возможные данные как исторические, так и технические: типы применявшегося материала для создания объекта, его количественные характеристики и т. п. На этом этапе так же важно решить вопрос с тем, как в последствии реконструировать выбранный объект. Возможны два варианта: самый простой – воспроизведение того, что сохранилось на данный момент. Второй более сложный – реконструкция первоначального состояния объекта. Чем дальше в глубь веков, тем сложнее реконструкция, и тем меньше шансов, что готовая модель будет соответствовать действительности.

Второй этап – непосредственное моделирование. Включает в себя обработку собранных данных: размеров, форм, а также снятие оригинальных текстур. Последнее необходимо для максимального приближения объекта к исторической действительности.

Для воссоздания исторического объекта в трехмерном пространстве необходимы следующие материалы и ресурсы⁶.

Специализированное программное обеспечение для создания модели и для ее демонстрации. Так, можно применять распространяющуюся свободно программу Blender 3D, или же использовать пробные версии, специальные предложения таких программ как Autodesk 3ds Max, Autodesk Maya, AutoCAD⁷. Преимущества указанного ПО подтверждается исследователем Д. И. Жеребятьевым, использовавшим Autodesk 3ds Max как основной инструмент для виртуальной реконструкции Тамбовской крепости⁸. Для демонстрации удобно использовать обычные Интернет-страницы со встроенным проигрывателем Adobe Flash Player, что позволит демонстрировать модель не только локально, но и глобально. Другой вариант – встраивание модели в формат файлов *PDF, в котором часто выпускаются электронные журналы, книги или хранятся электронные копии бумажных экземпляров. Так же измерительный инструмент для

⁶ Рудов И.Н., Пиков Н.О. Особенности построения трехмерной сцены виртуальной реконструкции; технологии и методы визуализации в реальном времени // Виртуальная реконструкция историко-культурного наследия в форматах научного исследования и образовательного процесса. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. С. 135-146.

⁷ Смирнов А.С., Трифоненко А.В. Архео-программа для создания графических информационных схем в среде системы AutoCAD // Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики. М., 1997.

⁸ Жеребятьев Д.И. Применение технологии интерактивного трехмерного моделирования для восстановления утраченных памятников истории и архитектуры (на примере Тамбовской крепости) // Круг идей: междисциплинарные подходы в исторической информатике. М., 2008. С.321–342.

проведения полевых работ и фотокамера для снятия текстур с объекта, персональный компьютер⁹.

Рассмотрим конкретный случай, где можно применить созданную в трехмерном пространстве модель. Опытной площадкой может стать Велико-тырновский археологический музей. В качестве опытного образца была воссоздана модель средневекового водопровода города Велико-Тырново (Болгария). Место, где находится водопровод – труднодоступное. Поэтому показать его туристам можно с помощью информационного табло, на котором каждый посетитель музея может воспроизвести, к примеру, краткий документальный фильм о водопроводе, или же своими руками собрать или разобрать его на составные элементы. Главное – это дать наглядную информацию посетителю об объекте.

Возникает закономерный вопрос: как быть с целым культурным ландшафтом? Реконструкция одного объекта – это незначительная часть культурного ландшафта. Воссоздание объектов таким способом неизбежно затянется на десятилетия и, следовательно, мониторинг объектов с применением трехмерного моделирования окажется нерентабельным. Выход из ситуации есть и заключается он в автоматизации всего процесса моделирования. Человек выступает в роле контролёра.

Автоматизировать процесс можно с помощью устройств, появившихся на рынке сравнительно недавно. Речь идёт о мультикоптерах и трёхмерных сканерах. При помощи последних у исследователей появляется возможность переводить в трёхмерное пространство практически все малогабаритные предметы, в том числе и музейные экспонаты. А вот дела с крупными памятниками архитектуры обстоят совсем иначе. Постройка трехмерного сканера таких размеров абсурдна. Решить задачу помогут мультикоптеры с установленным на них сканером. Так как дрон может с большой точностью следовать по заданному маршруту в пространстве основываясь на данных GPS или российского аналога ГЛОНАСС¹⁰, мультикоптер заменит подвижные рамки сканера.

По предварительным оценкам, на воссоздание объекта таким способом потребуется времени и сил минимум в десяток раз меньше, чем воссоздание вручную. Кроме того, модель даст представление об уязвимых частях памятника, таких, например, где конструкция наименее прочна. Для этого потребуется задать некоторые дополнительные параметры, например, материал из которого сделан объект или его часть. Специализированная программа, в нашем случае Autodesk AutoCAD, с помощью библиотек, содержащих данные таких технических дисциплин как сопромат, материаловедение и подобных, проанализирует объект и с помощью цвета укажет на уязвимости. После завершения

⁹ Жеребятьев Д.И. Междисциплинарное взаимодействие в процессе виртуальной реконструкции объектов историко-культурного наследия // История и компьютер. Петрозаводск, 2011. № 37. С. 52–56.

¹⁰ Логдачева Е.В., Швембергер С.В. Проблемы и методики трехмерной реконструкции. Б.м., б.г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nereditsa.ru/3D/article.htm> (дата обращения: 26.12.16).

работы беспилотного летательного аппарата (БПЛА) необходимо проверить данные, выдаваемые программой. Например, наличие трещин говорит о слабом месте в памятнике культуры.

Мониторинг заключается в периодическом подновлении модели и повторного анализа, сравнения полученных данных и составлении выводов с последующим принятием решений по объекту¹¹.

Во время прохождения включенного обучения в Велико-Тырново мною был обнаружены развалины водопровода, построенного по технологии, очень напоминающую византийскую. Водопровод находится в верхней части ущелья, протянувшегося по холму «Царевец» от улицы Ксилифорска до Арбанаси. Координаты объекта следующие: 43°05'33.4"N 25°40'21.9"E¹². То, что сохранилось на конец 2015 г. от водопровода, не отражает его первоначального состояния. Однако материала достаточно, чтобы провести виртуальную реконструкцию сооружения.

Питался водопровод ныне частично пересохшим источником, вытекавшим из карстовой пещеры. На советской топографической карте можно обнаружить эту пещеру. По-видимому, русло подземных вод изменилось в результате обвала. На эту мысль наводит наличие другого источника, расположившегося чуть ниже на боковой стене ущелья. Возможно, именно изменение места выхода грунтовых вод на поверхность и стало основной причиной забвения именно этой водопроводной системы.

Структура объекта. Располагается водопровод на высоте приблизительно равной 350 м над уровнем моря. Вода течет вниз по склону ущелья и на высоте около 200 м над уровнем моря впадает в реку Янтру.

Водопроводная система состоит из следующих элементов:

- трубы, что ведет от источника воды к цистерне. Водопроводные трубы схожи с теми, что экспонируются в археологическом музее Стамбула (№ 76.1Т, 91.4Т, 91.3Т);
- цистерны, объемом приблизительно равным 86 м³;
- каменного желоба, соединяющего цистерну с поилкой;
- поилки, служившей предположительно для лошадей. Примерно такие же поилки, выдолбленные в монолитной породе, можно наблюдать в древней крепости Червен, расположенной в 35 км к югу от города Русе;
- мощеной дороги, ведущей к водопроводу.

Предположительно водопровод снабжал водой ремесленников, которые располагались внизу ущелья, приводил в движение какие-либо механизмы (небольшие водяные мельницы, дробилки и т. п.). В таком случае, должна была так

¹¹ Жеребятъев Д.И., Кончаков Р.Б. Технологии трехмерного моделирования в ракурсе исторической информатики // Круг идей: модели и технологии исторических реконструкций. Москва-Барнаул-Томск: МГУ, 2010. С.145-155.

¹² Карты Google. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.ru/maps/place/43%C2%B005'33.4%22N+25%C2%B040'21.9%22E/@43.092615,25.6705613,832m/data=!3m2!1e3!4b1!4m2!3m1!1s0x0:0x0> (дата обращения: 01.03.2016).

же присутствовать система проводящих труб от цистерны вниз к ремесленникам. Обнаружить ее остатки не удалось, соответственно, можно допустить, что водой пользовались прямо на месте, у цистерны, никуда ее не транспортируя.

Датировка. Водопроводная система могла быть построена со II-го по VI-й в. На эту мысль наводит тот факт, что в этот период византийцами был построен ныне существующий Стамбульский акведук Валента, который берет начало в Болгарских Родопах. Но с другой стороны, водопроводная система могла быть сооружена в Византийский период болгарской истории, между первым и вторым Болгарскими царствами в 1018-1185 гг. Однако верхнюю границу датировки можно увеличить до XIII в. Это связано с тем, что аналогичные поилки, обнаруженные в крепости Червен, имеют такую датировку¹³. Итак, водопровод построен в период с II по XIV вв. нашей эры. Для более точной датировки необходимо провести археологические раскопки.

Обработав предварительно собранные данные, получилась достаточно хорошая, высокополигональная трехмерная модель¹⁴, готовая к апробации в музее.

Литература

Бородкин Л.И., Жеребятьев Д.И. Современные тенденции в разработке виртуальных реконструкций объектов историко-культурного наследия: международный опыт // Виртуальная реконструкция историко-культурного наследия в форматах научного исследования и образовательного процесса. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012.

Жеребятьев Д.И. Междисциплинарное взаимодействие в процессе виртуальной реконструкции объектов историко-культурного наследия // История и компьютер. Петрозаводск, 2011. № 37. С. 52–56.

Жеребятьев Д.И. Методы исторической реконструкции памятников истории и культуры России средствами трехмерного компьютерного моделирования. М., 2013.

Жеребятьев Д.И. Применение технологии интерактивного трехмерного моделирования для восстановления утраченных памятников истории и архитектуры (на примере Тамбовской крепости) // Круг идей: междисциплинарные подходы в исторической информатике. М., 2008. С. 321–342.

Жеребятьев Д.И., Кончаков Р.Б. Технологии трехмерного моделирования в ракурсе исторической информатики // Круг идей: модели и технологии исторических реконструкций. Москва-Барнаул-Томск: МГУ, 2010. С.145-155.

Овчаров Н. Десять жемчужин в короне Болгарии. София, 2005.

Рудов И.Н., Пиков Н.О. Особенности построения трехмерной сцены виртуальной реконструкции; технологии и методы визуализации в реальном времени // Виртуальная реконструкция историко-культурного наследия в форматах

¹³ *Овчаров Н.* Десять жемчужин в короне Болгарии. София, 2005. С. 23.

¹⁴ *Бабайцев М. Н.* Промежуточный итог реконструкции Великотырновского водопровода на апрель 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/S17daFMcWvY> (дата обращения: 25.04.2016).

научного исследования и образовательного процесса. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. С. 135-146.

Смирнов А.С., Трифоненко А.В. Архео-программа для создания графических информационных схем в среде системы AutoCAD // *Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики.* М., 1997.

Интернет-ресурсы

Бабайцев М. Н. Промежуточный итог реконструкции Великотырновского водопровода на апрель 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/S17daFMcWvY> (дата обращения: 25.04.2016).

Бокарев А. Церковь Александра Невского на Привокзальной площади. [Электронный ресурс]. URL: <http://temples.ru/card.php?ID=17563> (дата обращения: 25.04.2016).

Логдачева Е.В., Швембергер С.В. Проблемы и методики трехмерной реконструкции. Б.м., б.г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nereditsa.ru/3D/article.htm> (дата обращения: 26.12.16).

Спасо-Преображенский кафедральный собор в Твери. [Электронный ресурс]. URL: тверь-собор.рф (дата обращения: 25.04.2016).

Старооскольский В. Церковь Фрауэнкирхе (Frauenkirche). [Электронный ресурс]. URL: <http://masterok.livejournal.com/582017.html> (дата обращения: 25.04.2016).

Об авторе:

Бабайцев Михаил Николаевич – магистрант II курса направления «История», исторический факультет Тверского государственного университета. Научный руководитель – Ю.В. Степанова, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ТвГУ.

Содержание

ИСТОРИЯ РОССИИ

- Леонтьева Т.Г., Полевая А.В.* «Карельский след» в документах
Государственного архива Тверской области.....3
- Савинова А.И.* Переписная книга Бежецкого Верха 1646 г. как источник
для изучения расселения и демографии тверских карел
во второй половине XVII в.....12
- Рысенкова Е.В., Степанова Ю.В.* Источники по истории феодального
землевладения и хозяйства Новоторжского уезда XV-XVII вв.....18
- Кутаков С.С., Степанова Ю.В.* Историко-географический комментарий
к чертежу Старицкого уезда XVII в.....26
- Иванов А.В.* О численности и производительности заводов и фабрик Торжка
и Новоторжского уезда во второй половине XIX – начале XX
в.....33
- Чернякова И.А., Воронина П.С.* Архивные дела карельских беженцев
как исторический источник.....38

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Сурсина А.Е.* Концепция свараджа М.К. Ганди.....48
- Павлов А.А.* Ценностные установки индо-буддийского общества XIX в.
в творческом наследии И.П. Минаева.....53
- Петров К.А.* Гендерные различия в репрезентации этнокультурной
идентичности в произведениях художественной литературы
Тропической Африки.....58
- Шишкин А.А.* «Римский миф» как идейная основа взаимоотношений
с «варварами».....65

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ

- Леонова А.С.* Проблемы сохранения культуры в теоретическом
наследии Д. С. Лихачёва.....69
- Морозова А.С.* Музеефикация памятников истории и культуры в процессе
развития туристического маршрута «Пушкинское кольцо Верхневолжья»...77

Леонов М.А. Музейный праздник как форма культурно-образовательной деятельности.....85

Бабайцев М.Н. Трехмерная реконструкция исторических объектов на примере акведука в окрестностях Велико Тырново.....90

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ТВЕРСКОГО РЕГИОНА

Выпуск 3

Материалы Межвузовской
научной конференции молодых ученых
исторического факультета
Тверского государственного университета

20 апреля 2017 г.

Подписано в печать 27.03.2017. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 6,125. Тираж 100. Заказ № 145.
Редакционно-издательское управление
Тверского государственного университета
Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер. 12, корпус Б.
Тел. РИУ (4822) 35-60-63.